

У

ИМЯ В ИСТОРИИ КРАЯ

УРОЖЕНЦЫ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ: ИМЕННОЙ КАЛЕНДАРЬ

1797 г., 13 ноября. — В Нерехте родился П.Я. Актов, библиофил.

1798 г., 2 января. — В Костроме родился Ф.А. Голубинский, философ.

1799 г., 14 февраля. — В Кинешемском уезде родился А.Н. Григоров, основатель первого в России среднего женского училища (Григоровская гимназия).

1801 г., 22 октября. — В Чухломском уезде родился И.Д. Баргенов, публицист.

1802 г., 27 января. — В ус. Нероново Солигаличского уезда родился П.Д. Черевин, литератор, декабрист.

11 июня. — В ус. Ивановское Буйского уезда родился М.М. Корсаков, декабрист.

24 ноября. — В г. Лух родился Г.Г. Чернецов, художник.

1803 г., 10 ноября. — В Галиче родился П.Г. Ободовский, поэт, драматург.

1805 г., 6 января. — В Костроме родилась А.О. Ишимова, писатель.

1810 г., 4 февраля. — В Чухломе родился Н.П. Макаров, музыкант, писатель.

1811 г., 11 марта. — В Костроме родился Ф.В. Чижов, предприниматель, меценат.

1812 г., 11 июля. — В д. Яблоково Макарьевского уезда родился Е.С. Зиринов, зодчий, художник.

1813 г., 5 декабря. — В ус. Дракино Солигаличского уезда родился Г.И. Невельской, исследователь Дальнего Востока.

1816 г., 19 февраля. — В ус. Пчёлкино Галичского уезда родился А.И. Бутаков, исследователь Аральского моря.

10 мая. — В Костроме родился П.А. Зарубин, изобретатель, писатель.

1817 г., 5 мая. — В Солигаличском уезде родился В.А. Кокорев, предприниматель, меценат, основатель Солигаличского курорта.

1821 г., 23 марта. — В ус. Раменье Чухломского уезда родился А.Ф. Писемский, писатель.

19 сентября. — В Костроме родился И.Г. Поспелов, протоиерей Костромского кафедрального Успенского собора.

6 декабря. — В п. Большие Соли Костромского уезда родился Е.С. Сорокин, художник.

1824 г., 28 января. — В д. Холопово Солигаличского уезда родился А.Л. Серяков, академик гравюры.

8 мая. — В Нерехтском уезде родился Н.А. Чаев, писатель.

1825 г., 4 декабря. — В Костроме родился А.Н. Плещеев, поэт.

1828 г., 6 февраля. — В Галичском уезде родился С.В. Ешевский, учёный-историк.

1829 г., 13 июля. — В Кинешме родился А.А. Потехин, писатель.

1830 г., 15 сентября. — В селе Ушаково Нерехтского уезда родился Н.К. Бошняк, исследователь Дальнего Востока.

- 1831 г., 7 октября.** — В Парфентьеве родился С.В. Максимов, писатель.
- 1834 г., 12 марта.** — В Кологривском уезде родился Е.Е. Голубинский, историк Русской Православной Церкви, академик.
- 1835 г., 6 августа.** — В ус. Павловское Кинешемского уезда родился К.П. Поленов, учёный-металлург.
- 4 ноября.** — В селе Семёновском Нерехтского уезда родился Н.Н. Селифонтов, учёный-археограф.
- 1838 г., 17 сентября.** — В селе Вознесенском Макарьевского уезда родился И.И. Вознесенский, музыкант.
- 1840 г., 6 мая.** — В Костроме родился Н.И. Петров, литературовед.
- 1842 г., 11 сентября.** — В Костроме родился В.А. Зайцев, критик, публицист.
- 1844 г., 20 октября.** — В селе Рождествено Нерехтского уезда родился Д.И. Тихомиров, педагог-просветитель.
- 1846 г., 11 сентября.** — В Ветлуге родился Ю.Н. Мельгунов, музыкант.
- 1851 г., 5 февраля.** — В селе Гнездиново Солигаличского уезда родился И.Д. Сытин, книгоиздатель.
- 19 октября.** — В Костроме родился С.М. Георгиевский, учёный-востоковед.
- 1853 г., 22 января.** — В Кологриве родился Г.А. Ладыженский, художник.
- 1856 г., 2 мая.** — В Ветлуге родился В.В. Розанов, писатель.
- 1857 г., 5 октября.** — В селе Минском Костромского уезда родился И.Д. Преображенский, историк-краевед.
- 1859 г., 17 сентября.** — В Ветлужском уезде родился Д.П. Дементьев, краевед, археограф.
- 1860 г., 15 ноября.** — В селе Ивановском Костромского уезда родился П.И. Бирюков, писатель, первый биограф А.Н. Толстого.
- 1868 г., 2 ноября.** — В Солигаличском уезде родился В.А. Апушкин, военный историк.
- 12 декабря.** — В селе Погрешино Нерехтского уезда родился архиепископ Костромской и Галичский Никодим (Кротков), в 1995 г. как исповедник и новомученик российский причислен к лику местночтимых святых.
- 1869 г., 7 августа.** — В Варнавине родился И.А. Рязановский, историк, археограф, краевед.
- 1870 г., 10 июня.** — В Костроме родился С.И. Спасокукоцкий, учёный-хирург, академик.
- 1873 г., 3 декабря.** — В Костроме родился Н.П. Шлеин, художник.
- 1874 г., 27 августа.** — В Нерехте родилась Е.А. Дьяконова, публицист, писатель.
- 31 декабря.** — В д. Шаблово Кологривского уезда родился Е.В. Честняков, художник, писатель.
- 1876 г., 26 февраля.** — В Кологриве родился А.И. Горский, учёный-химик.
- 1878 г., 26 сентября.** — В Галиче родился Ф.Н. Красовский, учёный-геодезист.
- 1879 г., 4 июня.** — В Костроме родилась А.А. Назимова, актриса.
- 1880 г., 25 января.** — В Буйском уезде родился И.Ф. Правдин, учёный-ихтиолог.
- 30 марта.** — В д. Барановица Кологривского уезда родился И.М. Касаткин, писатель.
- 1883 г., 2 декабря.** — В селе Сорохта Нерехтского уезда родился Н.А. Благов, поэт.
- 1886 г., 20 января.** — В Чухломе родился К.В. Быков, учёный-физиолог, академик.
- 26 октября.** — В Костроме родился Г.С. Петров, учёный-химик, изобретатель пластмасс.
- 1888 г., 25 мая.** — В Костроме родился А.А. Полканов, учёный-геолог, академик.
- 26 октября.** — В Варнавине родился Ф.Ф. Аристов, литературовед.
- 1890 г., 6 февраля.** — В Солигаличе родился Л.М. Белоруссов, краевед.
- 1891 г., 6 декабря.** — В д. Паршуки Костромского уезда родился И.С. Логинов, поэт.
- 1892 г., 4 марта.** — В Костроме родился Е.А. Иванов-Барков, режиссёр, сценарист.
- В Кинешемском уезде родился Н.Д. Кондратьев, учёный-экономист.
- 1893 г., 16 сентября.** — В Костроме родился С.Н. Ушаков, учёный-химик.
- 1895 г., 30 сентября.** — В селе Новая Гольчиха Кинешемского уезда родился А.М. Василевский, военачальник, маршал, дважды Герой Советского Союза.
- 1898 г., 1 октября.** — В Галичском уезде родился С.В. Касторский, литературовед.
- 1899 г., 30 июля.** — В Костроме родился Г.Н. Поспелов, литературовед.
- 1900 г., 19 ноября.** — В д. Крюково Нерехтского уезда родился А.А. Новиков, военачальник, Главный маршал авиации, дважды Герой Советского Союза.
- 1901 г., 11 октября.** — В Солигаличе родился Н.А. Фигуровский, учёный-химик.
- 1903 г., 10 августа.** — В д. Святое Костромского уезда родился Н.П. Алёшин, писатель.
- 12 ноября.** — В Костроме родился Н.А. Орлов, поэт.
- 1904 г., 19 марта.** — В ус. Александровское Кинешемского уезда родился А.А. Григоров, историк, краевед.
- 10 ноября.** — В селе Саметь Костромского уезда родилась П.А. Малинина, председатель колхоза, дважды Герой Социалистического Труда.
- 1905 г., 22 декабря.** — В Костроме родился И.П. Герасимов, учёный-географ, академик.
- 1906 г., 12 сентября.** — В Парфентьеве родился С.Н. Марков, писатель.
- 1908 г., 14 ноября.** — В Нерехтском уезде родился В.В. Державин, поэт.
- 1910 г., 6 июля.** — В д. Монаково Галичского уезда родился Б.П. Константинов, учёный-физик, академик.

1912 г., 24 октября. — В Парфентьеве родился Д.Ф. Белоруков, краевед.

1915 г., 15 марта. — В селе Ильинское Костромского уезда родилась Н.В. Бабушкина, парашютистка, рекордсменка мира.

1916 г., 20 ноября. — В д. Клевнёво Нерехтского уезда родился М.А. Дудин, поэт.

1917 г., 17 июля. — В д. Протасово Нерехтского уезда родился Д.К. Беляев, учёный-биолог, академик.

1922 г., 29 октября. — В д. Пахтино Чухломского уезда родился А.А. Зиновьев, писатель.

1923 г., 3 июля. — В селе Рамешки Чухломского уезда родился М.И. Пуговкин, актёр.

17 июля. — В Костроме родился Е.И. Осетров, писатель.

15 декабря. — В Галиче родился Я.Л. Аким, поэт.

1925 г., 2 сентября. — В д. Дешуково Макарьевского уезда родился Ю.В. Смирнов, Герой Советского Союза.

О ПОТОМКАХ СУСАНИНА

В нескольких верстах от Костромы есть село Домнино. В нём живут 105 свободных поселян, которые не платят податей, не исполняют никаких повинностей, т. е. не мостят дорог, не держат лошадей для почты и проезжих, не представляют рекрутов на службу государеву — одним словом, не знают никаких тягот жизни общественной, но пользуются всеми выгодами её. Этим счастливец называют белопахшцами. Знаете ли, милые друзья мои, отчего они наслаждаются такой приятной жизнью и кому обязаны всеми преимуществами своими? О, это любопытное и трогательное происшествие; вы, верно, поблагодарите меня, если я расскажу о нём. Послушайте же. (Белопахшцам взамен Домнина было пожаловано село Коробово Костромского уезда.)

В то время, когда сердца всех русских с согласным, единодушным восторгом называли государем своим Михаила Романова и уже с нетерпением ожидали известия о том, как примет он и благочестивая мать его монахиня Марфа Иоанновна послов московских, поехавших к ним с усердными мольбами от имени всего народа, поляки, узнав об этой новости и предвидя, как повредит она намерению их завладеть Россией, решили погубить избранного царя. Шестнадцатилетний юноша, отец которого, пленник в Варшаве, оплакивал бедствия своего отечества, а мать, насильно постриженная, проводила печальные дни в монастырской келье, не мог быть страшен для врагов сильных и многочисленных, и погибель его казалась для них лёгкою: всё зависело от того только, чтобы сделать это прежде, чем послы успеют приехать к нему и превратить скромное беззащитное жилище молодого боярина в неприступный, окружённый верными подданными дворец избранного государя.

Рассуждая таким образом, отправили они отряд самых решительных злодеев в поместье Романовых. Это поместье было в Костромской губернии, ему принадлежало также и то село Домнино, о котором мы говорили в начале этого рассказа. Отряд поляков

уже появился в Домнине, оставалось не более версты до той деревни, где был господский дом, в котором жил молодой Михаил в разлуке с добрыми родителями, тоскуя о несчастной судьбе отца и услаждая горечь свою только свиданиями с матерью, монахиней, жившей в нескольких верстах от него, в Ипатьевском монастыре. Убийцы не знали дороги в эту деревню и случайно встретили крестьянина из села Домнино Ивана Сусанина. Нетерпеливо начали они спрашивать у него, как им найти поместье нового царя Михаила Феодоровича, и, чтобы не показаться подозрительными, злодеи притворились, что посланы от друзей его, чтобы прежде всех поздравить с неожиданным счастьем. Но Сусанин был умён и сметлив: он догадался, что имеет дело не с друзьями, а с самыми жестокими врагами господина своего. По платью он тотчас узнал в них поляков, а в то время этого довольно было, чтобы встревожить всякого русского. Чувствуя, что от его скромности и осторожности зависит жизнь боярина, он в ту же минуту решился на всё, чтобы только спасти его. Искусно скрыв радость, которая взволновала сердце его при известии о том, что молодой Михаил Феодорович избран царём России, он отвечал на расспросы поляков самым простодушным рассказом о том, что он очень хорошо знает поместье Романовых, что часто бывает там и может проводить дорогих гостей помещика до самого дома его.

Притворное простодушие крестьянина обмануло поляков: они поверили его словам и велели вести себя как он знает. Что же он сделал и куда повел их? В противоположную сторону от настоящей дороги! А между тем успел отправить молодому царю весть об угрожающей ему опасности. Долго поляки шли с проводником своим, нигде не останавливаясь, и, наконец, ночью пришли в самый густой, дремучий лес, где никогда никто не проходил и не проезжал. И там ещё Сусанин долго водил их, уверяя, что сбился в темноте с тропинки. Наконец злодеи начали догадываться, что проводник обманывает их, и с гневом сказали ему это. «Нет! — отвечал неустра-

шимый Сусанин, уже предвидя свою мучительную смерть. — Нет! Не я вас, а вы обманули сами себя. Как могли вы думать, что я выдам вам нашего государя? Он спасён теперь, и вы очень далеко от его поместья...»

Вы можете представить себе, милые читатели, какие жестокие мучения были наградой благородному Сусанину за его верность и мужество, за его великодушное пожертвование собой! Злодеи, видя перед собой верную смерть в лесу, где никогда ещё не было протоптано ни одной тропинки, где земля покрыта была глубоким снегом, как будто грозившим заморозить их, набросились с неопишуемой яростью на доброго слугу Романовых, и ужасны были страдания, какие вытерпел он, умирая от рук их. Но эти страдания были вознаграждены. Царь дал детям своего спасителя земли, лежавшие в окрестностях села Домнина, половину деревни Деревнище, принадлежавшей этому селу, и, наконец, все преимущества и выгоды, которые должны на вечные

времена отличать потомков Сусанина от других государственных крестьян.

Слово «белопашцы», или «беляне», произошло, вероятно, от того, что в старину отмена всех податей и повинностей с какого-нибудь селения или земли называлась обелением их, и в царской грамоте, полученной детьми Сусанина, приказано было обелить деревню, им пожалованную. Здесь кстати сказать вам, друзья мои, что эти дети и потомство их зовутся не Сусаниными, а Собиниными. Это потому, что у Ивана не было сына, а только дочь Антонида, которая была тогда замужем за Богданом Собининым и имела двух сыновей — Даниила и Константина. Вот они-то и пользовались наградой за героический поступок своего дедушки, и от них-то происходят все белопашцы, которых по последним сведениям считалось в 1836 году 105 душ мужского и 121 душа женского пола.

А.О. Ишимова. «История государства Российского в рассказах для детей». 1913 г.

ТАЙНА ИНОКА ЖЕЛЕЗНОБОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Имя сына галичского боярина Богдана Нелидова — Юрия, в иночестве — Григория, некогда инок Железоборовского монастыря (теперь это Буйский район) — мало кому знакомое имя.

Зато Гришка Отрепьев известен каждому с детства, со школьных уроков истории. Ведь это он выдавал себя за царевича Дмитрия и хоть совсем недолго — меньше года, — но занимал русский престол...

Его прапрадед пришёл на царский смотр в равной одежде, и за это был прозван Отрепьевым — прозвище совсем было вытеснило настоящую фамилию.

Только в середине 18 в. потомки его с разрешения правительства вернули настоящую фамилию рода — Нелидовы. А фамилия Отрепьев звучала лишь с церковных амвонов, когда предавали анафеме богоотступника Гришку, да осталась она в книгах и учебниках по русской истории.

Впрочем, у историков насчёт личности самозванца Лжедмитрия I имеются различные точки зрения...

В полдень 15 мая 1591 г. на княжеском дворе г. Углича трагически погиб младший сын Ивана Грозного царевич Дмитрий — обладатель реального права на наследование русского престола. Но пока в Москве правил законный царь Фёдор Иванович (старший брат Дмитрия), пересуды об угличском происшествии потихоньку смолкли. Лишь со смер-

тью царя Фёдора (6 января 1598 г.), не оставившего после себя наследников, имя погибшего царевича вновь ожило в народной молве.

Среди множества слухов были и такие, будто младший сын Грозного царя чудом остался жив и в настоящее время он, якобы, находится в надёжном месте, ждёт своего часа, когда сможет открыто заявить о своих притязаниях на корону. Особенно широко заговорили о нём в первые годы начавшегося 17 в., когда царём был Б.Ф. Годунов. Тогда, в 1602–1603 гг., «сын» Грозного объявился в Польше. Именно там, в кругах придворной королевской знати, он впервые официально «признался» в своём «царском» происхождении. По распоряжению Б. Годунова, в отношении самозванца было произведено расследование, по итогам которого власти заявили, что под личиной царевича Дмитрия скрывался московский беглец, бывший инок Чудова монастыря — Григорий Отрепьев.

Пройдёт совсем немного времени, и таинственный «сын» царя Ивана Васильевича воцарится на московском престоле. Но у власти он не продержится и года. 17 мая 1606 г. в результате заговора бояр в столице вспыхнет антипольское восстание, во время которого «царь Дмитрий» будет убит и вторично объявлен (как и при Годунове) вором-обманщиком, монахом-расстригой Гришкой Отрепьевым.

Хоть затем и появится целая вереница самозванных царевичей, но ни одному из них не суждено будет сыграть ту роль, что выпала на долю первого «царя Дмитрия». Ещё при жизни загадочного государя современники проявляли неподдельный интерес к его личности. И, как свидетельствуют показания источников (мемуары очевидцев, летописи, исторические повести и сказания, актовые материалы и др.), уже тогда не было единого мнения по вопросу о том, кто укрывался под царским именем.

И в историографии утвердилось несколько точек зрения учёных о происхождении самозванца. Наиболее известны из них следующие.

1. Официальная точка зрения. По ней под личной младшего сына Ивана Грозного скрывался беглый инок кремлёвского Чудова монастыря, бывший галичский дворянин Юрий Богданович Отрепьев (в монашестве Григорий).

2. За сына Грозного выдавал себя иностранец.

3. На Московском престоле в 1605–1606 гг. царствовал истинный сын царя Ивана Васильевича IV — Дмитрий. Есть и другие версии.

Наиболее распространённой в литературе является первая версия, ибо она исходит от большинства документов официального происхождения (летописей, создававшихся в кругах, близких ко дворам царей В.И. Шуйского и М.Ф. Романова; официальных государственных актовых документов, начиная с Бориса Годунова). Две последующие версии в литературе встречаются, но реже.

В 1990 г. вышла в свет книга московского историка П.П. Васильева «Тайны русской истории конца 16 — начала 17 вв.», которая посвящена обоснованию версии о царствовании в начале 17 века на российском престоле сына Ивана Грозного — Дмитрия. Несмотря на то, что этой работе недостаёт систематического анализа и строгой критики исторических источников, некоторые факты истории, извлекаемые исследователем из ряда документов, на наш взгляд, не лишены достоверности.

Изложим здесь лишь схему спасения царевича, предложенную историком. По мнению П.П. Васильева, 15 мая 1591 г. в г. Угличе людьми Б. Годунова была предпринята попытка убить наследника русского престола младшего сына Ивана Грозного царевича Дмитрия. Но вместо царевича был убит другой, «подменённый» мальчик. Подлог осуществили люди из окружения матери царевича Марии Нагой и её родственников, когда им стало известно о замысле Б. Годунова уничтожить основного претендента на престол.

Дмитрий был тайно вывезен из угличского дворца и увезён на северо-восток в монастыри, которые возглавлялись монахами, верными Нагим и их сторонникам.

Маршрут царевича пролегал через Ярославль на Вологду, в монастырь Павла Обнорского, далее по воде — по рекам Сухоне и Двине до Сийского монастыря. Здесь в заточении находился Пётр Нагой, двоюродный брат царицы Марии Нагой, старец Феодосий, которому можно было доверить надзор, охрану и воспитание царевича. В северных монастырях сын Грозного вынужден был скрываться в монашеской одежде, под именем инока Леонида.

В скитальческой жизни царевича до ухода его за границу выделяются следующие периоды: с 1591 по 1593 гг. — жительство главным образом в Сийском монастыре на Северной Двине под присмотром Афанасия Нагого (дяди Марии Нагой) и его сына Петра, инока Феодосия и других монахов; пребывание в Кирилло-Белозерском монастыре с 1594 по 1597 гг. (здесь Дмитрий находился под охраной бывшего дьяка Андрея Щелкалова, заточённого в монастырь по приказу Б. Годунова); с 1597 по 1599 гг. царевич находился в Тихвинском, Крыпецком (Псковском) и Железоборовском (Костромском) монастырях.

Одним из последних мест монастырского жительства царевича Дмитрия (инока Леонида) была Железоборовская обитель. О пребывании его в этом монастыре говорят многие сказания и летописи, а также свидетельствуют современники-иностранцы.

В этом районе находились многочисленные вотчины бояр Романовых, дальних родственников Марии Нагой (жена боярина Ф.Н. Романова, будущего патриарха Филарета, К.И. Шестова приходилась опальной царице троюродной сестрой). По утверждению П.П. Васильева, Романовы также прини-

Никольская церковь в г. Буй. 2007 г.

мали участие в деле спасения царевича. А когда крамола Романовых раскрылась, последние успевают направить в Железнодорожный монастырь своего посланца Юрия Отрепьева с заданием переправить царевича (инока Леонида) в более безопасное место. Из костромских пределов они уходят на юго-запад России, а затем и за её пределы в Польшу. Там инок Леонид и открыл своё царское происхождение (подобная попытка предпринималась им и в России).

Таков взгляд П.П. Васильева на события, связанные, как он считает, с именем младшего сына Ивана Грозного царевича Дмитрия.

Несомненным достоинством этой концепции является попытка П.П. Васильева на основе нетрадиционного прочтения существующих источников во всех подробностях восстановить возможные пути спасения царевича Дмитрия и его последующее воцарение на русском престоле. Правда, имеющиеся в нашем распоряжении документальные материалы не позволяют сделать однозначного заключения по таким вопросам, как конкретный маршрут, которым спасшийся царевич попал в северные монастыри, а также наличие во всех перечисленных обителях сторонников партии Нагих в качестве главных должностных лиц и роль Романовых в этой истории. Но надо отметить очень интересный, на наш взгляд, факт: в «Сказании о царствовании царя Фёдора Иоанновича» и в некоторых других источниках среди бежавших из Железнодорожного монастыря с Григорием Отрепьевым монахов упоминается некий инок Крышетского монастыря «чернец Леонид». В Макарьевском монастыре на р. Унже ещё в 19 в. хранился синодик, бывший в употреблении до 1635 г. Поминания в синодике располагаются в следующем порядке: сначала следует предисловие, затем род русских царей и цариц (причём имя царевича Дмитрия не упоминается), далее идёт поминание высших духовных особ. Заканчивается перечень именем инока Леонида, которое вписано наиболее

Часовня св. мученицы Параскевы в г. Буй. 2007 г.

отчетливо и крупно. Далее следует поминание боярского рода Романовых и других крупных боярских и дворянских родов. Непонятно, почему имя простого инока было помещено среди имён людей, обладающих высшим духовным саном и принадлежащих к крупнейшему боярскому роду России. На этот факт обратил внимание во второй половине прошлого века крупнейший знаток русской Смуты академик К.Н. Бестужев-Рюмин. В целом же загадка инока Железнодорожного монастыря все ещё ждёт своего разрешения.

С.А. Уткин

ЯСНОВИДЕЦ АВЕЛЬ НА КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛЕ

Житие ясновидца и прорицателя Авеля (1757–1841) воистину достойно «ужаса и удивления». Его предсказания, «от которых пустыньники даже в страх приходят», сбывались одно за другим с неумолимостью рока и произвели на современников огромное впечатление.

Нам же Авель любопытен ещё и тем, что первую свою «неистовую» книгу с предсказаниями

о смерти Екатерины II и воцарении Павла I создал в бытность свою на костромской земле. Здесь же бывал и в позднейшие времена...

Родился Василий Васильев, таково его имя изначально, в д. Акулово Тульской губернии Алексинского уезда в крестьянской семье. С детских лет «начал он мыслить об отсутствии из дому», а, будучи плотницкому ремеслу, уходил-таки надолго с артелью, добираясь аж до Чёрного моря.

Впрочем, дело обычное — отходное... В 1785 году же, имея двоих детей, «слышав во Евангелии Христа Спасителя слово: аще кто оставит отца своего и мать, жену и чада, и вся имени Моего ради, той сторицею вся приимет и вселится в царствии небесном», ушёл совсем чрез разные города, а потом водою до Олонца и далее к Валаамскому монастырю, где принял постриг и стал зваться Авелем.

В марте 1787 г., будучи уже в Валаамской пустыни, на заутрене в церкви случился ему «из воздуха глас», и был монах «восхищён» на небо, где увидел две книги, из коих и постиг своё могучее яснознание и первые пророчества. Посоветовавшись с братией, порешили, что «ежели сие дело Божие, так будет тако и не разорится, а ежели не Божие дело, то разорится». И засел Авель усердно за грамоту, учась письму полууставом и совершенствуясь в духовной жизни, ибо чувствовал себя не готовым к подвижническому труду ни в первом, ни во втором. В сих бдениях прошло пять лет, после чего в 1792 г. покинул он пустынь и, пространствовал некоторое время, достиг реки Волги, где, вселившись в костромских пределах в монастырь Николая Чудотворца, прозываемый ещё Бабаевским, написал первые две части своей книги. Остальные три окончены им были в пустыни близ села Колшева (помещика Исакова). Не утаилась бы тайна эта никак, да все же по-другому могло быть, не угоразди Авеля показать свои тетради одному из братии, именем Аркадий...

Не снеся, очевидно, силы извергнувшегося на него откровения, тотчас побежал насмерть перепуганный мальи, топоча чунями снег, чтобы известить строителя и остальную братию. Настоятель тетрадочки тут же изъял, и, также ужаснувшись, если и не красотой слога и мощью пророчеств, так хотя бы тем, что они касались высочайших императорских особ, представил немедля Авеля в Кострому в духовную консисторию...

- Ты ли ту книгу писал?
- Не списывал, а сочинял из видения...

С тем признанием препровождён был Авель к епископу Костромскому и Галицкому Павлу, который, ознакомившись с твореньем, обратил внимание также не столько на ереси, сколько на то, что «в книге своей он проводит дерзостной и вредный толк об особе Императрицы и о ея царском роде, в чём заключается секрет важный».

Лишён был Авель монашеских одеяний и под «крепким караулом» отправлен в наместническое

правление. Владимирский и Костромской генерал-губернатор генерал-поручик Заборовский сам лично в острог к узнику прибыть изволили. Что за неожиданный опасный человек? Откуда у него такие пугающие рассудок мнения? Задал несколько вопросов, пытаясь не то допрос чинить, не то искренне интересуясь... Затем наместник за дело взялся: много хитрых вопросов задавал, запутал совсем.

«Ваше высокопревосходительство, — взмолился Авель, — я с вами говорить не могу, потому что косноязычен, но дайте мне бумаги, я вам всё напишу».

Бумаги ему не дали — понаписал уже! Стали думать, что делать. Темнит что-то супостат, а дело государево, не заговор ли какой намечается. В Петербург надо везти, от греха подальше.

Заковали Авеля в железы, вручили назначенному сопровождающим караульным прапорщику Масленникову крамольную книгу, протоколы допросов и письмо к графу А.Н. Самойлову, в коем, в частности, генерал-губернатор писал: «Для извлечения признания от сего сумасброда и злодея, не имеет ли он участников, сделан был ему новый допрос секретно правителем наместничества, но без всякого успеха...»

И поехал возок. Ещё один унтер-офицер сидел с ружьём, глаз не спускал... Зима кончалась. А год был 1796-й. Жить императрице, по предсказанию Авеля, оставалось самую малость, всего ничего...

Генерал-прокурор Самойлов, «главнокомандующий всему Сенату», от потрясения после прочтения авелиевой книги в ярость пришёл, кричал прेमного и по лицу бил наотмашь. «Отец же Авель стояше перед ним весь в благодати и весь в божественных действиях». «Стояше», впрочем, оставалось ему недолго... После допроса 5 марта в Тайной экспедиции предстояло ему «сидеше». И то слава Богу! За его прегрешение по закону казнь полагалась.

Екатерина была женщиной просвещённого ума, как известно, даже кометами интересовалась, и людей, тёмно говорящих, вещающих запредельное, страсть как не любила, называя не иначе как «шарлатанами, изступлёнными духовидцами» и «глушцами». Смерти боялась, но сжалилась над безумцем:

«Отправить етого вруна в Шлиссельбург! Пусть-ка там посидит до скончания живота моего. Если он такой умник, то сидеть ему осталось немного, ведь мне он каркает скорую смерть, в этом годе ешо».

6 ноября она скончалась. На престол вместо предполагаемого Александра вступил Павел Петрович. Авель отсидел в сыром каземате десять месяцев и десять дней... Сбылась его футурологическая дерзость.

4 декабря рескрипт был князю А.Б. Куракину, новому генерал-прокурору: «Князь Алексей Борисович! Всемилоостивейше повелеваем содержащегося

Никола-Бабаевский монастырь. Открытка. Начало 20 в.

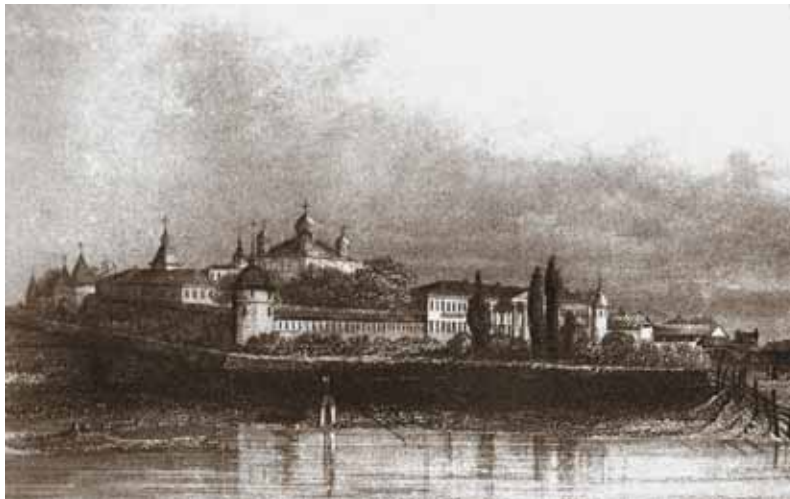
в Шлиссельбургской крепости крестьянина Васильева освободить и отослать, по желанию его, для пострижения в монахи к Гавриилу, митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому. Павел». Светлейший князь в судьбе Авеля принял живейшее участие, вёл с ним переписку, просил Гавриила быстрее постриг совершить, Государю о провидце неоднократно докладывал.

В то же время и пригляд строгий был: как бы ещё каких противуправных деяний не учинил. Из Лавры не отпускали. Но не мог Апель молчать: новое ужасное видение о скорой гибели Павла I было ему. И хотел он, чтобы люди об этом знали, а потому, тайно покинув обитель, ушёл в Москву, где и глаголил всенародно. Огневил власти, и тем вновь обрёл себя на страдания. Сослали его всё на тот же Валаам, под надзор настоятеля Назария. В 1800 г. изъяли там у него «книгу, которую когда настоятель взял и спросил его... отвечив, что дали ему прочитать и, бросаясь к настоятелю за нею, с азартом вскричал, чтоб он ея не брал, в противном случае убьёт его до смерти. Когда же настоятель бывшему с ним иеромонаху велел позвать братию, тогда он, Апель, оробел, ту книгу из рук своих выпустил». Найден был в той книге листок с «русскими литерами, а книга писана языком неизвестным».

Опять Петербург, опять каземат в равелине, опять следователь Макаров, тот, который его и в первый раз допрашивал...

Этот Макаров ещё дело молодого Ермолова вёл, будущего генерала и героя войны, сосланного, кстати, на поселение в Кострому. Ермолов об Авеле в своих записях упоминает, видать, рассказы о непокорном прорицателе ему в душу запали. Пишут, что он с Авелем в ссылке встречался, да по хронологическим выкладкам не выходит, кажется, эта встреча. Когда Ермолов в Костроме звезды считал и Тита Ливия штудировал, Апель на Валааме пребывал. Может, в другое время? Ну, да не в этом суть.

Вскорости погиб Павел смертью насильственной, как и предсказано. На престол вступил Александр Павлович, и Авеля, в числе многих, из заточения вызволил. Впрочем, через малое время также сменил милость на гнев, ибо новая книга сочинилась у мятежного монаха с предвещанием о взятии Москвы неприятелем и её сожжении. В 1801 г. никто о таком и помыслить не мог. За распространение вредных и беспочвенных слухов Авеля сослали в Соловки уже на долгие годы... Лишь в исходе 1812 г., после того как и это пророчество неумолимо сбылось, уверовав, видимо, в необычайность дара провидца, отпустили его на свободу. Приблизил его к себе министр духов-

Ипатьевский монастырь. Акварель П. Свинына

ных дел Александр Николаевич Голицын, ближайший сподвижник императора, мистик и создатель в будущем Российского библейского общества. Надо сказать, что и Александр I находился под влиянием всякого рода прорицателей и чрево вещателей.

Об исходе Александра I в Таганрог (1 сент. 1825 г.) написано много, смерть его загадочна, легенды о старце Феодоре Кузьмиче, под обликом которого, якобы, скрывался вовсе не умерший Государь, ходят и по сию пору. Документально не подтверждается, что перед отъездом в добровольную ссылку Александр встречался с Авелем, но слухи такие существовали. Вот что пишет в своих воспоминаниях А.О. Смирнова-Россет: «Перед отъездом из Петербурга он посетил в Невской Лавре монаха Авеля, известного своей отшельнической жизнью и духом прозрения. Он беседовал с ним целый час, и Апель ему сказал, что он не увидит более своей столицы».

И это случилось.

Сбылось и следующее предсказание 1825-го года. По свидетельству поэта Дениса Давыдова: «Апель находился во время восшествия на престол Николая, он тогда сказал о нем: «Змей проживет тридцать лет»». Николай I, как известно, опочил в 1855 году.

«Одержимый духом предсказаний, то вечный скиталец по монастырям и костромским лесам и пустыням, то тюремный сиделец, инок Апель... находил себе если не почитателей, то, по крайней мере, благодетелей, и даже в высшем кругу» (Русский архив, 1873 г.). Так, например, графиня П.А. Закревская снабжала его деньгами, советуя, между прочим: «Будь мудр да больше молчи». Л.Н. Энгельгарт в «Записках» писал, что «многие барыни, почитая его святым, ездили к нему, спрашивали о женихах своим дочерям, он им отвечал, что предсказывал тогда только, когда вдохновенно было велено ему что говорить».

Стойкость и непоколебимость веры в своё предназначение была столь велика, что готов он был, в отличие от нынешних магов и колдунов, живущих

в холе под сенью сильных мира сего, идти на многие страдания и даже на смерть.

По очередному доносу, на этот раз от хозяина деревни, откуда Авель был родом, господина своего бывшего Дмитрия Львовича Нарышкина, государь Николай Павлович заточил провидца накрепко в Спасо-Ефимьев монастырь. Здесь он и умер, прожив 83 года 4 месяца, как и сказано в «Житие и страданиях отца и монаха Авеля», написанных, правда,

от третьего лица, да есть подозрение, что всё же его рукой. Выходит, и свою судьбу угадал с точностию.

Главное же предсказание Авеля о том, что «будет на земле едино стадо и един пастырь», как нетрудно догадаться, не осуществилось ещё покуда... «Впрочем, Бог весть», как заметил митрополит Петербургский Амвросий, посетив его как-то в равелине и выйдя оттуда в глубокой задумчивости.

Ю.В. Бекшиев

КНЯЗЬЯ РЕПНИНЫ

Сравнительно небольшой по территории Межевской район исторически связан со столь славными именами, которыми и поныне вправе гордиться Россия. К ним, безусловно, относятся князья Репнины, выдающиеся полководцы петровской и екатерининской эпох. За заслуги перед Отечеством они были наделены вотчинами в Костромской губернии, ранняя — матвеевская вотчина — пожалована первым венценосцем династии Романовых Михаилом Фёдоровичем. За оборону Москвы от поляков её получил князь боярин Борис Александрович Репнин в 1620 г. Польский посол и астраханский воевода, он пользовался благорасположением и царя Алексея Михайловича, одарившего его в 1640 г. Ветлужской вотчиной [1]. Документы свидетельствуют, что Репнины имели земли и в Плёсской округе: в 1774 г. за «его Сиятельством оберштабмейстером генерал-аншефом действительным камергером и разных орденов кавалером князь Петром Ивановичем Репниным» состояло по разным пустошам «двести тринадцать десятин тысяча триста пятьдесят одна квадратная сажень...»; по юго-западной границе этого владения шла «земля выморочных деревень... после столника Дмитрия Годунова», по северной — «земля деревень Сивкина и Новоселок владения майора Василья Фёдоровича сына Ростопчина»... [2].

Б.А. Репнин преумножил покупками жалованные имения, которые унаследовал его сын — Иван Борисович, затем внуки — Пётр, Сергей и Никита Ивановичи.

Кологривское имение Репниных от сёл Матвеева и Ильинского спускалось к Нижней Меже и почти граничило с ветлужской вотчиной. Межевская часть не была жалованной — с 1659 г. она состояла за боярином Бутурлиным, а до того — за Никитой Ивановичем Романовым, дядей царя Михаила Фёдоровича. У Бутурлиных деревни Барановицу, Костромиху и Некрасово приобрёл Никита Иванович

Репнин (род. в 1668 г.) — сподвижник Петра I, охранявший царя от стрельцов в Троицком монастыре, бивший турок под Азовом (1696 г.), шведов под Полтавой (1709 г.), в историю же вошёл как «пятый генерал-фельдмаршал Российской империи Аникита Иванович Репнин» [3].

Карьера Репнина не была безмятежной. Под местечком Головчиным (Польша, 1708 г.) дивизия князя подверглась внезапному нападению Карла XII — солдаты, вдохновлённые храбростью Репнина, отчаянно сражались с превосходящими силами противника, но, не получив подкрепления, вынуждены были отступить... Истинный героизм Репнина не был оценён государем — оговорённый честолюбивым Меншиковым, князь был разжалован в солдаты. В тот же год под деревней Лесной в кровавом сражении с Левенгауптом разгорячённый солдат Репнин умолял государя отдать распоряжение, «чтобы Козаки и Калмыки, находившиеся за регулярною пехотою, кололи всех кто поддастся назад!». А в 1711 г. на Пруте, в плотном окружении турецких войск, Репнин объявил императору, что готов сам «умереть, нежели поддаться!».

Фельдмаршальский жезл был дарован ему Петром I 7 мая 1724 г.

Аникита Иванович скончался 3 июля 1726 г., погребён в Риге, которую когда-то освобождал от шведов, за что был пожалован званием генерал-губернатора. Рядом с фельдмаршалом покоится прах его сына Василия Аникитича, талантливого дипломата и генерала, умершего в Рейнском походе 1748 г. от апоплексического удара. В этом походе его сопровождал четырнадцатилетний сын, «сержант Николай Репнин», который тяжело переживал утрату отца и наставника. Вернувшись с Рейна, Николай Васильевич долго учился в Германии и Франции, совмещая учёбу с военной практикой. В 1757–1758 гг. он храбро сражался под Кенигсбергом, в 1760-м — участвовал во взятии Берлина; с 1859 по 1863 гг. постигал военную науку в силь-

нейших армиях Европы: французской, австрийской и прусской. В 1862-м — двадцати восьми лет! — был возведён в генералы. По описанию И.В. Лопухина, князь «в молодых годах имел сердце пламенное и был счастлив любовью прекрасного пола ... казался иногда гордым по необходимости, был вспыльчив, но не знал мести, и одна только любовь к службе ... увлекала его».

По достижении совершеннолетия Н.В. Репнин вступил во владение отцовым наследством и в середине 1770-х гг. несколько расширил костромские вотчины. К Барановице и Некрасову он прикупил деревню Петушиху «со крестьяны, покосы, лесныя и пашенныя угодья», расположенную неподалёку от старых владений. Когда-то Петушиха (она же Темляши) принадлежала Н.И. Романову; Репнин купил её у Я.М. Нармоцкого, заплатив за имение 100 рублей. В архиве сохранился документ 1779 г., из которого видно, что в Петушихе в то время проживало «семь душ мужеска полу», земли же значилось «семдесят одна десятина сто тридцать три квадратных сажени» (1779 г.). Перечислены и ближайшие соседи Н.В. Репнина — помещик Ф.П. Казаринов, майор Е.Г. Хлебников, секунд-майоры И.М. Борноволок и А.П. Степанов, поручица М.Ф. Селивёрстова, подполковница П.С. Постникова, майорша А.П. Писемская, капитанши П.Е. Стерлегова, Дьякова, А.Ф. Хмурова. Что же касается «ландшафта» — по какой указанной «астролябийей» линии ни «пошедь», найдёшь всё одну картину: «напряме — дровяной лес генерал-поручика и кавалера Алексея и полковника Николая Логиновичей Щербачёвых, налеве — дровяной лес генерал-аншефа и разных орденов кавалера князь Николая Васильевича Репнина...» От «Зюйда ли к Осту», от «Оста ли к Зюйду» — всё «дровяной лес»...[4]. В отличие от Ветлужских и Кологривских северов, где островками в еловых чащах стояли корабельные сосны, вздымая на головокружительную высоту светлые кроны.

Столь же заметно отличались и жители кологривской вотчины по занятиям, нравам, обычаям. Ближе к Матвееву крестьяне кормились отходом, с отхода платили барину приличный оброк. И Матвеево, и Ширь (владение Адамс), и Ильинское славились искусными плотниками, их знали и ждали в крупных городах — в Нижнем, Казани, Москве, Петербурге... «Склонность к надменности и тщеславию» — столичный налёт — отличали крестьян-отходников [5]. «Старинные тое вотчины» пополнялись саратовскими, воронежскими, московскими крестьянами, переводимыми хозяином из имений, раскре-

Фельдмаршал князь Аникита Иванович Репнин

Фельдмаршал князь Николай Васильевич Репнин

доточенных по всей империи. Здесь «бесфамильное сословие» неожиданно выступало с фамилиями: Пичугины, Павкины, Комовы — первый матвеевский ономастикон. То, что создание его шло не без участия владельца, свидетельствует крепостной «Емельян», носивший в конце 18 в. звучную фамилию «Голицын». В этом смысле окраина — Петушихинская округа — являлась истинным заповедником: замуж дальше Барановиц не дерзали и с фамилиями не беспокоились до конца 19 в. [6].

Примежский край заселялся трудно, поселения истари лепились по рекам, отступая по мере вырубки леса. Деревни Барановица и Костромиха стояли на Меже, Петушиха поодаль — «при колодцах». От Петушихи лежал путь в старинное село Егорьевское, по её же землям шла большая столбовая дорога от города Унжи в Великой Устюг («а под большею дорогою пять десятин девять сот шездесят сажень...»). От уездного города Петушиху отделяло семьдесят вёрст, от губернского центра — вёрст триста, не меньше. В этих местах народ жил оседло, занимался подсечно-огневым земледелием. Зимой уходил в леса, готовил сырьё к весеннему сплаву: сплав шёл Межей и Унжей до Волги. «Скромность, общительность, простота» свойственны были межакам. Деревни Петушиха и Костромиха относились к приходу села Нижнемежского, первый храм в котором поставлен не во времена ли «боярина Романова». Спасский храм — современник фельдмаршала — возведён в 1759 году из лесного подручного материала. Отчёты местного священника приоткрывают взгляды на мир прихожан, полные наивной поэзии. Древние, не избытые сознанием верования завивались в причудливые поверья, приметы, страхи, суеверия. И уже не важно, почвой или следствием были «простота и смирение» — довольно того, что «по выносе покойника» вешалась «около дома на кол ветошь», ибо «душа усопшаго плачет о своих грехах и приходит каждое утро утирать свои слёзы, и, будто бы, ветошь наутро бывает

мокрая, а душа ходит и плачет до сорокового дня, а потом уже перестает...» [7].

«Своей собственности у крестьян нет, и то всё, чем они владеют и пользуются, есть моё и мне только одному принадлежит» [8], — определял Репнин отношение барина к крестьянину. Вряд ли кормильцы Репнина были осведомлены о его подвигах, как неизвестно и то, как часто князь посещал свои костромские вотчины. На межевании 1779 г. от него присутствовали поверенные — матвеевский служащий и нижнемежский староста, сам же Николай Васильевич находился далече не только от Петушихи и Матвеева, но и от самой России-матушки пребывал в весьма не ближнем расстоянии. В тот год он участвовал в Тешенском конгрессе (в Германии), где, применив искусство дипломатии, примирил Австрийский двор с немцами.

Внук знаменитого фельдмаршала был крупным государственным деятелем. Полномочный посол Екатерины II, он несколько лет негласно управлял мятежной Польшей, состоял в доверительных отношениях с Фридрихом Великим, принимал от турецкого визиря невиданные доселе почести — ему устилали путь драгоценными коврами, дарили шубами богатейшего меха... Подобный почёт — следствие не только дипломатического дара, но выдающегося таланта военачальника, которым был щедро наделён Репнин. Не было дела, которое бы он не завершил великопобедой. На том самом Пруте, где готовился «умереть, но не сдаться» дед, он прошёл таким необоримым тайфуном, что ещё вёрст шесть гнал от Прута тридцатитысячную армию турок... Победу увенчал взятием Измаила (26 июля 1870 г.), из которого турки при виде его бежали! Далее двинулся к Килии, которая горела, как факел, подожжённая неприятелем с четырёх сторон... Князь не имел обычая добивать побеждённых: благородство сдерживало азарт реванша. Слова его, сказанные попавшим в ловушку туркам, вошли в историю: «Я обещаю оставить вам жизнь, дать свободу и отпустить имущество», дабы знали: «Россия умеет побеждать, но везде, где только человечество склоняет к жалости, — щадит и прощает».

Полководец, посол, министр Екатерины II — таков был Репнин, владелец Матвеева и Петушихи. Как крупная личность, он имел немало завистников, происки которых препятствовали официальному признанию его заслуг. Князь имел орден Св. Андрея Первозванного с двойными бриллиантовыми знаками, орден Св. Георгия I степени, звания генерал-губернатора Смоленского и Псковского, наместника Ревельского и Рижского, ему были жалованы тысячи крестьян в Польше и Белоруссии, его бесспорный талант давно был признан европейскими правителями... Но даже за победу при Мачине, одержанную в 1791 г. над сотысячным войском визиря Юсуф-Паши, выдающийся военачальник не получил от императрицы главной награды ...

Фельдмаршальский жезл был пожалован Репнину Павлом I 8 ноября 1796 г.

А спустя два года ему предложено было уйти в отставку — чуть раньше подобная участь постигла А.В. Суворова, главные победы которого были связаны с именем Екатерины II. По свидетельству современников, и в опале князь не утратил присущего ему благородства. Он с удовлетворением встретил воцарение Александра I, но силы уже оставляли его — 12 мая 1801 г. на 67 году жизни фельдмаршал скончался; похоронен в Москве в Донском монастыре. Беспристрастный И.В. Лопухин отмечал, что Репнин «был один из тех великих мужей, истинных героев, любителей высочайшей добродетели, которых деяния читают в Истории с восторгом удивления и коих величию не понимающие совершенства добродетели, не имеют силы верить».

Со смертью Николая Васильевича древний род, вышедший с черниговских земель, пресёкся. Бог не послал ему наследников-сыновей, у него было три дочери, рождённые в супружестве с Натальей Александровной Куракиной. Все они были приближены ко двору и имели статус статс- и кавалерственных дам. В Русском музее хранится портрет одной из них — княжны Прасковьи Николаевны Репниной — кисти художника Левицкого. Александра Николаевна вышла замуж за князя Григория Семёновича Волконского, Прасковья Николаевна — за князя Фёдора Николаевича Голицына, Дарья Николаевна — за барона Каленберга. Славная фамилия «Репнины», как и её выдающиеся носители, осталась бы только на страницах истории, если бы не уникальный в своём роде Указ Александра I, изданный сразу по кончине фельдмаршала: «В ознаменование отличного нашего уважения к воинским и гражданским подвигам покойного генерал-фельдмаршала князя Репнина, в память добродетели его и любви к отечеству, коими в мире, и на войне, и на службе, и в уединении, до самого конца службы своей, был он преисполнен, и в свидетельство, что истинные заслуги никогда не умирают, но, живя в признательности всеобщей, переходят из рода в род ... соизволяем, чтобы родной его внук, от дочери его рождённый, полковник князь Николай Волконский принял фамилию его и отныне потомственно именовался князем Репниным. Да, род князей Репниных, столь славно отечеству послуживших, с кончиной последнего в оном не угаснет, но, обновясь, пребудет с именем и примером его в незабвенной памяти российского дворянства» [9].

После 1838 г. фамилия Репнины среди кологривских владельцев не значится. Кривцовы, несколько Волконских с небольшим сельцом Вахрушиным, с деревнями Загатиным, Княжим и Пищевым... [10].

Межевские деревни, как и прочие, также стали государственными, позднее репинская Петушиха входила в Медведицкую волость, затем в Петушихинский сельсовет, ныне ни Петушихи, ни села

Нижнемежского, ни Спасского храма да, собственно, и «сословия», полностью «офамиленного» к 20 веку, — нет.

И.Х. Тлиф

1. Белоруков Д.Ф. Деревни, сёла и города Костромского края. — Кострома, 2000. С. 315.
2. ГАКО, Ф. 138, Оп. 27, Д. 3277, б/н; (есть план); Д. 3278, б/н (описание: текст почти угас).
3. Бантыш-Каменский Дм. Биографии Российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов.

- Часть I — П. М., 1991. С. 122, 127. Вообще, все о Репниных взято у Бантыш-Каменского (указ. соч.).
4. ГАКО, Ф. 138, Оп. 3, Д. 1121, б/н.
 5. ГАКО, Ф. 132, Оп. 1, ДД. 1397, 1398.
 6. ГАКО, Ф. 200, б/ш, Д. 614, Лл. 228 — 467.
 7. ГАКО, Ф. 132, Оп. 1, Д. 1398, б/н.
 8. Белоруков Д.Ф. Деревни, сёла и города Костромского края. — Кострома, 2000. С. 516.
 9. История родов русского дворянства. Книга 1. — М., 1991. С. 70.
 10. ГАКО, Ф. 200, б/ш., Д. 193.

УСАДЬБА ПУШКИНЫХ НОВИНКИ

I

Районный центр Островское, называвшийся ранее Семёновское-Лапотное, находится на полдороге, соединяющей Кострому с Макарьевым. В прошлом — это большое торговое село на перекрёстке двух значительных в то время дорог — Большого почтового тракта Кострома — Макарьев и торгового тракта Кинешма — Галич. В своё время эти дороги широко использовались гужевым транспортом, хотя и были мало приспособленными.

Большой почтовый тракт на Макарьев был прорублен по повелению Екатерины II при государственном размежевании земель и назывался «Новый великий Сибирский путь», в отличие от старого Сибирского пути, который проходил, минуя Макарьев, на старый город Унжу, Кологрив, Новгород и далее.

Большая дорога от Костромы до Макарьева была обсажена прекрасными берёзовыми аллеями по обеим её сторонам на всем двухсоткилометровом пути, часть аллей сохранилась и до сих пор — это огромные двухсотлетние великаны, более обхвата толщиной. Зимой аллеи предохраняли дорогу от снежных заносов, а летом под их прохладной тенью отдыхали путники.

Придорожные берёзы-великаны, немые свидетели прошлого, как могикане, много видели человеческого горя и радости, аллеи — это уникальная впечатлительная красота, она как бы просит к себе внимания-уважения, ведь тут затрачен титанический труд крепостного крестьянства, единственным орудием которого служили лопата и вёдра для поливки.

Дорога, дорога... Здесь мчались тройки с лихими ямщиками,

доставлялась почта в огромных кожаных баулах под охраной сопровождающего с револьвером на шнуре через плечо. В почтовых отделениях в подорожных точно, до минуты, отмечалось время прибытия и отправки почты. Верстовые полосатые столбы показывали расстояние до известных пунктов.

По дороге были ямские станции, чайные, постоялые дворы, куда заезжали иной раз целые обозы, тут отдыхали заезжие люди и кормили лошадей. Расстояние между ямскими станциями было вёрст 20–25, содержать их обязаны были местные помещики за определённую плату, так сохранились записи: «Дуброво от Судиславля 24 версты, лошадей на станции 8, людей 5. Содержит майор О. Семёнов за плату 1481 руб. 10 к.»

«От Дуброва до Клеванцова 22 версты, 8 лошадей, 5 людей, оплата 1549 руб. 86 к. Содержит из дворян Мария Петровна Грек».

«От Клеванцова до Дымницы 15 верст, 8 лошадей, 5 людей, оплата 1474 руб. 86 к. Содержит майор Сергей Дмитриев».

Въезд в усадьбу. Начало 20 в.

На станции всем движением руководит станционный смотритель. Он ведёт станционную книгу, в которой указано, сколько на станции должно быть лошадей и их разгон, т. е. во сколько часов и куда выбыли и во сколько часов прибыли. Проезжающие на перекладных имеют право требовать лошадей согласно записи в книге, если лошади отдохнули. Ну, и приходилось смотрителям на ямской станции выслушивать разную брань от людей в чинах и военных, в случае задержки высказывавших своё нетерпение.

Движение на дороге было большое, немало шло и пешеходов, мастеровых, ремесленников, здесь же отправлялись в Сибирь рекрутские наборы, шли, звеня кандалами, группы ссыльных. Здесь пролегал печальный путь и многих декабристов.

Те декабристы, которые смогли перенести всю тяжесть каторжных работ, унижений и оскорблений и остались живы до конца срока, возвращались той же Сибирской дорогой через Костромскую губернию.

На тракте между Островским и Клеванцовым есть деревня Крутец, примыкающая к речке Корбе, на другой стороне которой находился Новинковский дом инвалидов, в нём размещены более ста человек на полном государственном обеспечении.

Ранее это была усадьба Новинки, принадлежавшая Александру Юрьевичу Пушкину, двоюродному брату Надежды Осиповны, матери великого поэта, урождённой Ганнибал.

Декабрист С.Г. Волконский — герой Отечественной войны 1812 г. — с женой и дочерью возвращался из сибирской ссылки через Кострому. Сергей Григорьевич был близким другом поэта Пушкина; есть версия, что Волконские заезжали отдохнуть в усадьбу Новинки и что видели там у Сергея Григорьевича «кольцо», сделанное из носимых им оков. Жена его, Мария Николаевна, урождённая Раевская, тридцать лет пробыла с мужем на каторге. Н.А. Некрасов воспел её в поэме «Русские женщины». Отец Марии Николаевны — Николай Николаевич Раевский, известный генерал — полководец Отечественной войны 1812 года.

II

По обе стороны большого дома находились деревянные флигеля, как и все постройки. Флигеля квадратной формы с оригинальными крыльчками, с как бы выгнутой крышей на четыре стороны напоминали китайские пагоды с фонариком посередине, кончающимся шпилем.

Дом имеет два подъезда-крыльца, у правого крыльца небольшая незаметная калитка в сад за дом. Тут же поблизости две прекрасные лиственницы, это, так сказать, парадное крыльцо, которым почти не пользовались, и открывалось оно в исключительных случаях. Левое крыльцо — гостеприимное, которым все и пользовались. Посреди крылец просторный полукруглый балкон, над домом мезонин выходит тремя окнами на север и юг. <...>

III

Предок Пушкиных, Пётр Петрович Пушкин, родившийся в 1644 г., имел двух сыновей: Александра Петровича, по нисходящему колену которого родился ПОЭТ, и другого сына, Фёдора Петровича, от которого происходит род новинковских Пушкиных.

Кроме этого родства эти два колена вновь породнились. Сын Абрама Петровича Ганнибала, Осип Абрамович, был женат на внучке Фёдора Петровича — Марии Алексеевне, от этого брака родилась дочь, вышедшая замуж за Сергея Львовича — Надежда Осиповна, мать поэта. Оба эти колена жили в большой дружбе. Александр Юрьевич очень часто бывал в семье Сергея Александровича, женатого на Надежде Осиповне, где его очень уважали и всегда были рады его посещению. Надежда Осиповна, рождения 1775 г., и Александр Юрьевич, рождения 1777 г., были двоюродные брат и сестра, почти одногодки, их родственная дружба установилась с детства, они часто время проводили вместе, постоянно встречались у Марии Алексеевны Ганнибал. Сергей Александрович и Надежда Осиповна настолько уважали Александра Юрьевича, что когда у них родился в 1799 г. сын, будущий великий поэт, то они из чувства уважения и большой симпатии и дружбы к Александру Юрьевичу новорождённому дали имя Александр, кроме этого, его записали отцом крёстным, что по тем временам считалось также особым уважением. Он приходился поэту двоюродным дядей.

Александр Юрьевич был военным, выйдя в отставку, поселился в усадьбе Новинки, где и умер в 1854 г. 77 лет. После его смерти осталось два сына: Николай и Лев. Новинки перешли в ведение Льва Александровича, женатого на Елизавете Григорьевне, урождённой Текутьевой. Она мне помнится очень доброй, милой, приветливой старушкой, всегда одетой в тёмный костюм с широкой навывпуск кофточкой и с чёрной кружевной приколкой на голове. Елизавета Григорьевна в хозяйство не входила, ведала им молодёжь, а так как они служили или учились, то в усадьбе всё были временно.

У Льва Александровича и Елизаветы Григорьевны были дети. Все они получили высшее образование. Евгения Львовна окончила первые Высшие медицинские курсы. Считая, что она из первого выпуска, часто называли её «первая женщина-врач». Затем, успешно защитив диссертацию, Евгения Львовна получила степень доктора медицинских наук.

Василий Львович — генерал, окончил высшее кавалерийское военное училище. Будучи в отставке, проживал в Костроме, помню его: невысокого роста, походка кавалерийская — вразвалку, в пальто с генеральскими отворотами, когда встречались на улице, нам, рядовым, приходилось вставать во фронт, но он всегда как-то стеснённо отмахивался.

Сергей Львович окончил курс Военно-медицинской академии в Петербурге в 1884 г., ра-

ботал старшим врачом Кинбурнского драгунского полка. В результате студенческой ссоры был в заключении в Литовском замке, после чего как политически неблагонадежный выслан из Петербурга на один год.

Последние из новинковских Пушкиных — дети Льва Львовича.

Все Львовичи отличались гуманностью, дружбой, приветливостью и радушием. Их всех тянуло в Новинки. В их доме чувствовалось демократическое мировоззрение, живая прогрессивная мысль того времени.

Они сознавали, что русское крестьянство отличается своим природным умом, способностью и настойчивостью в труде, но у него не хватает образования, чему содействует тяжёлое материальное положение.

Пушкины, считая неграмотность населения наибольшим несчастьем, выстроили на свой счёт в д. Крутец школу, содержали её, оплачивая зарплату приглашённым учительницам. Первой учительницей была Анна Александровна Велтистова, жила она вместе с Пушкиными, у них и столовалась. Затем учительницей была Зинаида Константиновна

Барсова, а когда школа стореда, это не остановило Пушкиных перед новыми личными затратами, и они опять на свой счёт построили новую школу у д. Шульгино.

Наиболее светлой личностью была Евгения Львовна, человек в высшей степени гуманный, высокообразованный, знала и пользовалась несколькими иностранными языками. Евгения Львовна долгое время работала в одной из больниц в Петербурге, с нею работала и воспитанная Пушкиными акушерка-фельдшерица Александра Ивановна, Саня...

Местное население к Пушкиным относилось с уважением, они были люди передовые, их интересовали все явления общественной жизни. <..>

Усадьба Новинки решением ВЦИК была оставлена в пожизненное пользование Евгении Львовне Пушкиной ввиду личных её заслуг и как происшедшей из рода великого поэта Александра Сергеевича Пушкина. В Новинках после смерти Евгении Львовны был открыт дом инвалидов, который и существует до сих пор...

Б.С. Киндяков. Из воспоминаний. Рукопись. 1964 г. (Публикуется в сокращении)

НА БЕРЕГУ ВЕЛИКОЙ РЕКИ

Костромские связи и красносельская вотчина Петра Вяземского

Пётр Андреевич Вяземский родился в 1792 г. в Москве в старинной и богатой княжеской семье, принадлежащей к роду Рюриковичей и потомков Владимира Мономаха. В 1494 г. князья Вяземские лишились удела и поступили в подданство Москвы. С тех пор выходцы из этого знатного рода традиционно занимали высокие должности и посты на протяжении всей истории Российского государства. Так, например, отец будущего поэта был некоторое время нижегородским губернатором.

Детство и юность П. Вяземского прошли в подмосковном имении Остафьево. Отец стремился воспитать мальчика, лишившегося в десятилетнем возрасте матери, по своему образу и подобию, закаляя его характер. Желая обуздать пылкое воображение сына, старый князь приучал его к математике и другим точным наукам. Но Петра больше интересовали история и языки, литература и философия. Этому способствовало то обстоятельство, что в доме князей Вяземских часто гостил известный поэт и историк Николай Михайлович Карамзин,

женившийся на сводной сестре Петра — Е.А. Кольвановой.

В 1807 г. старый князь умер, и Н. Карамзин стал официальным опекуном Петра Вяземского. Литературный талант начинающего поэта формировался под воздействием идей сентиментализма и поэтического мастерства Н. Карамзина и В. Жуковского. Именно они были его первыми литературными критиками. Н. Карамзин очень боялся увидеть в П. Вяземском «плохого стихотворца» и часто пугал его этой участью. И только в 1816 г. опекун сказал начинающему поэту: «Теперь уже не буду отклонять вас от стихотворства. Пишите с Богом». И это обстоятельство, скорее всего, было связано с творческим пробуждением П. Вяземского во время его поездок в костромское имение — в село Красное-на-Волге.

После смерти отца Пётр Вяземский остался владельцем большого состояния. Среди завещанных сыну имений было и село Красное с прилегающими к нему деревнями в Плёском и Кинешемском уездах Костромской губернии. Среди перечисленных в духовном завещании отца вотчин это было самое

Красное-на-Волге. Петропавловский и Богоявленский храмы. Начало 20 в.

крупное имение, насчитывавшее 907 душ. Сюда, на берег великой русской реки, не раз приезжал поэт Пётр Вяземский. Есть сведения, что в Красном он впервые побывал в 1812 г., после Бородинского сражения, следуя с женой из Ярославля в Вологду. Но это был чисто хозяйственный мимолетный визит, не оставивший следа в творческом наследии поэта.

Совсем другое дело — серия поездок Петра Вяземского, начиная с 1815 г. Результатом этих визитов стало появление по меньшей мере трёх поэтических стихотворений: «Вечер на Волге», «Утро на Волге» и «Звезда на Волге». Первое из этой стихотворной триады — «Вечер на Волге» — было написано поэтом в 1815 г. и подвергнуто стихотворному разбору Василия Жуковского. В 1818 г., а затем ещё раз через год П. Вяземский просил своего приятеля А.И. Тургенева найти это затерявшееся в его архиве стихотворение. Первая же публикация «Вечера на Волге» состоялась лишь в 1821 г. в журнале «Сын Отечества», где первоначальный текст произведения был отредактирован под влиянием критики В. Жуковского. Несмотря на то, что с момента написания стихотворения прошло почти 200 лет, всякий побывавший хоть раз в селе Красное-на-Волге, без труда узнает картину, изображённую поэтом:

Здесь тёмный ряд лесов под ризой туманов!

*Гряды воздушная синеющих курганов,
Вдали громада сёл, лежащих по горам,
Лука, платящие дань значную стадам,
Поля, одетые волнующимся златом...*

Летом 1816 г. П. Вяземский опять ездил в своё костромское имение на Волгу и вновь посещает его следующим летом.

Сюда же он возвращается снова и снова: в 1822, в 1823 г., затем в 1825 и 1828 гг. В октябре 1825 г. он сообщает А.С. Пушкину: «На днях еду в костромскую деревню дней на пятнадцать».

По дороге в Красное поэт неизменно задерживался в Костроме, где останавливался в доме своих родственников, принадлежащих к костромской ветви князей Вяземских. Их дом, располагавшийся на углу улиц, современное название их Советская

и Лермонтова, сохранился и доныне. Недалеко от дома костромских Вяземских находилась местная гимназия, где с 1819 г. директорствовал Ю. Бартенев. Являясь одноклассником поэта, он, как и тот, участвовал в войне 1812 г., был страстно увлечён наукой и литературой, слыл известным чудаком. В письме к А.С. Пушкину Пётр Вяземский дал ему такую характеристику: «Почтеннейший квакер-Бевеяей, мистик, философ, классик, романтик и хиромантик, естествоиспытатель, первый чудо-

дей по Костромской губернии и едва ли не третий или много что четвёртый по всей империи, и разве десятый по целому Божьему миру». Кроме этого, Ю. Бартенев ещё слыл покровителем молодых дарований. В качестве таковой было суждено выступить молодой девушке Анне Готовцевой, чей отец после избрания заседателем Палаты гражданского суда перебрался вместе с семьёй из Буйского уезда в Кострому. Здесь Аня обратила на себя внимание своей любовью к науке и поэтическим дарованиям. Во время одного из приездов маститого поэта директор гимназии познакомил его с девушкой. Вскоре между ними установились тёплые дружеские взаимоотношения, и Аня Готовцева передала Петру Вяземскому несколько своих стихотворений. Среди них стихотворное послание «А.С. Пушкину» («О Пушкин, слава наших дней...»). П. Вяземский довёл послание до адресата. «Вот тебе послание от одной костромитянки, — написал он А. Пушкину 18 сентября 1828 г. — Эта Готовцева точно милая девица телом и душою. Сделай милость, батюшка Александр Сергеевич, потрудись скомпоновать мадригалец в ответ». Приложив к стихам начинающей поэтессы свои «Стансы» («А.И. Готовцевой»), П. Вяземский попросил А. Пушкина напечатать их в литературном альманахе «Северные цветы». И вот в 1829 г. там были опубликованы стихи костромской поэтессы к А. Пушкину, его «Ответ А.И. Готовцевой» («И недоверчиво, и жадно...»), а также послание П. Вяземского к А. Готовцевой, где та была названа «любимицей наук».

Позднее стихи А. Готовцевой появились и в других изданиях, а известный критик В. Белинский положительно отзывался о её поэтическом даровании. Однако А. Готовцевой уже было не до стихов. В 1829 г. она вышла замуж за своего дальнего родственника, отставного подпоручика П.П. Корнилова, сына героя войны 1812 г. Обременённая домашними хлопотами, она сочиняла всё меньше.

Жизнь была немилосердна к костромской поэтессе: дети умирали, и она почти не писала стихов. К 1850 г. её поэтические опыты прекратились совсем. Но на долю этой до конца так и не реализо-

вавшей себя поэтессы выпал счастливый жребий: она воспитала и вырастила другую поэтессу — свою родную племянницу Юлию Жадовскую, которая жила в семье своей костромской тетки. Ну, а Анна Готовцева умерла в 1871 г. Её прах покоится в ограде Воскресенской церкви села Карабанова Красносельского района. Так даже после смерти красносельская земля соединила Анну Готовцеву и Петра Вяземского.

Среди костромских знакомых П. Вяземского были и другие поэты и писатели. Ещё в доме отца не раз бывал естествоиспытатель, ботаник и энтомолог Александр Бошняк. Язвительной и колкой эпиграммы удостоился другой костромской писатель — Павел Свинын.

В «Автобиографическом введении», написанном П. Вяземским, также есть любопытные детали,

характеризующие общение поэта с красносёлами. «Однажды приехал я в свою костромскую вотчину, в известное в краю торговое и промышленное село Красное, — рассказывает Пётр Вяземский. — В воскресенье по совершении обедни местный священник сказал мне приветственную речь. Говорил он с жаром, народ слушал с благоговением. Восхваляя мои гражданские и помещичьи доблести, продолжал он, указывая на меня: «Вы не знаете ещё, какого барина Бог вам дал; так знайте же, православные братья: он русский Горацій, русский Катулл, русский Марциал!» При каждом из этих имён народ отвечивал мне низкие поклоны и чуть ли не совершал знамение креста. Можно себе представить, каково было слушать мне и какую рожу делал я при этой выставке и пытке».

А.В. Зайцев

ФОНВИЗИНЫ

Наталья Дмитриевна Фонвизина, урождённая Апухтина, была интересной, заметной в своё время женщиной, ей посвящал стихи Жуковский, с ней переписывался Достоевский. Многие современники считали её прототипом Татьяны Лариной в пушкинском «Евгении Онегине», об этом и сама она писала в своих воспоминаниях. Отец её, отставной капитан Дмитрий Акимович Апухтин, был предводителем дворянства Кологривского уезда, где имел поместье. (Теперь это территория Мантуровского района.) Там и прошли детские годы Натальи Дмитриевны. Там она и встретилась впервые со своим соседом по имени, двоюродным дядей Михаилом Александровичем Фонвизиним, генералом, героем войны 1812 г., любимцем императора Александра I. В 1822 г. они обвенчались в Воскресенской церкви с. Халбуж.

В это время Михаил Александрович отошёл от участия в деятельности «Союза спасения»

и «Союза благоденствия», активным членом которых он ранее был (более того, в 1823 г. рассматривался вопрос о назначении его губернатором Костромской губернии, где он имел огромные поместья).

Не принимал Фонвизин участия и в восстании декабристов, однако в 1826 г. был арестован, осуждён на 8 лет каторги и отправлен в Сибирь. В 1828 г. вслед за мужем поехала и Наталья Дмитриевна, оставив в наших лесах детей на попечение своей матушки Марии Павловны.

Мария Павловна, в девичестве Фонвизина, происходила из обрусевшей немецкой семьи Фонвизиных, предок которых перешёл на службу к царю Ивану Грозному и получил земли в Галичском уезде. Род этот долго оставался лютеранским, но постепенно Фон-Визины обрусели, приняли православие и стали Фонвизиними. Из этого же немецкого рода происходил известный русский писатель Денис Иванович Фонвизин, который приходился родным дядей и Марии Павловне, и Михаилу Александровичу.

После смерти Михаила Фонвизина Наталья Дмитриевна вышла замуж за другого ссыльного декабриста, Ивана Пушина, друга поэта Пушкина. Сохранилась и вышла отдельным изданием их переписка, а вот письма Дмитрия Акимовича и Марии Павловны Апухтиных к дочери и зятю в Москву и Енисейск не публиковались. Письма эти переданы в дар Мантуровскому краеведческому музею экспедицией Сообщества профессиональных социологов (руководитель экспедиции — профессор Н.Е. Покровский) и теперь хранятся в его архивах.

М.А. Фонвизин

Н.Д. Фонвизина-Апухтина

Е.Н. Николева

УСАДЬБА БОРЦОВЫХ

Одной из самых красивых усадеб Костромской губернии назвал её историк и краевед Василий Иванович Смирнов, автор очерка «От Молвитина до Буя». Расположенная в 10 км от Молвитина, в бывшей Молвитинской волости Буйского уезда, усадьба с прилегающим парком располагалась на высоком холме близ Шачи, с которого на долину реки и холмы, поросшие лесами, действительно открывались на редкость красивые виды. Село Ильинское на Шаче и расположенное невдалеке от него Бочатино принадлежали в 18 в. старинному русскому дворянскому роду Борщовых [1], предок которых Иван Иванович упоминался ещё в 1500 г. как гость на свадьбе Ивана III. В 17 в. служили Борщовы стряпчими, стольниками и были записаны как дворяне Московские [2].

Строитель усадебного комплекса в Бочатине Сергей Семёнович Борщов (1753–1837) был суворовским воином, генерал-лейтенантом, занимавшим во время Отечественной войны 1812 года должность генерал-провиантмейстера русской армии, отвечающего за всё её снабжение. Через несколько лет после войны, в 1819 г. [3], уже будучи сенатором, он начал строительство роскошного особняка дворцового типа в центре Костромы на главной Екатерининской площади [4], так и вошедшего в историю Костромы как «дом Борщова». Наблюдал за строительством особняка, возведение которого было закончено в 1822 г., костромской архитектор Н.И. Метлин.

В эти же годы в Бочатине строится усадебный комплекс, главный дом которого, каменный в три этажа, имел ту же архитектуру, что и знаменитый «дом Борщова» в Костроме. Его фасад с красивой литой чугунной решёткой балкона был обращён к долине реки Шачи. С противоположной стороны дома также имелась колоннада и под ней «широкая смелая арка с круглыми окнами в глубине открывающейся стены» [5]. На «красном дворе» на большом лугу перед домом [6] были возведены ампирные постройки конюшен, сараев, оранжерей и окружающей их ограды. Главный фасад дома выходил в регулярный липовый парк, переходящий в пейзажный, сбегавший по склону холма к долине Шачи. Со стороны дороги к дому вела подъездная липовая аллея, остатки которой сохранились и сегодня.

Борщовы «дружили с музами». Портрет сестры Сергея Семёновича смолянки Натальи Семёновны (1759–1843) [7], выполненный Д.Г. Левицким в 1776 г., можно и сегодня видеть в Русском музее в Санкт-Петербурге. Её ум и красоту воспел в стихах А.П. Сумароков. Окончив в 1776 г. Смольный институт «с шифром», она осталась жить при царском дворе, была фрейлиной великих княгинь, с 1809 г. гофмейстриной над фрейлинами, кавалерственной дамой — имела орден святой Екатерины малого креста [8].

Наталья Семёновна в 1820–1830 гг. неоднократно гостила в семье брата и в Костроме, и в Бочатине.

Сергей Семёнович Борщов похоронен на кладбище церкви с. Ильинского на Шаче. Надпись на могильной плите гласила: «Здесь погребено тело генерал-лейтенанта, сенатора Сергея Семёновича Борщова. Скончался 10 августа 1837 г. на 84 году от рождения». Наследовал за ним усадьбу сын Михаил (1793–1862), действительный статский советник, камергер, проживавший в столице и Кострому навещавший редко. При нём Бочатино большую часть года стояло необитаемым, как и костромской дом на Сусанинской площади, который Михаил Сергеевич продал после пожара. Его правнучка, костромской этнограф и археолог Лидия Сергеевна Китицына, в 1976 г. писала в воспоминаниях: «В семейном альбоме сохранилась фотография дряхлого старика в пальто с бархатным воротником. <...> Он был женат на Елизавете Ивановне Богдановой. По семейным преданиям, она была придворной дамой. У нас были два прекрасных миниатюрных её портрета. Один из них моя сестра Анна Сергеевна продала в исторический музей. Вторая, менее удачная, миниатюра сохранилась» [9]. К концу жизни Михаил Сергеевич бывал в Бочатине чаще. Он умер здесь и, как отец, похоронен возле церкви с. Ильинского на Шаче. На его надгробии была сделана лаконичная надпись: «Действительный статский советник Михаил Сергееч Борщов. Умер декабря 1862 года».

Борщовы оставили своим детям внушительное состояние, но впрямь оно не пошло. Бочатино досталось в наследство младшему Михаилу, самому скромному из братьев. Гвардейские офицеры Александр, Сергей и Михаил Борщовы в молодости «жили широко», проигрывая в карты состояния. Семейное предание гласило, что М. Борщов продал за бесценок прекрасное дорогое имение под Петербургом, чтобы заплатить карточный долг своего друга. Живя в столице с 16 лет и служа в Уланском полку, он много чудачил. Например, завёл тройку маленьких пони, сбруя которых была расшита сверкающими пуговицами из изумрудов и оправленных в серебро искусственных бриллиантов, которые ранее украшали «русский сарафан» его матери, придворной дамы. Разъезжая таким способом по Петербургу, он однажды встретился с Александром II, который при виде необычной тройки крикнул: «Кто такой?» — «Корнет Борщов». Пуговицы от сбруи и «бабушкиного сарафана» долгое время хранились в семье как реликвия.

Однако, почудив в молодости, Михаил быстро остепенился. Выйдя в отставку, поселился в старинном имении Бортевых, в Даниловском уезде Ярославской губернии, которое пустовало. В течение долгих лет он избирался уездным предводителем даниловского дворянства, председателем уездной земской управы. Здесь он женился на Марии Нико-

лаевне Гладковой, дочери профессора Ярославского лицея, служившего позднее помощником ярославского губернатора.

Молодая семья стремилась по зимам жить в Костроме, ходить в театр, навещать знакомых, поэтому они продали Кашпиревым стоявшее многие годы пустым Бочатино и купили у дворян Карцевых небольшое имение на берегу Волги под Костромой — Малышково, которое сегодня входит в черту города и известно всем как дом отдыха. Но мечты остались только мечтами, в Малышкове тоже почти никогда не жили, пока оно не было дано в приданое к свадьбе Елизавете Михайловне Кितिцкой, дочери М.М. Борщова. Сюда перекочевали вслед за ней часть старинной бочатинской мебели, библиотеки и картин.

Здесь выросла дочь Е.М. Борщовой и Сергея Александровича Кितिцына Лидия Сергеевна, слушавшая с детства от матери семейные предания о некогда богатом и влиятельном роде Борщовых и об усадьбе Бочатино. В июле 1928 г. она вместе с мужем, историком и краеведом Василием Ивановичем Смирновым, посетила усадьбу предков. Они ходили по пустому дому, который пришёл в ветхость и где лежала на всём, по её словам, «печать разорения и запустения».

Окончательно усадьбу разобрали в 1939 г., когда на её территории началось строительство сырзавода.

Он был построен из усадебного кирпича ещё до войны и лет 10 работал. Теперь лишь старое каменное здание риги, чудесный вид да память стариков хранят воспоминания о старом Бочатине, снискавшем славу некогда одной из красивейших усадеб Костромской губернии.

Т.В. Войтюк-Йенсен

1. Родовым именем С.И. Борщова была усадьба в селе Никола-Отводное Даниловского уезда Ярославской губернии, при церкви которого он и был погребён.
2. ГАКО. Ф. Р. 864. Оп. 1. Д. 48. Личный фонд А.А. Григорова. Родословная Борщовых.
3. Костромской искусствовед Е.В. Кудряшов указывал более раннюю дату начала строительства дома Борщова — 1818 г.
4. Сусанинская площадь.
5. ГАКО. Р. 838. Б/ш. № 61. Докладная записка В.И. Смирнова о посещении усадьбы Бочатино в 1928 г. в Губернский отдел народного образования.
6. В настоящее время эта часть территории усадьбы застроена частными жилыми домами.
7. Н.С. Борщова в первом замужестве — Мусина-Пушкина, во втором — баронесса фон дер Ховен.
8. Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764 — 1914. Т. 3. П.г., 1915. С. 471 — 472.
9. ГАКО. Р. 864. Оп. 1. Д. 48. Л. 8. Пояснения Л.С. Кितिцкой к родословной Борщовых.

ГРАФЫ ТОЛСТЫЕ В МЕЖЕ

Появление графов Толстых на костромской земле восходит к восьмидесятым годам 18-го столетия, после женитьбы графа Ивана Андреевича Толстого (1747–1818), рязанского помещика (отца Януария Ивановича) на дочери костромского помещика Майкова, владельца села Георгиевского Егорьевского тож, на Анне Фёдоровне Майковой (1771–1832). В результате этого брака на свет появилось пятеро детей: Пётр, Фёдор, известный по прозвищу «Американец», Януарий, Вера и Екатерина. Покойный их родитель — граф Иван Андреевич Толстой — оставил после себя у костромских помещиков добрую память, недаром в середине 1790-х годов они избрали его уездным предводителем кологривского дворянства. Имущественный ценз позволял ему быть избранным, и, хотя в то время большим имением — деревней Кропачиха с другими деревнями и пятьюстами шестьюдесятью душами мужского пола крестьян (Никольское отошло к ним позже) — владела его жена, этого было достаточно для участия в выборах. Привлекало дворян и военное прошлое графа: Иван Андреевич Толстой служил в лейб-гвардии Семёновском полку с 1761 по 1783 гг. и отставлен от службы к статским де-

лам в чине бригадира. По отставке Иван Андреевич женился на Анне Фёдоровне Майковой. Их встреча не была случайной. Ещё в середине 18 в. Майковы и Толстые породнились через женитьбу полковника Василия Ивановича Толстого и Александры Ивановны Майковой (1737–1812). На одном из званных вечеров у родных молодые люди познакомились, полюбили друг друга и поженились. Иван Андреевич переехал в костромскую губернию и поселился в кологривском имении жены — селе Никольском с деревнями. Не всё, однако, шло гладко. Непомерная строгость к крестьянам в 1790-х годах вызвала их неповиновение, и, испугавшись бунта, граф Толстой был вынужден бежать в Кострому за помощью властей, причём оставил на попечение дворовых малолетнего сына Фёдора. Не от страха ли маленького барчука перед разъяренной толпой развился в нем бешеный нрав? После усмирения крестьян Иван Андреевич стал осмотрительней, и дела пошли в гору. Сыновья графа следовали военной стезе отца, дочери составили неплохие брачные партии. О кончине отставного бригадира повествует сохранившаяся в селе Георгиевском перевезённая из Никольского надгробная плита следующего содержания:

«Граф Иван Андреевич Толстой жил 70 лет 3 месяца и 13 дней, скончался 3 ноября 1818 года» [1].

Иван Андреевич Толстой не был единственным ребёнком в своей семье. Его родители, граф Андрей Иванович Толстой (1721–1803) и мать Александра Ивановна Щетинина (умерла в 1811 г.), воспитали шестерых детей, двое из которых были запечатлены на портретах, дошедших до нас. Это граф Илья Андреевич Толстой — рязанский помещик и родной дед великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. К сожалению, изображение отца Януария Ивановича — Ивана Андреевича Толстого — до нас не дошло, хотя оно, несомненно, существовало и хранилось в семейной галерее графов Толстых... Изучавший родственные контакты Толстых, правда, уже последующего поколения, костромской краевед В.Н. Бочков писал: «Лев Толстой хорошо знал своего двоюродного дядю. (Ф.И. Толстого «Американца» — брата Януария Ивановича). Яснополянская и кологривская ветви рода Толстых вообще тесно переплелись между собою. Родной брат Фёдора Ивановича Пётр был женат на Елизавете Александровне Ергольской, сестре воспитательницы великого писателя, а их сын Валериан стал мужем любимой сестры Льва Николаевича Марии Николаевны. Ей писатель и посвятил повесть «Два гусара», где вывел своего дядю Фёдора Ивановича Толстого под именем графа Турбина» [2].

Вообще, брата Януария Ивановича — Фёдора Ивановича Толстого, родившегося и проведшего своё детство в селе Никола-Граф и впоследствии гостившего в этом имении, — за яркость личности и нестандартность поведения, несмотря на преступные деяния (достаточно сказать, что он убил на дуэлях одиннадцать человек), любили писатели и выводили его в своих произведениях: в «Горе от ума» — А.С. Грибоедов, в «Былом и думах» — А.И. Герцен, в «Войне и мире» — Л.Н. Толстой.

Далеко не так был популярен Януарий Иванович Толстой, который был полной противоположностью одиозному брату. Только большая разница в возрасте — десять лет — помогла Януарию Ивановичу избежать пагубного влияния Фёдора Ивановича.

Граф Януарий Иванович Толстой, так же как и брат, родился в селе Никола-Граф в 1792 г. Оба они, хотя и в разное время, воспитывались в Первом кадетском корпусе. Старший оставил по себе память как организатор преступных шалостей и мучитель животных, младший — как усердный ученик, основательно освоивший русский, немецкий и французский языки, геометрию, арифметику, алгебру, фортификацию, историю, географию и рисование. Из Первого кадетского корпуса Януарий Толстой 19 декабря 1809 г. вступил в первый карабинерный полк прапорщиком, в котором по порядку был награждаем чинами: подпоручиком — 21 декабря 1812 г., поручиком — 8 мая 1813 г., штабс-капитаном — 25 января 1814 г., капитаном — 20 января

Портрет И.А. Толстого

1818 г. А 28 октября 1820 г. по прошению за ранами уволен от службы майором с мундиром и пенсионом полного жалования, который изъявлял получить от Костромской губернии из Кологривского уездного казначейства [3].

Сохранившиеся документы представляют графа Януария Толстого как активного участника Отечественной войны 1812 года и заграничных походов. Он участвовал «в походах 1812 года в российских пределах противу французских войск, августа 1 по 7 число в корпусе генерала графа Платова при наблюдении за действием французских войск в окрестности г. Смоленска, 10 — при селении Михайловке, откуда был командирован к корпусному командиру генерал-лейтенанту графу Остерману Толстому на бессменные ординарцы. 24 и 26 в генеральном сражении при селе Бородине, где и контужен в левую ногу пулею, и за оказанное в сём сражении отличие награждён орденом святой Анны 4-й степени» [4].

Точная дата смерти графа Януария Ивановича Толстого нам неизвестна. В документах последнее упоминание о нём относится к 1858 г. Однако надо думать, что ранее 1860-х гг. он не покинул этот свет. Село Никольское наследовал его единственный сын Дмитрий, который передал его своим детям — Ивану и Георгию.

Последним до революции владельцем Никольского стал внук Януария Ивановича Толстого граф Иван Дмитриевич Толстой, проживавший в Туле, где гнездились их родственники Толстые.

История межевской (кологривской) ветви графов Толстых не только интересная глава местной истории, но и общероссийской истории в целом.

Е.В. Сапрыгина

1. Бочков. В. Скажи, которая Татьяна? М., 1990. С. 28.
2. Бочков. В. Из рода Толстых. «Северная правда». 19 сентября 1982 г.
3. ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1592. Л. 33.
4. Там же. Л. 34.

ПЁТР ВЯЗЕМСКИЙ О ФЁДОРЕ ТОЛСТОМ «АМЕРИКАНЦЕ»

Князь Пётр Андреевич Вяземский неоднократно вспоминал в своих записках о друге-приятеле Фёдоре Толстом и рассказал о нём несколько анекдотов.

«Неизвестно почему, — пишет Вяземский, — Толстой одно время наложил на себя епитимью и месяцев шесть не брал в рот ничего хмельного. Во время одних пьяных проводов, когда его приятели две недели пьянствовали, он всё-таки ничего не пил. Только после последней выпивки, уезжая в санях вместе с Денисом Давыдовым, он попросил его: «Голубчик, дохни на меня». Ему захотелось хоть понюхать винца».

«У кого-то в конце обеда подают закуску или прикуску. Толстой отказывается, хозяин настаивает:

- Возьми, Толстой, ты увидишь, как это хорошо. Тотчас отобьёт весь хмель.
- Ах, боже мой, — воскликнул он перекрестясь. — За что же я два часа трудился? Нет, слуга покорный, хочу остаться при своём».

Однажды в английском клубе сидел перед ним барин с красно-сизым и цветущим носом. Толстой смотрел на него с сочувствием и почтением. Но видя, что во всё время обеда барин пьёт одну чистую воду, он вознегодовал и сказал: «Да это самозванец! Как смеет он на своём лице носить признаки, им незаслуженные».

Племянник Фёдора Ивановича, ограниченный и скучный человек, просил его познакомиться с Денисом Давыдовым. Однажды, когда племянник был выпивши, Фёдор Иванович предложил ему познакомиться с Давыдовым.

- Нет, — отвечал племянник, — сегодня я выпил лишнее, у меня немножко в голове...
- Тем лучше, — ответил Фёдор Иванович и, подводя его к Давыдову, сказал: — Представляю тебе моего племянника, у которого немножко в голове.

Однажды старая тетка Фёдора Ивановича просила его подписаться свидетелем на гербовом акте, стоившем несколько сот рублей. Он написал: «При сей верной оказии свидетельствую тетушке моё низжайшее почтение».

Какой-то князь должен был Фёдору Ивановичу по векселю несколько тысяч рублей. Князь, несмотря на письма Толстого и на пропущенный срок, долго не платил. Фёдор Иванович написал ему: «Если вы к такому-то числу не выплатите долг свой весь сполна, я не пойду искать правосудия в судебных местах, а отнесусь прямо к лицу вашего сиятельства».

По поводу употребления «вкось и вкривь французских слов и поговорок». Вяземский вспоминает следующий рассказ Толстого. Толстой ехал на почтовых по одной из внутренних губерний. Ему послышалось, что ямщик, подстегивая лошадь, приговаривает: «Ой, вольтеры мои!» Толстому показалось, что он ослышался. Но ямщик ещё два повторил те же слова. Наконец, Толстой спросил его:

- Почём ты знаешь Вольтера?
- Я не знаю его, — отвечал ямщик.
- Как же ты мог затвердить его имя?
- Помилуйте, барин, мы часто ездим с большими господами, так кое-что и понаслушались от них.

Вяземский замечает: есть люди, предопределённые роковою силою к неминуемому проигрышу. Толстой говорил об одном из таких обречённых: начини он играть в карты с самим собой, то и тут найдёт средство проиграться.

Где-то в Германии официально спросили Толстого: «Ваше звание?» Он ответил: «Весёлый».

С.Л. Толстой. Фёдор Толстой — Американец. — М., ГАХН. 1926 г.

ЦВЕТ ОБЩЕСТВА В ЗИНОВЬЕВЕ

Костромичи хорошо помнят, что усадьба Зиновьево (ныне Кирово) принадлежала герою 1812 года, отличившемуся при Березине и чуть было не пленившему императора Наполеона, генералу Петру Яковлевичу Корнилову. Парк усадьбы прекрасно виден со стороны шоссе в 12 верстах от Костромы и с железнодорожной станции Кирово. Места эти богаты курганами 7–12 веков, здесь жили русские поселенцы.

Первое письменное упоминание об усадьбе, которое удалось отыскать, относится к 1665 г. как о владении Аристовых [1]. По ряду признаков, включая древнее название сельца, видно, что Зиновьево возникло раньше названной даты. Возможно, что раньше эта усадьба принадлежала древнему дворянскому роду Зиновьевых. Археологической разведки на территории усадьбы никто не производил. В 17 и 18 веках усадьба принадлежала Аристовым. Самым известным представителем этого рода является Илья Аристов, полковник Пугачёва. А.С. Пушкин нашёл о нём много документов

и сделал Илью прототипом Гринёва в своей «Капитанской дочке» [2]. Аристовы были в родстве с соседними дворянскими родами Жадовских, Чичаговых, Кутузовых, Жоховых, Полозовых, Скрипицыных и другими, прославившими Россию в период её «золотого века». Во второй половине «осмнадцатого столетия» Ефимья Васильевна Куломзина (по первому мужу Скрипицына) вышла замуж за Фёдора Ивановича Аристова, владельца Зиновьева, и от него имела дочь Марью Федоровну Аристову. Последняя стала женой псковского дворянина П.Я. Корнилова, приписавшегося вскоре в костромские дворяне. Корнилова любили Суворов, Кутузов. Вместе с ними он участвовал в главных сражениях 18 — начала 19 в. Соседом Корнилова был отец друга А.С. Пушкина генерал Нащокин. Павел Воинович Нащокин дал Пушкину несколько сюжетов к его произведениям по местным костромским материалам, в том числе к повести «Метель».

Типичная дворянская усадьба в 17 в. под Костромой выглядела так: «А в том дворе хоромного

строения горница чёрная, промеж ними сени, в сенях чулан, перед ними перила, тёплая горница обита листами (обоями)» [3]. Очень редко строились каменные хоромы. К их числу относится дошедший до нашего времени каменный господский дом в Зиновьево. В самом конце 18 — начале 19 вв. костромские помещики стали строить в своих поместьях более солидные постройки. Генерал Нащокин выстроил на Покше целый дворец, церковь. Корнилов не мог себе позволить больших трат. Тем не менее, он купил несколько имений, выстроил новый деревянный барский дом, в котором было 20 комнат. Каменный дом стал использоваться как флигель для гостей. Ещё при жизни генерала Марья Фёдоровна выстроила в Костроме великолепный каменный дом с колоннами (ул. Чайковского, 11). Но поселились в нём уже дети и невестка генерала, поэтесса Анна Готовцева.

Среди крепостных П.Я. Корнилова был знаменитый русский

П.П. Корнилов с женой А.И. Готовцевой. Середина 19 в.

П.Я. Корнилов, генерал-лейтенант. Начало 19 в.

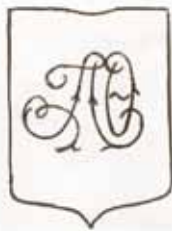
художник А. Поляков. Он закончил Академию художеств. В Петербурге костромича заметил англичанин Доу, получивший небывалый заказ от царя на галерею героев 1812 года для Зимнего дворца. Фактически портреты писал Поляков, а Доу ставил под ними свои подписи. Поляков до отъезда в Петербург создал портреты всех членов семьи генерала. Они хранятся в областном музее изобразительных искусств, а также в Государственном историческом музее. Кроме того, в усадьбу присылали свои портреты многочисленные родственники, в том числе знаменитый адмирал, герой обороны Севастополя, В.А. Корнилов. Его чтили и с ним дружили его «племянники» — дети генерала.

Дом Корниловых в Костроме и усадьба Зиновьево превратились в место, известное самому А.С. Пушкину и его друзьям, особенно когда сын генерала Павел женился на поэтессе Анне Готовцевой. В Костроме в доме Корниловых бывали друзья и знакомые Пушкина: поэты-переводчики Грамматин, Гнедич, поэт Щербина, князь П. Вяземский. В летнее время собирались в Зиновьеве. Корниловы дружили с Писемским.

В 1852 г. комендант Москвы генерал-майор Пётр Петрович Корнилов собственноручно набросал план нового дома в Зиновьеве, а около 1857 г. завершил его строительство. Этот большой деревянный дом сгорел уже в колхозную эпоху. На кладбище при усадьбе в селе Введение Пётр Петрович выстроил гробницу Аристовых и Корниловых. В том мавзолее был похоронен Павел Петрович Корнилов, а сама Анна Готовцева погребена на кладбище церкви в селе Карабаново. От некогда большого и цветущего рода сегодня нам известна только праправнучка поэтессы Галина Васильевна Корнилова, учительница литературы и русского языка в Москве. Она сохранила некоторые семейные фотографии, разыскала стихи, дневники Анны Готовцевой и подготовила их к печати. Изданы они были в 2005 г.

в альбомном формате как приложение к журналу «Губернский дом».

Архив Корниловых был одним из самых обширных в губернии [4]. Часть его, как уже упоминалось, была опубликована в 1913 г. Другая, самая большая, с фотографиями, рисунками, личными, служебными, усадебными документами была национализирована и сгорела в ГАКО в пожаре 1982 г. Тем не менее, о Корниловых сохранилось много документов в других российских архивах, книгохранилищах. Они входили в элиту российского общества своего времени. Москвичи хранят память о корниловских домах в центре первопрестольной. Иван Петрович был членом Совета министра просвещения. Он издал много книг, документов. И.П. Корнилов — автор любопытного очерка «От Костромы до Солигалича» [5]. Фёдор Петрович являлся членом Госсовета, статс-секретарём царя. Он же приобрёл усадьбу на реке Покше Княжево у своих родственников Чичаговых. Приходская церковь села Карабанова стала местом погребения многих членов семьи. Усилиями священника Георгия Эдельштейна церковь и склеп Корниловых восстановлены.

Герб рода Корниловых

Церковь во имя св. Александра Невского в Сухоногове. 1994 г.

Владения Корниловых на костромской земле были весьма обширными, а центром их оставалась родовая усадьба Зиновьево.

В окрестностях его любил охотиться поэт Некрасов. Здесь он узнал о проделке ручного медведя, про которого забыли пьяные цыгане. Медведь сел в сани на почтовой станции Дровинки, что в полумверсте от усадьбы, и промчался на тройке до следующей станции в Антипино. Так родилось стихотворение «Генерал Топтыгин».

Дети поэтессы Анны Готовцевой отличались либерализмом, идеализмом, поддерживали революционеров, открыли в усадьбе народное училище, пользовались любовью и уважением крестьян.

После революции около 1921 г. усадьба была национализирована. Вскоре основные постройки сгорели. Была разрушена и гробница.

Ю.В. Смирнов

1. Архив сельца Зиновьева (акты и письма) / Ред. А.Н. Куломзина и М.Г. Курдюмова. — СПб., 1913. С. 71.
2. Бочков. В. Сратник Пугачёва. «СП», 1979. 14 ноября.
3. Архив сельца Зиновьева. — СПб., 1913. С. 10.
4. ГАКО. Ф. 626. Оп. 1. Д. 1 — 222. Помещики Корниловы Костромского уезда. 1752 — 1905 гг.
5. Корнилов И.П. От Костромы до Солигалича. Из воспоминаний о зимней поездке по Костромской губернии в 1857 г. Архив истор. и практич. сведений о России. Кн. III. Отд. 2. С. 1 — 43.

СЛУЖИТЬ НАУКЕ

Когда-то здесь, на земле древнего Мирохановского стана, был Троицкий погост, затем рядом с ним в 15 верстах от Чухломы возникло село Мироханово. В нём в 1789 г. и родился будущий выдающийся русский учёный и общественный деятель, один из основателей Русского географического общества, автор многих трудов по географии, истории, статистике, академик Константин Иванович Арсеньев. Отец его был священником в храме Святой Троицы, так же, как и дед, служивший в селе Агутине.

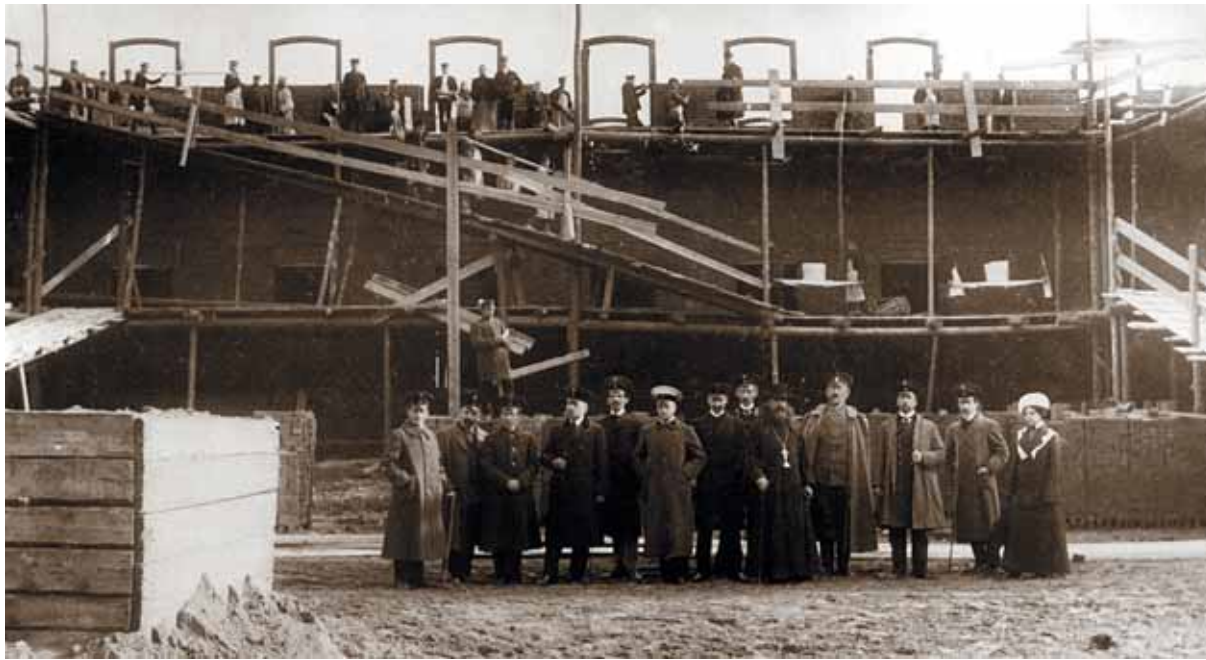
Желание служить науке было для К.И. Арсеньева выше сомнительной карьеры и благополучия. Из письма отцу: «Ежели когда-нибудь Всевышнему угодно будет наградить меня богатством, большими чинами и прочим, то и тогда не буду иметь той мысли, чтобы владеть подобными себе людьми. Из богатства, из денег можно сделать гораздо благороднейшее и полезнейшее для себя употребление. Что я буду барин с душами без доброй сам души? Что в том пользы?»

В 1818 г. увидела свет «Краткая всеобщая география», принёсшая автору «блестящую из-

вестность». Этот учебник выдержал 20 изданий и был в употреблении в большей части учебных заведений России в течение 30 лет. Напечатанная в 1825 г. «История народов и республик древней Греции» получила благожелательную оценку самого

К.И. Арсеньев. Середина 19 в.

На строительстве Чижовского сельскохозяйственного училища. Конец 19 в.

Карамзина. Благодаря архивной работе Арсеньева свет увидели многие интереснейшие исторические документы и написанные на их основе книги о царствовании Михаила Фёдоровича, Петра I, Екатерины II. В 1848 г. были изданы «Статистические очерки России» — труд, по богатству собранных в нём материалов превосходивший все прочие досель издания.

При возведении за большие заслуги в дворянское достоинство сын сельского священника, имевший чин тайного советника, получил герб: в верхней части щита — три звезды, в нижней — географический глобус. Путеводные, именные, ясные звёзды. И одна из ярких среди них — звезда с именем нашего земляка Константина Ивановича Арсеньева.

Н.В. Муренин

ВОТЧИНА ГЕРЦЕНА

Из истории села Липихино

Вспоминаю, как однажды вечером позвонил мне по телефону Александр Александрович Григоров, наш замечательный краевед-следопыт, и поделился радостью, которую доставила ему только что сделанная в областном государственном архиве находка:

- Вы, конечно, знаете, что костромское имение Липихино Яковлев подарил своему незаконнорожденному сыну Герцену?..
- Знаю, — отвечивал я, — об этом сам Герцен писал в «Былом и думах».
- Так вот Герцен там опустил весьма существенную деталь, касающуюся процедуры этого дарения. Сегодня я нашёл документ, из которого следует, что...

На этом оборву телефонный монолог Григорова, чтобы сделать к нему необходимое предисловие.

В 18–19 вв. на территории нынешнего Парфеньевского района располагалась одна из вотчин богатых помещиков Яковлевых, куда входило несколько деревень. Её «административным центром» было село Липихино (Лепехино), население которого в то время превышало две сотни крепостных. С 1839 г. имением владел Иван Алексеевич Яковлев. У него было несколько детей, и среди них внебрачный сын Александр от горячо любимой женщины. Отец души в нём не чаял. И фамилию-то ему дал со значением — Герцен (от немецкого слова «сердце»). Выдающиеся способности проявил Александр и в науках, и в литературе, и в общественной деятельности. Отец не мог нарадоваться, видя успехи сына.

Но чем ближе к закату подходила земная жизнь Ивана Алексеевича, тем явственнее представлялось

Иван Яковлев, отец А.И. Герцена

ему незавидное будущее любимца: ведь по законам империи он не может входить в число наследников отца, а, следовательно, останется без средств к существованию. И тогда Иван Алексеевич выделяет из своих обширных владений доставшуюся ему после смерти старшего брата Льва Липихинскую

вотчину в Костромской губернии и дарит её сыну. Именно так, со слов самого Герцена, пишут в своих трудах все биографы Александра Ивановича. В сущности, это не ошибка, но тем не менее находка Григорова вносит важное уточнение, характеризующее нравы и законы того времени.

А находка краеведа — это купчая, удостоверяющая, что 13 мая 1841 г. «отставной капитан и кавалер Иван Алексеевич Яковлев продал надворному советнику Александру Ивановичу Герцену» имение Липихино, заплатив сполна все полагающиеся по закону пошлыны. Теперь, по мнению Яковлева, его любимый сын будет ограждён от всяческих притязаний родственников на Липихинскую вотчину. Но, как мы увидим дальше, купчая защитила Герцена от родственников, но не от царя.

Лишённый возможности вести активную общественную деятельность, задыхаясь в атмосфере полицейского режима, Герцен в 1847 г. покидает Россию и становится политическим эмигрантом. В Лондоне он основывает Вольную русскую типографию и вместе с другом-единомышленником Н. Огарёвым издаёт тираноборческие листовки, брошюры, альманахи, журнал «Колокол».

Издательская деятельность стоила Герцену больших денег. Значительную часть средств он по-

Родная земля. 2007 г.

лучал из своего Костромского имения в виде оброка и не считал безнравственным использование крестьянских денег на святое дело борьбы с самодержавием и крепостничеством.

Николай I, узнав об этом, был взбешён. Он распорядился немедленно вернуть Герцена в Россию. Но тот отказался выполнить приказ, справедливо полагая, что на родине его ждёт тюрьма.

Тогда по указанию свыше было заведено «Дело о взятии в опеку имения Герцена вплоть до явки наследников». Оно рассматривалось Чухломским земским судом в течение двенадцати лет и закончилось в 1864 г. наложением секвеста на Липихинское поместье. Так что напрасно в своё время старался Яковлев купчей закрепить за сыном недвижимость на вечные времена.

Сам Герцен так ни разу и не побывал в Липихино. Всё дело по управлению имением, по сбору оброка, по выполнению «рекрутской повинности» Александр Иванович поручил вести доверенному лицу — старосте Ивану Яковлевичу Шульцу (та-

кой немецкой фамилией нарёк своего крепостного прежний владелец имения).

Замечательно то, что эта доверенность сохранилась у потомков старосты. Её можно увидеть в московском музее Герцена, что расположен на улице Сивцев Вражек, в доме, где некогда жил Александр Иванович. Правнук Шульца — Павел Константинович Шульцев, кроме доверенности, передал в музей металлическую вотчинную печать, на которой по окружности написано «Печать деревни Липихино с деревнями», а в центре выгравированы инициалы владельца — «А.Г.» Оттиск с этой печатки заменял подпись Герцена на различных документах, касающихся хозяйственной деятельности старосты.

В музее также хранятся воспоминания, написанные внуком Шульца со слов деда. Очень любопытный документ эпохи, безыскусно рассказывающий о взаимоотношениях господ и крепостных костромского поместья, о роли выборного старосты в жизни села и о многом другом.

В.В. Пашин

АРИСТОКРАТ В МЕДВЕЖЬЕМ УГЛУ

Из жизни уездного предводителя дворянства графа Мусина-Пушкина

В 1866 г. макарьевские дворяне избрали своим предводителем графа Николая Ивановича Мусина-Пушкина (1828–1881).

Новый уездный начальник обладал всеми качествами, необходимыми для столь высокой должности, и даже с избытком: титул, звучная, осенённая деяниями предков фамилия, огромное состояние, связи в столицах... За всю историю провинциального городка, пожалуй, не было столь блестящего и привлекательного кандидата, способного объединить и возглавить многочисленных дворян этого, как называли сами жители, «медвежьего угла».

Если бы граф не имел недвижимости в Макарьевском уезде, то, несмотря на все свои великолепные качества, он не смог бы баллотироваться в уездные предводители; но в том-то и дело, что он был одним из самых состоятельных помещиков не только уезда, но, пожалуй, и всей губернии. За ним числилась Сокольская вотчина, состоящая из ста тринадцати селений, в коих до реформы он имел 4218 душ крестьян и земли 48711 десятин. Разумеется, что после освобождения крепостных в 1861 г. он остался только земельным владельцем, располагая к тому

же лишь землёю, оставшеюся после надела временнообязанных крестьян, но и этот «остаток» был довольно внушительным.

Сокольская вотчина досталась графу Николаю Ивановичу от его отца, гофмейстера и графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина (1783–1836), а тому в свою очередь от родителей: графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина (1744–1817), известного историка и археографа, открывшего и издавшего «Слово о полку Игореве», «Русскую правду» и другие памятники письменности, а также его жены графини Екатерины Алексеевны, урожденной Волконской (1754–1829). За Николаем Ивановичем имение было оформлено 29 ноября 1857 г. по раздельному акту, совершённого во 2-м Департаменте Санкт-Петербургской гражданской палаты, с братьями и сёстрами его.

Необходимость определиться с имением и привела в макарьевскую глушь столичного аристократа, вырвав его из Петербурга, где он служил в собственной Его Императорского Величества канцелярии. Здесь он был восторженно встречен и обласкан местными дворянами, предложившими ему ввиду предстоящих выборов баллотиров-

Торговые лавки в центре Макарьева. Начало 20 в.

ку, а также свою поддержку — и вот он предводитель...

По семейному положению граф Мусин-Пушкин был женат на Марии Фёдоровне Орловой-Денисовой, двадцатилетней представительнице родовой фамилии, уже подарившей ему сына, названного в честь отца Николаем. Графиня носила уже второго ребёнка и потому с мужем не поехала, оставшись в Петербурге в ожидании родов.

Граф Николай Иванович свою должность предводителя отправлял педантично, но не ревностно, деля время между службой и занятиями имением, пребывая то в городе, то в усадьбе в сельце Никольском, контролируя своего управляющего Андропова, служившего ещё у его покойной матушки и всегда находившего проблемы, требующие вмешательства хозяина. К примеру, он считал, что имение графа непомерно отягощено натуральной повинностью в продовольствии и препровождении следующих через Макарьевский уезд рекрутских партий по двум трактам: почтовому, через города Макарьев и Кадый к Костроме, и этапному из Варнавина через город Юрьевец; оба эти тракта прилегали к имению графа Мусина-Пушкина, и повинности таким образом удваивались, ставя владельца имения в неравные условия с другими.

Решение подобных задач с помощью дельного управляющего обогащало предводителя необходимым опытом как в отношении собственного имения, так и в отношении владений других помещиков, подчинённых ему. Перечисление деревень и угодий графа, входивших в Сокольскую вотчину, заняло бы десяток страниц. Вот некоторые из них: деревни Кудрино, Хмельничная, Кропотово, Балуево, Прудово, Бараньково, Филино, Семёново, Швецово и многие другие.

Впрочем, доход с его довольно обширного имения, видимо, не удовлетворял запросов графа, очень широко жившего в столице, а также и за границей и наделавшего много долгов. Он тщетно пытался

с ними расплатиться: брал ссуды в опекуновом совете, занимал деньги у знакомых. Задержка расплаты послужила причиной многих исков и судебных дел.

Частные иски на графа Мусина-Пушкина шли от флигель-адъютанта полковника Александра Эссена по заёмному письму на 4422 рубля, от французского подданного Луи Петена (за работу и инструменты) на 1546 рублей, от ганноверского подданного Христиана Фишера по векселю 2932 рубля и т. д.

Надежда на доходы имения вскоре испарилась, и вообще складывалось такое впечатление, что оно приносит одни огорчения. Об этом свидетельствуют архивные документы, в том числе дело по жалобе доверенного графа отставного прапорщика Аполева на неплатёж оброка временнообязанными доверителя его крестьянами в 1863 г.

Всё это привело в конечном счёте к описанию имения графа для последующей продажи.

Служба Н.И. Мусина-Пушкина после истечения назначенного трёхлетнего срока также прекратилась, не принеся ему ни огорчения, ни радости. Он был скорее декоративной, нежели деятельно активной фигурой на посту предводителя, сильной стороной которого являлась представительность, парадность, презентабельность.

Выйдя в отставку, он вернулся в столицу, периодически наезжая в костромские края и по старой памяти соглашаясь быть избранным во всякие заочные почётные члены...

Его единственный сын граф Николай Николаевич Мусин-Пушкин, хорунжий Донского казачьего полка, погиб в двадцатичетырёхлетнем возрасте в Киеве и был похоронен в Санкт-Петербурге в Александро-Невской лавре. Отец, к счастью, не дождал до этого дня: он умер за два года до того и похоронен там же.

Всех пережила вдова графа Мария Фёдоровна Мусина-Пушкина: ещё в 1896 г. её имя упоминалось в справочнике «Весь Петербург», где был приведён и её адрес: Аптекарский переулок, дом № 4. С её смертью пресекалась настоящая линия графов Мусиных-Пушкиных.

До сих пор в России не предпринимались попытки к составлению и опубликованию биографии графа Николая Ивановича Мусина-Пушкина. Сделать это позволили материалы государственного архива Костромской области, касающиеся этого рода, в настоящее время ещё не до конца изученные.

Е.В. Сапрыгина

РЕЛИКВИИ ЩЕЛЫКОВСКОГО МУЗЕЯ

В собрании каждого музея есть предметы, имеющие для него особенно большое значение. Музей дорожит и гордится ими, наиболее бережно к ним относится.

Для музея-заповедника «Щельково» предметом гордости является коллекция мемориальных предметов, принадлежавших А.Н. Островскому и его семейному окружению. В настоящее время готовится к изданию каталог «Мемориальные вещи семьи Островских», в котором предполагается публикация всей коллекции. Она насчитывает на данный момент более 130 предметов — это немало. В основном коллекция была сформирована в 1960–1970-е гг. Значительную роль в её формировании сыграла внучка драматурга Мария Михайловна Шателен, безвозмездно передавшая в дар музею около 50 предметов, принадлежавших А.Н. Островскому и членам его семьи. М.М. Шателен проявила при этом большую активность и удивительное бескорыстие. На протяжении нескольких лет она вела активную переписку с заведующей музеем Е.А. Петровой по поводу передачи музею вещей семьи Островских, также вела переговоры с другими родственниками драматурга.

Наиболее ценной частью коллекции являются, конечно же, вещи, принадлежавшие самому драматургу; всего их в нашем музее 26. Многие из них представлены в экспозиции Дома А.Н. Островского.

В кабинете драматурга — письменный стол ремесленной работы на двух массивных тумбах, верхняя доска затянута зелёным сукном. Легенда гласит, что он изготовлен другом Островского краснодеревщиком И.В. Соболевым при участии самого драматурга. Это вполне возможно, так как драматург увлекался столярным делом. За этим столом он писал пьесы (в Щелькове создано 19), работал над записками о преобразовании театрального дела в России, делал переводы пьес западноевропейских драматургов, вёл деловую и дружескую переписку. На столе — дорожный секретер, подарок брата Михаила, очень изящная и одновременно практичная вещица. Она представляет собой шкатулку с двумя крышками на петлях. Снаружи шкатулка украшена миниатюрной акварелью в медальоне с видом одного из европейских городов. Внутри имеет несколько отделений: для бумаг, ручек, перьев — и откидную доску для письма, затянутую зелёным сукном. Дорожные секретеры были очень распространены в 19 в. и являлись непременной принадлежностью человека делового и, тем более, занимающегося литературным трудом. В девичьей — парковое кресло, напоминающее нам о ещё одном увлечении драматурга: рыбной ловле. Выполненное по его заказу,

с мягкими спинкой и локотниками, изготовленными из полос пружинящего рессорного железа, кресло очень удобно. Александр Николаевич часто сидел в нём с удочкой в руках на берегу речки Куекши или на островке пруда в парке, нередко размышляя о будущей пьесе, её сюжете, героях.

Несколько личных вещей драматурга хранятся в фондах музея и время от времени используются на выставках. Наиболее интересны из них нож для разрезания бумаг из слоновой кости, серебряный веночек в виде лавровых листьев, преподнесённый А.Н. Островскому в 1863 г., к 40-летию со дня его рождения, и серебряный портсигар с монограммой «АО».

Из принадлежавших драматургу вещей особенно дороги те, что сделаны его руками. Как уже говорилось выше, Островский увлекался столярным ремеслом, выпиливанием лобзиком, есть сведения, что работал Александр Николаевич и по металлу. Ажурные рамочки для фотографий, украшенные затейливо выющимися побегими плюща, резные полки, два ножа для разрезания бумаг — один медный, другой деревянный, табакерка из лимонного дерева — вот далеко не полный перечень рукотворных изделий драматурга, дошедших до наших дней. К сожалению, почти не сохранился оригинальный барометр, сделанный руками Островского: капюшон монаха-капуцина откидывался при ясной погоде и опускался на голову, предвещая ненастье. Художником К.Г. Шахбазяном при консультации внучек драматурга был изготовлен подобный с использованием двух сохранившихся подлинных деталей.

Другую группу составляют вещи, принадлежавшие членам семьи А.Н. Островского: его отцу Николаю Фёдоровичу, жене Марии Васильевне, сыну Сергею Александровичу. В 40-х гг. 19 в. Н.Ф. Островский был председателем нескольких крупных конкурсов

Бюро-секретер, принадлежавшее сыну драматурга С.А. Островскому

Табакерка из лимонного дерева, изготовлена А.Н. Островским

низших судебных инстанций Коммерческого суда, разбиравших дела несостоятельных должников, купцов-банкротов. Согласно семейному преданию, именно купцы подарили отцу драматурга тульский самовар. Изготовленный из красной меди в форме вазы, расчеканенной ложками, он очень красив и вносит уют в обстановку столовой щельковского дома, напоминает об атмосфере гостеприимства, царившей в семье Островских. Из принадлежавших Марии Васильевне вещей сохранились предметы обстановки (кровать красного дерева, комод, рабочий столик), принадлежности для рукоделия (в плетённой из лозы и соломки двухъярусной корзине для рукоделия она хранила нитки, рукоделие; восьмигранная шкатулка красного дерева служила для хранения лент и кружев). Хранится в музее и батистовый носовой платок с ручной вышивкой белой гладью и вышитой же монограммой «МО» и дворянской короной над ней. Можно предположить, что он был вышит его владелицей либо по её заказу. Предметы гигиены и аксессуары (флакон для одеколона и лоточек для шпилек из толстого рифлёного стекла, веер из страусовых перьев) свидетельствуют о том, что актриса Императорского Московского Малого театра и просто красивая женщина, М.В. Островская, несомненно, уделяла внимание своей внешности. Посетителей музея привлекает также рамка собственноручной работы жены драматурга, обсыпанная пшеном и окрашенная золотисто-зелёной краской, своеобразная имитация старинной бронзы, покрытой патиной. Особую ценность в этой группе вещей представляют столовые и десертные ножи с серебряными рукоятками и выгравированной на них монограммой «МО». Разумеется, ими пользовалась не только Мария Островская, но и другие члены семьи.

Из вещей, владельцем которых был сын драматурга, Сергей Александрович, наиболее интересно бюро. Это своеобразный письменный стол с множеством ящичков, полочек и отделений для бумаг, с выдвижной цилиндрической крышкой, которая, опускаясь, скрывала от постороннего глаза лежащие на столе бумаги. Наличие каталожных ящичков говорит о том, что бюро использовалось Сергеем Александровичем в библиотечной работе (он был научным сотрудником Пушкинского дома в Ленинграде).

Третья группа — вещи, бытовавшие в семье Островских. В дар музею большинство из них было передано внучкой драматурга М.М. Шателен. Это посуда из семейного столового сервиза, различные бытовые мелочи. Сюда же относится несколько предметов из обстановки московской квартиры А.Н. Островского.

До наших дней дошло также несколько вещей, бытовавших в щельковском доме драматурга. Некоторые из них сохранились непосредственно в доме, несмотря на всю долгую и непростую историю его существования после национализации в 1918 г. (здесь размещались в разное время волостной исполком, сиротский приют, дом отдыха актёров Малого театра). В основном это предметы обстановки крупных размеров: зеркало, фортепиано фирмы Talanoff, столы различных размеров, формы и назначения, в том числе большой обеденный стол-сороконожка, ломберные столы — для развлечения гостей карточной игрой (сам Александр Николаевич обожал пасьянсы)... Другие были в своё время вывезены из Щелькова дочерью драматурга в Ленинград и спустя годы вновь вернулись сюда уже в качестве музейных экспонатов, внося в обстановку Дома-музея атмосферу достоверности, подлинности, воссоздавая колорит эпохи. Это, например, умывальный стол с мраморной столешницей, умывальный сервиз знаменитого Кузнецовского завода: кувшин, чаша и мыльница, бельевой шкаф, украшенный пышной барочной резьбой.

И, наконец, вещи, принадлежавшие родственникам драматурга. Это предметы обстановки,

Нож для разрезания бумаги, деревянный, собственноручной работы А.Н. Островского, с надписью: «Николаю Александровичу Чаеву от А. Островского своей работы. 25 марта 1873 г.»

окружавшей Александра Николаевича в квартире Т.Ф. Гиляровой, его тётушки, родной сестры отца: комод красного дерева, зеркало в резной раме оригинальной формы, ночной столик, шкатулка-сейф. Островский был дружен с этой семьёй, часто бывал у них дома, где ему была даже отведена отдельная комната. Сейчас эти предметы можно видеть в экспозиции Дома А.Н. Островского в спальне. Дружеские отношения связывали драматурга с двоюродными братьями и сёстрами, в том числе

с Ф.А. Гиляровым. В музее хранятся костяные шахматы, подаренные ему А.Н. Островским.

Мемориальные предметы — живые свидетели прошлого, несущие на себе отпечаток личности их владельцев. Они не только содержат информацию об интеллекте, роде занятий, вкусах, привычках, увлечениях своего хозяина, но ещё и несут в себе сквозь время сильный эмоциональный заряд, помогая нам лучше представить бытие давно ушедшего человека.

Л.А. Чернова

ВЫСОКОВО, СЕМЁНОВСКОЕ-ЛАПОТНОЕ, «ТЕРЕМ»

Напротив моей родной деревни Клеванцово, на другой стороне речки Медозы, на крутом пригорке, заросшем вековыми соснами и берёзами, стояла усадьба Высоково. Парк с аллеями из лип и дубков спускался к реке, где была тесовая купальня... Жили здесь три старушки Грек — Мария Петровна, Юлия Петровна и Евгения Петровна. Широко образованные, говорившие по-французски, по-английски, по-немецки, они выписывали иностранную литературу и обладали богатой библиотекой. На стенах висели портреты и картины в тяжёлых позолоченных рамах: владельцы этого дома любили и ценили искусство, а М.П. Грек сама занималась живописью и резьбой по дереву (помню, например, её за резьбой чернильного прибора с изображением охотничьей собаки)... В память о своём погибшем брате, похороненном возле Воскресенской церкви, они построили у нас в Клеванцове двухэтажную школу, учительницу которой содержали на свой счёт.

Фасад дома украшали два крыльца: парадное, которым не пользовались (за ним была оранжерея), и крыльцо в правой части дома. Внутри — кухня, затем передняя, зал и, наконец, столовая с большим буфетом резного чёрного ореха, большим столом и резными стульями с высокой спинкой, украшенной орлом с распростёртыми крыльями. Деревянная лестница вела в мезонин, где жили девочки Зоя и Юлия Прошинские — воспитанницы старушек Грек...

Когда студент Академии художеств Борис Кустодиев приехал в наш уезд собирать материалы для своей программы, задуманной в бытовом жанре, и поселился в деревеньке Калганово, на самом краю Семёновского-Лапотного, он, естественно, узнал о Грек как о местных поклонниках искусства. Познакомился с ними и стал бывать в Высокове всё чаще и чаще. К тому же увлечение Юлией Прошин-

ской, перешедшее вскоре в любовь, воодушевляло начинающего художника, придавало ему силу, уверенность и настойчивость в работе. Он не раз писал и любовно рисовал Высоково: там, на веранде усадьбы, исполнен и известный большой портрет Ю.Е. Прошинской (1903).

Я был мальчуганом, когда впервые встретился с Кустодиевым: он со своей невестой Юлией Евстафьевной и М.П. Грек приехал к нам в гости. Это первое впечатление свежо до сих пор: симпатичный юноша с приятным белым лицом, покрытым ярким румянцем. Не раз навещали они нас и позднее. Частенько бывал и я в Высокове. Кустодиев работал тогда над этюдами к картине «Базар в деревне». Работа его протекала главным образом на базаре Семёновского-Лапотного, куда в определённые дни съезжались крестьяне из окрестных деревень.

Это село стоит на перекрестке старых дорог. Одна, по краям которой вековые берёзы, идёт от Костромы на Макарьев — это почтовая, с полосатыми верстовыми столбами, так называемый «большак», другая — «торговая» — тянется от Кинешмы в Галич. Здесь, неподалёку от Семёновского-Лапотного, в Угольском лесу, находилась усадьба А.Н. Островского Щельково. Впечатления этого края сказались в «Бесприданнице», «Грозе», «Снегурочке» и в других произведениях драматурга. Место, где стоял трактир, описанный в пьесе «На бойком месте», старожилы и сейчас помнят, а некоторые места вокруг Щелькова носят и сегодня названия, памятные каждому по произведениям Островского: «Ярилина долина», «Берендеев лес» (недалеко от Щелькова находится и могила А.Н. Островского). Пишу обо всём этом потому, что Борис Михайлович не раз восхищался этими местами, вдохновлявшими великого драматурга, несомненно, под их влиянием работал и над эскизами к пьесам Островского, и над оперой «Снегурочка».

Семья Кустодиевых. Начало 20 в.

В окрестностях Семёновского жили и такие замечательные деятели нашей культуры, как писатель А.Ф. Писемский (в усадьбе Печуры) и зоолог Л.П. Сабанеев. Близ Клеванцова, у самого большака, в усадьбе Новинки, жили Пушкины, дальние родственники поэта, о гуманности и революционных убеждениях которых здесь помнят до сих пор. Пушкины помогали распространению кустарных промыслов: они содержали мастеров из Сусанина — шапочников, переплётчиков, мастеров узорного ткачества — и предоставляли всем желающим бесплатное обучение в двух построенных ими школах. Кустодиев любил Новинки и часто бывал здесь. В доме висели два больших портрета маслом его работы: Е.Г. Пушкиной (урождённой Мичуриной) и её дочери Е.А. Пушкиной. Помню также находившийся там акварельный портрет Лизы Васковой, сидящей в кресле.

Вскоре старушки Грек одна за другой умерли, и, поскольку имение считалось выморочным, его распродали с аукциона (предусматривая это, они, правда, оставили долговые векселя — якобы, они должны Юлии и Зое Прошинским по три тысячи рублей). Однако, работая в этих местах, Борис Михайлович так полюбил русскую деревню, которую прежде не знал, здешних крестьян, наши раздольные поля с перелесками, живописные овраги, петляющие речки, что не хотел порывать с этим краем.

Неподалёку от Высокова, возле деревни Маурино, он выстроил деревянный дом-мастерскую. Любя все русское, он построил его так, что дом по своей затейливой архитектуре напоминал старинный русский терем. Так его и назвали — «Терем».

Работая над своими новыми картинами, Борис Михайлович Кустодиев любил сидеть в чайной Назарова в центре Семёновского-Лапотного. За чаем с баранками он наблюдал нужные для картин типажки. Особенно долго просиживал

он здесь в базарные дни, дополняя свои впечатления и выискивая всё новые образы. Ведь, любя деревню, он уделил ей немалую долю в своём творчестве. Стоит вспомнить хотя бы часть картин, связанных с нашими местами: помимо упоминавшегося уже «Базара в деревне», все этюды к которому написаны здесь, это «Ярмарки» 1906 и 1908 годов, «Деревенские праздники» 1907, 1910 и 1914 годов, «Жатва» 1914 года. Для «Девушки на Волге» позировала местная жительница О.А. Пазухина. Здесь написаны многие его портреты: «Портрет семьи Поленовых», «Сирень», портрет А.П. Варфоломеева, портрет Подсосова и другие.

...Года два назад я встретил колхозника И.В. Веселова из деревни Нагорное. Разговорились. «Пасу как-то коров, ещё мальчуганом был. И пришёл ко мне на пастушню Борис Михайлович и говорит: «Ты погрудди коров-то, и сам вставай здесь, и кнут расхлестни». Я пособрал, и он стал нас рисовать, а затем говорит: «Ты побывай у меня денька через три». Я отпас и прихожу, он провёл меня через комнаты и подвёл к картине. Ай да батюшки, да это я, да вон Миленка, Цыганка, Пеганка, стал я переименовывать коров. Меня удивило — корова и корова, так нет — каждая на себя похожа».

Б.С. Киндяков

Воспоминания Б.С. Киндякова написаны в 1964 г. для сборника «Борис Михайлович Кустодиев».

ПРОСВЕТИТЕЛИ ЛЕБЕДИНСКИЕ

Среди имён меценатов и благотворителей, оставивших свой след на мантуровской земле, самым именитым был тайный советник Борис Ефимович Прутченко, построивший в 1861 г. на свои средства храм Воскресения Христова вблизи своей усадьбы Карьково. Его внук Сергей Михайлович Прутченко в 1895 г. открыл и содер-

жал местную церковно-приходскую школу. Сосед по имению Фёдор Ефимович Крылов построил целый комплекс зданий для Георгиевской второклассной церковно-приходской школы, одной из лучших приходских школ в Костромской епархии.

Кологривский лесопромышленник Сергей Александрович Калинин вместе с братом построил

ли здания для Спасского приёмного покоя, Елизаветинского народного начального училища, каменный храм Рождества Богородицы в Ухтубужке, а также оказывали помощь в содержании детей шевяковского дома-приюта.

Но в этом ряду жертвователей пример семейства Лебединских: отца Ивана Львовича и сына Николая Ивановича, — есть пример особый.

О Лебединских, особенно о младшем, сохранилось у местных жителей немало воспоминаний. Легенды тесно переплелись с подлинными фактами биографии. Появление этой фамилии на кологривской земле было связано с женитьбой коллежского ассессора Ивана Львовича Лебединского на Варваре Алексеевне Сальной. Последняя была наследницей части немовского имения, расположенного около усадьбы Шевяки и деревни Княжево Спасской волости Кологривского уезда [1]. Кроме того, в 1864 г. мать Варвары Алексеевны Вера Ивановна подарила дочери лесную дачу 1500 десятин по реке Меже под названием «Слутка».

Первые годы семейной жизни Иван Львович занимался строительством и обустройством нового дома в усадьбе Шевяки и постепенно прикупал земли у своих соседей. Воспитанием и образованием сына Николая занималась жена. Вместе с богатством рос и авторитет хозяина имения. 11 марта 1871 г. очередное земское собрание оказало ему высокую честь, избрав его председателем управы на очередное трёхлетие с окладом 1200 рублей в год. С этого времени значительная часть личного времени Лебединского-старшего была связана с работой в земской управе. В 1885 г. коллежский советник И.А. Лебединский выступил инициатором строительства новых зданий для Спасского приёмного покоя, и на паях с коллежским секретарём И.Е. Сальковым (тот пожертвовал 2 десятины 600 сажен земли) и штабс-капитаном Василием Александровичем Герасимовым осуществил этот проект [2].

Большие надежды Иван Львович связывал со своим сыном Николаем, денег на обучение не жалел. В 1897 г. Лебединский-младший возвращается в отчий дом со званием доктора философии Лейпцигского университета.

Отец уже подыскал ему неплохую должность — агрономического смотрителя Кологривского уезда, но Николай от подобной службы отказался.

В 1898 г. он сделал первый шаг в попечительстве народного образования, пожертвовав свой лес на постройку здания Николо-Мокровской церковно-приходской школы [3]. Четыре года спустя коллежский секретарь Н.И. Лебединский начинает свою службу земским начальником 2-го участка Кологривского уезда с квартирой в деревне Подвигаля.

С первых дней службы Лебединский проявил себя ярким сторонником всеобщего образо-

вания крестьянского населения, причём его идеи не расходились с делом. В 1904 г. в здании, пожертвованном купцом Макаровым, он оборудовал за свой счёт Коровицкое народное начальное училище. Апогеем благотворительной деятельности на ниве народного просвещения стало строительство в 1904–1905 гг. зданий шевяковского земского училища и шевяковского дома-приюта для детей-сирот.

Первое было построено хозяином на американский манер — с окнами три на три аршина — и пожертвовано под земскую школу вместе с надворными постройками. Общая цена этой недвижимости составляла 2000 рублей. За парты село 29 крестьянских детей из деревень вблизи усадьбы Шевяки.

Идея открытия детского приюта в Спасской волости принадлежала тоже Лебединскому. Он предназначался для детей-сирот, проживающих в южных волостях Кологривского уезда. И все расходы по строительству дома взяли на себя Варвара Алексеевна и Николай Иванович. После открытия приюта 16 марта 1905 г. они подарили ему 11-летнюю лошадь, 4 дубленых овчины и 7 пудов ржи. В своих благих устремлениях они были не одиноки: делом чести считалось для местных помещиков, купцов, духовенства и богатых крестьян помочь детскому приюту. Даже в неурожайные 1906, 1907 гг. они не оставляли детей без поддержки.

В 1906 г. земского начальника 3-го участка (произошли изменения границ участков) коллежского секретаря Н.И. Лебединского ждало очень серьёзное испытание. В ответ на арест становым приставом студентов Санкт-Петербургского университета Вигилянского и Галунова, приехавших домой на каникулы с нелегальной литературой, в деревнях Васильевское и Подвигаля поднялось восстание [4].

Одним из первых на крестьянский сход приехал земской начальник. Его яркая и зажигательная речь не смогла остановить восстание, но, вопреки ожиданиям земской управы, его не тронули. Вскоре восстание было легко подавлено, а авторитет Лебединского вырос и в глазах начальства.

Благотворительность Лебединских имела прочную материальную основу. Первым и весьма дальновидным шагом стала покупка лесных дач в Спасской, Ухтубужской и Медведицкой волостях. После проведения через Мантурово в 1906 г. Вологдо-Вятской железной дороги цены на лес резко возросли, а после строительства в 1913–1914 гг. четырёх лесопильных заводов близ Мантурова они ещё значительно поднялись. Но самые большие надежды связывались с винокуренным заводом в усадьбе Чернопенье (пустошь Титково), где работала паровая машина в 27 лошадиных сил [5]. По воспоминаниям Смирновой Анны Павловны,

паровик везли на 25 лошадях, по 12 пар и впереди одна лошадь...[6].

Вместе с финансовыми успехами росли и чины Лебединского-младшего. 1912-й год он уже встретил в чине коллежского асессора.

Богатство Лебединского и его «заигрывание» с крестьянами в виде праздничных подарков — 10 фунтов муки и немного сахара, — вызывали зависть и раздражение у соседей: «природного» барина Жохова, учёного Свицерского и лесопромышленника Андреева. Об его отношении к дворовым тоже сохранились самые добрые воспоминания: «...детям прислуги покупали подарки и наряды на праздники, кормили очень хорошо»... Так вспоминает Варвара Петровна Кулыгина, дочь дворовой Лебединских. Особое отношение было к молодого-

жёнам: Лебединский выделял им лес на постройку дома.

Вершиной служебной карьеры стало избрание Николая Ивановича председателем Кологривской уездной земской управы в 1914 г. На этом посту он пробыл до февраля 1917 г.

С.Н. Торопов

1. Ревизские сказки Кологривского уезда. 1858 г.
2. Отчёт Кологривской земской управы (КУЗУ) 1885. — Кострома, 1885.
3. ГАКО, Ф. 224, оп. 1, т. 3, д. 3267.
4. Кологривская уездная газета «Крестьянская правда», 1926 г., № 25.
5. *Макарьев П.* Фабрично-заводская промышленность Костромской губернии. — Кострома, 1921.
6. Воспоминания А.П. Смирновой 1901 г. р., стр. 2. Мантуровский гор. музей.

КАК КУПЕЦ ПАПУЛИН РАСКОЛ ЧИНИЛ

В 1832 г. Михаил Николаевич Жемчужников был назначен гражданским губернатором в Кострому. Перед отъездом из столицы состоялся небольшой разговор его с царём Николаем Павловичем. Костромской губернатор уже откланялся и готовился уйти, когда император вернул его следующими словами: «Жемчужников, стой! На прощание я расскажу тебе арабскую сказку. Слушай её со вниманием! При жизни и царствовании покойного моего брата Александра I костромской раскольник купец Папулин испросил позволение устроить близ города Судиславля богадельню на двенадцать человек. Богадельня была устроена, по смерти Папулина перейдёт по собственному его желанию в приказ общественного призрения. По вступлении моём на престол я узнал, что их в этой богадельне содержится не двенадцать, а несколько сот человек, что она устроена в лесу в виде замка с подземными ходами и в ней скрывается много беспаспортных и беглых. Узнал я это случайно: многие из причастных к заговору 14-го декабря направились туда, чтобы скрыться, и были пойманы. Я призвал к себе рано поутру Закревского (министра внутренних дел) и шефа жандармов. Мы втроём рассуждали в этой комнате о том, какие принять меры, чтоб захватить всех беглых, скрывающихся в этой богадельне, и решили, чтобы министр внутренних дел и шеф жандармов, сохраняя всё это дело в тайне, отправили немедленно каждый по одному чиновнику в Судиславль. В 10 часов утра они вышли от меня — в 12 часов пополудни я уже получил от них донесение, что выбранные ими чиновники выехали из Петербурга. Скорее этого уж, кажется, и требовать невозможно. Не правда

ли? Но участники раскола успели проведать о моём распоряжении, чиновники по приезде в Судиславль нашли замок пустым со свежими следами недавних жильцов и с глухой и полунемой старухой, которая ничего не могла рассказать, хотя бы и хотела, остальные скрылись. Следовательно, они были извещены о скором приезде чиновников. С тех пор прошло около пяти лет, но это дело, несмотря на моё личное в нём участие, нисколько не продвинулось. Вот арабская сказка, которую я хотел тебе рассказать на прощание. Теперь ты едешь в Кострому губернатором, и я поручаю тебе заняться этим делом и принимать меры, какие тебе заблагорассудится. Прощай! Действуй благоразумно и осторожно!»

Как сообщает в уважаемом журнале «Вестник Европы» за 1899 год В.М. Жемчужников, по приезде в Кострому губернатор принял чиновников и граждан, к нему явившихся. В числе их был и купец Папулин, почтенный старик с умными, пронизательными глазами. Губернатор обошелся с ним сухо и не говорил ни слова. Между тем, когда был поднят вопрос о том, как поступить с судиславской богадельней, Папулин, чтобы отклонить от себя всякое подозрение, сам попросил назначение отдельного полицмейстера с командой солдат для надзора за проживающими в его богадельне людьми. Губернатор призвал к себе бывшего тогда полицмейстером Небольсина и встретил его следующим вопросом:

- Будете ли вы говорить со мной откровенно? Полицмейстер Небольсин молча поклонился.
- Если так, то скажите мне правду, сколько человек в настоящее время живёт в богадельне, находящейся под вашим надзором?

- Не могу вам определить число их с точностью, потому что я в ней никогда не бывал, но будет человек до трёхсот.
- Почему же вы, приставленные именно для надзора за проживающими в этой богадельне людьми, никогда в ней не бывали и, зная положение, по которому в этой богадельне дозволено жить только двенадцати человекам, позволяете проживать в ней трёмстам человекам, совершенно вам неизвестным?
- Рассудите сами, ваше превосходительство, что мне делать? Я человек семейный и бедный, получаю от Папулина содержание и живу в довольстве, пока оставляю его в покое! Если бы я стал исполнять свои обязанности как следует, то подвергся бы той же участи, какая предстоит теперь моему предшественнику. Он добросовестно занимал свою должность и за то получил отставку, да ещё отдан под суд.
- К этой раскольничьей секте, — рассказал Небольсин, — принадлежат не только те, которые живут у Папулина в богадельне, но и многие из вашей канцелярии, многие из канцелярии Министерства внутренних дел, шефа жандармов и другие. Агентов в Петербурге у них множество. Прежде чем пришла весть о вашем назначении в Кострому, Папулин уже узнал о том и отправился в Петербург. Там он оставался до вашего отъезда и ехал вслед за вами. Он возвратился из Петербурга весёлый и говорил мне, что при вас ему будет ещё лучше, что за него ходатайствует перед вами одно важное лицо, от которого вы найдёте письмо при самом приезде вашем в Кострому... (Приехав в Кострому, губернатор действительно нашёл у себя письмо от одного весьма важного лица.) Но после того, как он представлялся вам, он стал невесел и жалуется на ваш сухой приём.
- Из этого вы можете убедиться, что я не принадлежу к его секте, — сказал Жемчужников, — поэтому, надеясь на меня, вы должны немедленно приступить к отправлению своей должности. Разузнайте сначала, кто живет у Папулина.

Через неделю Небольсин начал уже присылать беспаспортных, острог наполнился. Но в это время губернатор получил известие о постигшем его несчастье — смерти жены! Он оставил службу и поспешил в свои деревни в Орловской губернии к осиротевшим детям. Несколько лет спустя, когда Жемчужников был уже Петербургским гражданским губернатором, к нему является Небольсин.

- Ну, как у вас идёт дело Папулина?

- С назначением нового губернатора на ваше место оно остановилось, и мне по-прежнему хорошо, — ответил Небольсин.

Со времен Николая I прошло много времени, однако Папулин и в начале нового века вызывал жгучее любопытство. Кто же он, герой «арабской сказки»?

Наивысший расцвет города Судиславля, его «золотой век» пришёлся на первую половину 19 века. Он немислим без связи с именем Н.А. Папулина. Папулин родился в старинной купеческой семье, известной в Судиславле с середины 18 века. По переписи начала 18 века фамилии Папулиных в числе известных четырёх в городе не значится. С начала 19 столетия Н.А. Папулин является признанным главой судиславских старообрядцев. Под его руководством Судиславль становится одним из ведущих староверческих центров России. Почта ежедневно доставляла ему крупные денежные суммы от староверов со всей страны. Старовер Захаров на месте деревянной в 1808 г. построил каменную полотняную фабрику, содержал старообрядческое кладбище и церковь на нём. Староверами были купцы Дубовы и многие другие. Судиславль стремительно рос. Ещё в конце 17 века в нём в 29 дворах жило чуть более девяноста человек, а в середине 19 века здесь уже полторы тысячи жителей. Причём интересно, что в начале века было всего 600 человек. Тогда Судиславль получает генеральный план и застраивается новыми зданиями, большей частью в два этажа. Каждый десятый дом строился из кирпича. Папулин и другие купцы-староверы составляют огромные капиталы.

Судиславцы, по примеру костромских купцов, просили Екатерину II разрешить им покупать крепостных. Полотняные, кожевенные, табачные фабрики, крупная торговля требовали наличия свободных рук. В городе их не хватало. Многие, несмотря на жёсткие законы, укрывали беглых и использовали их дешёвый труд. Некоторые, как мельник Москвин, были разоблачены и осуждены. Сопrotивление крепостничеству рядилось в России в форму старообрядчества. Оно было выгодным для «третьего сословия» — нарождающейся буржуазии, и поэтому было в нём очень популярно. Папулин, по сведениям Николая I, содержал в своей богадельне, а фактически раскольничьем ските, сотни беглых крестьян. Они создавали ему огромный капитал. Силами богадельни собиралось, скупалось по базарам, обрабатывалось большое количество грибов. На продаже этой продукции Папулин ежегодно имел до 100 000 рублей серебром. Беглые чеканили ему фальшивые золотые монеты. Одна из них недавно найдена в Судиславле на бывшем огороде Папулина.

Так возникали купеческие состояния в Судиславле, которые современники сравнивали с богатствами античного царя Креза.

Папулин за 7000 рублей приобрёл 1300 икон, иконостас и настенные украшения богатейшей Бла-

говещенской церкви Строганова в Сольвычегодске и на шести парных подводах вывез их в Судиславль. Среди икон были иконы Андрея Рублёва, в том числе «Год святых», иконы письма митрополита Петра Московского. Громадную ценность имели иконы строгановских живописцев. Старообрядцы в Судиславле ночью ограбили большой обоз с древними иконами из поморских скитов, следовавший в Москву. Этими иконами были украшены молельни под Судиславлем. Благодаря этим ценностям Судиславль сделался славен во всём богатом и разнообразном староверческом мире. Папулин собрал большую библиотеку из древних книг и рукописей. Таких культурных богатств Судиславль не знал больше никогда.

В 1846 г. по приказу царя Папулин был тайно арестован и заточён сначала в Кирилло-Белозерский, а затем, по сведениям писателя С. Максимова, в Соловецкий монастырь. Ценности, собранные раскольниками в Судиславле, были на 20 возах вывезены

в Кострому. Тридцать икон из них оказались в староверческих церквях Москвы, часть попала в коллекцию графа Строганова. Большую же часть постигла другая судьба. Когда «чистили» музейные фонды Ипатьевского монастыря, эти иконы как опасный «опиум для народа» уничтожили по акту. Некоторые книги из собрания Папулина случайно уцелели. Они являются жемчужиной ценного фонда областной научной библиотеки. Дом Папулина в Судиславле был продан и разобран, скит с подземными ходами разрушен. Уже в середине 19 века на месте каменного замка был санный покос.

Папулин остался в памяти как высоконравственный человек, ведущий безбрачный образ жизни. После ареста он наложил на себя обет молчания, сидел в камере безвыходно, надевал на нос большие круглые очки и беспрестанно читал толстые книги в кожаных переплетах. Его образ так и остался загадкой из «арабской сказки».

Ю.В. Смирнов

БУЙСКИЕ КОРНИ ИВАНА СЫТИНА

Иван Дмитриевич Сытин — выдающийся просветитель и издатель русской книги конца 19 и начала 20 века. Это был первый издатель, который широко познакомил простой народ с русской литературной классикой. До Сытина даже грамотный мужик почти не был знаком с произведениями Пушкина, Гоголя, Толстого. И не потому, что ему не были понятны пушкинские «Дубровский», «Капитанская дочка»... Дело заключалось в том, что книги этих писателей были не по карману

простонародью. Собрание сочинений Пушкина стоило, к примеру, пять и более рублей. А это были в то время очень большие деньги, зарплата волостного писаря, например, составляла 15–20 рублей в месяц.

И вот нашёлся человек, на свой страх и риск издавший собрание сочинений Пушкина небывало большим по тому времени тиражом — в 100 тысяч экземпляров, и назначил цену за книжку 80 копеек. Этим издателем был И.Д. Сытин. Выпустив дешёвое собрание сочинений Пушкина, он стал издавать небольшими брошюрками отдельные его произведения: стихотворения, «Сказку о царе Салтане», «Полтаву» и другие. Каждая такая книжечка имела совсем мизерную цену — 3–4 копейки. Книжки имели пёструю обложку, обилие картинок. Уже этим Сытин привлекал внимание к своим выпускам.

Кроме произведений Пушкина, Сытиным были изданы собрания сочинений Гоголя, Толстого, Чехова и других великих писателей; многотомные издания народной, детской (10 томов), военной (18 томов) энциклопедий, труды по истории и географии. Эти книги были дешёвы, и большинство из них быстро доходило до читателя.

А знаменитые его календари! «Я смотрел на календарь как на универсальную справочную книгу, как на домашнюю энциклопедию на все случаи жизни», — писал Иван Дмитриевич. Сытинский «Всеобщий календарь» достиг невиданного тира-

И.Д. Сытин. 1901 г.

жа — шесть миллионов экземпляров в год. Выпускал он и отрывные «ежедневники». По вопросам содержания календарей советовался с Львом Николаевичем Толстым, а оформление поручал лучшим художникам.

Откуда же был родом Иван Дмитриевич Сытин? Кто были его родители? Во-первых, Сытин — фамилия довольно редкая, а в Контееве было много жителей с такой фамилией. Во-вторых, Иван Дмитриевич, начиная с 90-х гг. 19 в., был попечителем Контеевской школы. Почему московский книгоиздатель стал попечителем школы в костромской глуши? И вот лет 30 назад я задал себе вопрос: а не был ли Иван Дмитриевич в родстве с контеевскими Сытиными и не были ли предки его выходцами из Контеева?

В своих воспоминаниях «Жизнь для книги» Сытин пишет: «Я родился в 1851 году в селе Гнездиново Костромской губернии Солигаличского уезда. Родитель из крестьян, как лучший ученик, был взят из начальной школы в город для подготовки в волостные писари и всю жизнь был в округе образцовым старшим писарем».

У меня были записи моего отца — знатока старины, где он утверждал, что отец Ивана Дмитриевича был родом из Контеева. В 1991 году мне удалось установить связь с внуком Ивана Дмитриевича — Алексеем Васильевичем Сытиным, проживающим в С.-Петербурге, который занимался составлением родословной Сытиных, а затем и встретиться с ним в Контееве. С тех пор исследование родословной И.Д. Сытина пошло двумя путями: Алексей Васильевич разбирался с солигаличской ветвью Сытиных, я — с контеевской. В конце концов эти две ветви удалось объединить и бесспорно доказать, что предки Ивана Дмитриевича жили в Контееве.

Маркиян (прадед Ивана Дмитриевича, родился и жил в селе Контеево).

Дети Маркияна: Григорий, Тимофей, Иван и Герасим (дед Ивана Дмитриевича, родился и жил в Контееве).

Дети Герасима: Дмитрий (отец Ивана Дмитриевича, родился в селе Контеево); Автоном (родился и жил в селе Контеево), Дарья.

Дети Дмитрия (жил в селе Гнездиново): Иван Дмитриевич Сытин (родился в селе Гнездиново), Александра, Серафима, Сергей.

В 1843 г. в селе Контеево было открыто первое в Буйском уезде училище, в первый год пошло в школу 18 мальчиков, 3 — из Контеева. Среди первого набора был Дима Сытин, отец будущего книгоиздателя.

После окончания школы он был назначен волостным писарем в село Гнездиново Солигаличского уезда. Почему именно в Солигаличский уезд? Отец Димы — Герасим Сытин — был плотником и часто

выезжал на заработки в большие города, особенно в Петербург. Туда же приезжало много крестьян-плотников из Солигаличского уезда, познакомившись с которыми, Герасим не раз сам ездил в Солигалич.

С 1890 г. Иван Дмитриевич, будучи уже известным книгоиздателем, становится попечителем Контеевской школы. До него попечителем этой школы был Иван Григорьевич Сытин, двоюродный брат отца Ивана Дмитриевича.

И.Д. Сытин много сделал для развития Контеевской школы и вообще образования в Контеевской волости. Начиная с 1890 г., он бесплатно снабжал школу книгами и учебниками, напечатанными в его издательстве. В течение всей своей жизни Иван Дмитриевич поддерживал тесную связь с селом Контеево — родиной своих предков — и неоднократно его посещал. Образование в волости поддерживал и материально. Только в 1896 году И.Д. Сытин пожертвовал книг, учебных пособий и портретов Контеевской школе — на 25 рублей (все 3 школы были расположены в Контеевской волости), за что Буйское уездное земское собрание на своём заседании 26 сентября 1897 г. выразило ему благодарность.

После открытия в 1897 г. народной библиотеки в Контееве (кстати — первой библиотеки в Буйском уезде) И.Д. Сытин принял активное участие в комплектовании библиотеки литературой, а в дальнейшем присылал все издаваемые им книги. Учителям и многим жителям Контеева высылались газета «Русское слово», журналы «Вокруг света», «Искры» и народные календари. А все школьники на Новый год в качестве подарка получали от Сытина детские книжки; некоторые из них также получали от него и материальную помощь.

Иван Дмитриевич поддерживал тесную связь и с некоторыми контеевскими родственниками, особенно с Михаилом Ивановичем Сытиным — сыном двоюродного брата. После революции, когда типография И.Д. Сытина была национализирована, а квартира отобрана, Иван Дмитриевич испытывал нужду в продуктах питания. В то время Михаил Иванович несколько раз отвозил ему картофель и другие сельхозпродукты.

В 2011 г. исполняется 160 лет со дня рождения нашего знаменитого земляка. Общественность России с уважением чтит его имя и память.

В.Н. Флёров

Источники:

Метрические книги ... Архангельской церкви села Контеево Буйского уезда за 1850–1918 гг.

Буйская уездная управа. Доклады и постановления уездного собрания 1885–1910 гг. — Буй, 1886–1911.

Запись воспоминаний старожилов. — Буй, 1999.

«КОРОЛЬ АКВАРЕЛИ»

Главная ценность Кологрива — это единственное в России собрание картин «короля акварели», выпускника Петербургской Академии художеств, основателя Кологривского музея Геннадия Александровича Ладыженского. Родился он 23 января (по старому стилю) 1853 г. в Кологриве, в семье мелкого отставного чиновника Александра Никаноровича Ладыженского.

Ладыженские — старинный дворянский род, известный в России с 14 века и ведущий своё происхождение от шведского дворянина Облашни (по некоторым источникам Облагини). Этот Облагиня, приехавший в Московское княжество в 1375 г. и поступивший на службу к Дмитрию Донскому, стал родоначальником дворянского рода Ладыженских.

Ладыженские разъехались по всей России, образовав самостоятельные ветви в Калужской, Саратовской, Тамбовской, Тверской, Нижегородской, Тульской, Ярославской, Костромской, Псковской, Рязанской, Астраханской губерниях. Костромские Ладыженские впервые упоминаются в связи с нашими землями в середине 17 в. Тогда они получили в вотчину Парфентьевскую волость, затем вотчины в Судайской, Кадынской, Унженской осадах.

Первое упоминание о кологривских Ладыженских относится к 70-м годам 18 в., когда среди кологривских землевладельцев упоминается Александр Иванович Ладыженский (владелец д. Бакшеево) и Наталья Ивановна Ладыженская (д. Бажин Починок). Упоминается Пелагея Ивановна Ладыженская,

вдова копииста из дворян, которая в 1882 г. купила 6 душ крестьян из усадьбы Логутиха и перевела их в деревню Бураково (между с. Архангельским и д. Черменино). В 1840 г. эти крестьяне были проданы помещице Ларионовой. У Пелагеи Ивановны был сын, губернский секретарь Пётр Ладыженский. Были ли это родственники или предки Геннадия Александровича — пока неясно. Его дед Никанор Ладыженский служил канцеляристом в казённом учреждении, бабушка Олимпиада Фёдоровна происходила из дворян Солигаличского уезда. Земли в Архангельской волости, куда входила д. Бураково, принадлежали Ладыженским вплоть до 1917 г. Отец Геннадия Александровича Александр Никанорович, по воспоминаниям Петра Николаевича Смирнова, был волостным писарем в Архангельской волости (село Михаила Архангела около Черменина). В 60-е годы 20 века в бывшем здании волостного правления располагался интернат Черменинской школы.

Впоследствии Александр Никанорович занялся коммерческой деятельностью, все последние годы занимался торговлей. И жену взял не из дворян, а из семьи кологривских купцов, породнившись с богатым и многочисленным купеческим родом Невзоровых. Супругой его была Екатерина Мефодьевна Невзорова. У них было трое детей: Иван, Елена и Геннадий.

Геннадий Ладыженский вынес многие житейские испытания и с отличием закончил Академию художеств. Все его последующие годы были заняты работой, иступлённой, неистовой, вдохновенной. Он создал сотни картин, воспитал десятки учеников, среди которых в первую очередь можно назвать известных живописцев Бродского и Грекова. Большую роль в становлении его как художника сыграли знаменитые Шишкин, Крамской, Клодт, Костанди и многие другие художники. За 10 лет, проведённых в Петербурге, Ладыженский стал профессиональным художником. Уже тогда у него зародилась страсть к собирательству. Но осуществить свою мечту он смог только тогда, когда жил и работал в Одессе. Геннадий Александрович не ограничивал свою деятельность только уроками. Все свои силы он отдавал любимому искусству. В 1899 г. он организовал выставку своих картин в Одесской гимназии, с тем чтобы доход от неё пошёл в пользу нуждающихся учеников.

В свободные от работы часы он посещал антикварные лавки, бывал на знаменитых одесских базарах, приобретал картины и рисунки выдающихся художников, пополнял всё растущую коллекцию сабель, мечей, пороховниц, ружей, монет, пицалей, мушкетов и вообще всякой старины: ваз, кувшинов, самоваров, ендов, музыкальных инструментов, платков, ковров. Геннадий Александрович не однажды

*Портрет Г.А. Ладыженского.
Художник Н.Д. Кузнецов. Из фондов
музея*

предлагал местным властям, чтобы они построили специальное помещение для размещения его сокровищ, чтобы их могли видеть все. Но при жизни никто не заинтересовался его собранием.

В 1914 г. он вышел в отставку и вернулся в родной Кологрив. Из своей богатой коллекции исторических и художественных памятников он ничего не оставил ни художественному училищу, где проработал около 30 лет, ни городскому музею изящных искусств, в устройстве которого принимал деятельное участие. На родине он намеревался продолжить художественную деятельность, организовать музей. Но обстоятельства складывались неблагоприятно. Началась мировая война. Это произвело на него гнетущее впечатление. Большую свою коллекцию и многочисленные собственные произведения Геннадий Александрович разместил в специально для этого купленном здании в центре Кологрива. Это бывшее здание райпо, которое сгорело то ли от небрежности, то ли по чьему-то злому умыслу. В советское время на здании была мемориальная доска с текстом: «В этом доме провёл последние годы жизни (1914–1916 гг.) художник-академик Геннадий Александрович Ладыженский (1853–1916 гг.)».

А в музее долгое время в экспозиции стояло кресло, в котором умер художник.

Перед своей кончиной он написал завещание о передаче коллекции и картин родному городу. После смерти его коллекция послужила основанием для создания Кологривского краеведческого музея с большим и ценным художественным отделом. Большую роль в создании музея сыграли брат Геннадия Александровича Иван Александрович, который помогал пополнять коллекцию, купил ему дом в Кологриве, и его сын Николай Иванович, ставший первым директором музея.

Представители этой фамилии внесли немалый вклад в развитие культуры России. Среди них — писатели, художники, музыканты, учёные.

Г.А. Ладыженский — это символ Кологрива. И будет правильно, если наш музей будет носить его имя.

Во дворе музея покоится прах прекрасного живописца, «короля акварели», коллекционера Геннадия Александровича Ладыженского. Поклонимся этой могиле. И вспомним, что он оставил нам истинные сокровища.

З.И. Осипова

ГИТАРИСТ, ЛЕКСИКОГРАФ, ПИСАТЕЛЬ...

От известных нам по фонвизинской комедии недорослей, которыми в 17 в. изобиловали дворянские гнёзда глубокой российской провинции, сын чухломского исправника Петра Петровича Макарова отличался всем: острым умом, живостью характера, желанием всё познать и всему научиться. Отец его, хлебосол и волокита, исполняя в течение двенадцати лет такую доходную службу, не только не нажил неправедных богатств, но и своё-то наследное имение довёл бы до ручки, кабы не супруга Анна Макаровна, хозяйственная, мудрая, самолюбивая гордячка, дочь богатого солигаличского помещика Мичурина.

Николай унаследовал от неё трудолюбие и упорство. Лишённый строгого отцовского пригляда и материнской ласки, Николашка с малых лет во всём проявлял самостоятельность и надеялся только на самого себя.

Круг его интересов необычайно разносторонен: гитарист, лексикограф, писатель. Макаров добился замечательных результатов в игре на гитаре, разработал свою собственную технику извлечения звуков. Наш земляк познакомился со многими выдающимися мастерами гитарной игры из Германии, Ан-

глии, Франции, Италии, Австрии, совершив вояж по европейским столицам. Вместе с ними на равных участвовал в музыкальных вечерах и оставил

Н.П. Макаров. Вторая половина 19 в.

Чухломское уездное земство. Начало 20 в.

по себе добрую память как о превосходном виртуозе с оригинальной манерой игры. Благодаря юношескому ещё увлечению французской лингвистикой (при службе в лейб-гвардейском полку никто из сослуживцев не мог лучше его изъясняться по-французски) Николай Петрович составил «Новый русско-французский словарь» и получил разрешение на его выпуск, заслужив в ответ много

похвал, а затем изыскал средства на издание новых словарей.

В наши дни о Макарове напоминает романс, сочинённый им в молодые годы: это всем знакомая с детства песня «Однозвучно гремит колокольчик, и дорога пылится слегка, и уныло по ровному полю разливается песнь ямщика...»

В.В. Пашин

УСАДЬБА ДАВЫДКОВО

Из воспоминаний последнего владельца усадьбы Сергея Львовича Пушкина (1900–1975 гг.)

Усадьба Давыдково ко времени переезда туда нашей семьи была распланирована следующим образом.

Дом и по его бокам два деревянных здания, посередине крыши украшенные шпилями с флюгерами, были отделены от двора с его службами живой изгородью из подстриженных ёлок вперемежку с колючим крестегусом. Эта изгородь имела полукруглую форму и была снабжена воротами в виде кирпичных столбов с одного края, а посередине — напротив парадного крыльца дома — деревянной калиткой.

Здание с флюгером на запад от дома было амбаром, на восток — кладовой.

Перед парадным подъездом дома сплошным овальным кругом росли кусты белых роз. Посередине их рос большой серебристый тополь со спиленной верхней частью ствола и подстриженной кроной. По бокам розария росли две высокие старые лиственницы.

За живой изгородью посередине двора был вырытый в форме рыбы (карася) пруд; за прудом направо (если смотреть от дома) был флигель, где помещались канцелярия отца и жилое помещение для его письмоводителя.

К востоку от флигеля в углу двора стоял каменный каретный сарай. Прямо за прудом были каменные въездные ворота и к западу длинное каменное

здание конного и скотного двора с людской избой посредине. Посредине крыши этого здания была такая же башня с высоким шпилем, как и на амбаре и кладовой, но без флюгера.

К югу от дома шёл цветник, сад и огород под уклон, который спускался в довольно глубокую долину ручья под названием Камешник.

По обеим сторонам цветника и огорода были аллеи старых лип с дубами и клёнами вперемежку. Вся территория усадьбы — двор, сад, цветник, огород, была обнесена прекрасным высоким частоколом на массивных деревянных столбах. Узкая долина ручья Камешника с небольшими сенокосными лужайками на противоположной от усадьбы стороне отграничивалась крутой холмистой грядой, поросшей спелым смешанным лесом. Эта гряда являлась водоразделом между ручьём Камешником и речкой Воршей, в которую этот ручей и впадал. Она вместе с сенокосными лужайками по Камешнику и Ворше и носила название пустоши «Горы».

Из окон дома, расположенных к югу, а также со второго этажа открывался вид на цветниковые клумбы с окружающими их песчаными дорожками, по бокам которых были обширные заросли сирени. В левой стороне от них до липовой аллеи пространство было засажено яблонями, в правой стоял столб гигантских шагов и далее до липовой аллеи — яблони. Ниже шла дорожка, по обеим сторонам которой вниз по склону к Камешнику тянулись гряды огорода, обсаженные вокруг шпалерами ягодных кустов крыжовника и смородины разных сортов. Ниже гряд было несколько яблонь и у самого частокола — заросли вишен и коринки. За частоколом над горой открывалась долина Камешника, а за ним высоко кудрявились рощи «Гор». За ними речка Ворша с её омутинками, тихими плёсами, чередующимися с каменистыми порогами — перекатами, отграничивала с южной стороны угодыя усадьбы Давыдково. На левом берегу Ворши простиралась поля соседних деревень — Котова и Подольнова.

Если смотреть из дома на сад и «Горы», то с правой стороны сада за частоколом шла дорога на колодезь, из которого возили воду в дубовой бочке с медным краном в днище, укреплённой на колёсной двуколке с оглоблями для конной запряжки. Колодезь был устроен на родничке, бившем из горы за садом на спуске в долину ручья Камешника. Рядом с водозонной дорогой с её правой стороны (с левой шёл частокол сада) и параллельно ей спускался к Камешнику глубокий овраг, на крутом берегу которого стояла громадная ель. На восточной сто-

роне я ещё застал прибитый к её стволу обломок с еле заметными иероглифами арабских букв, написанных чёрной краской. Вот что рассказал мне об этом мой отец, когда мне было лет 7 или 8.

В пятидесятых годах девятнадцатого века дед мой Лев Александрович купил пленного осетина себе в качестве егеря на правах крепостного. Звали его Хан-Баба. Хан-Баба был помещён в Давыдково и сопровождал деда на его охотах — носил за ним ягдташ, пороховницу и кожаный, с двумя отделениями, с медными горловинами несессер с дробью двух сортов. Все эти охотничьи принадлежности тех времён я видел сам, они хранились в кабинете отца. На ели, о которой я говорил выше, Хан-Баба прибил доску с изречениями из Корана, куда и уходил каждое утро молиться, как правоверный магометанин.

За оврагом с елью Хана-Бабы был так называемый Старый сад. Дело в том, что дом в усадьбе, в котором прошло моё детство, был построен дедом в 1876 году. Эта дата была выбита обойными гвоздями с белыми фарфоровыми головками на внутренней стороне двери парадного крыльца дома, поэтому эта дата мне хорошо запомнилась. До его постройки дед с бабушкой жили в старом деревянном одноэтажном с антресолями доме, находящемся в Старом саду за оврагом. На его месте я застал только большие гранитные валуны, служившие когда-то его фундаментом. Против старого дома был насыпан большой курган с канавой вокруг его основания и маленькой чугунной пушкой на деревянном лафете, стоявшей на вершине кургана. Из пушки стреляли в Новый год и в семейные праздники. Когда моему отцу было 2 или 3 года, пушку при выстреле разорвало, человеческих жертв при этом не произошло. Курган носил название «батареи» и в моё время весь зарос малинником и крапивой. Рядом с батареей был курган поменьше, с провалившейся внутрь серединой.

Усадьба Давыдково. Строится новый дом на месте старого. 2008 г.

Дорога в усадьбу Давыдково. 2008 г.

При дедушке это был искусственный грот с гипсовыми статуями внутри, обломки которых в виде белых черепков находил там и я в детстве. За батареей стоял большой старый сибирский кедр с широкой кроной, через год бывавший усыпанным крупными шишками, полными орехов. Для их сбора приносили длинную лёгкую лестницу (примерно метров 4–5 высотой), по которой добирались до нижних сучьев и дальше до вершины уже по сучьям. Длинной легкой палкой забравшийся сбивал с концов сучьев шишки, а мы их подбирали в корзинки и ссыпали в большой мешок. В новом саду около площадки с «гигантскими шагами» стоял более молодой кедр, шишки с которого было собирать проще, так как до нижних сучьев можно было добраться, вставши на находившуюся под ним скамью.

По краям старого сада были обширные заросли орешника-лещины, обильно плодоносящие каждую осень.

За кедром и орешником старый сад переходил в лес, в котором все аллеи так заросли молодым ельником, что их с трудом было можно различить, если буквально продраться в середину еловой заросли. Лесистая часть старого сада смыкалась с небольшой рощей спелого смешанного леса, выходящей на лужайки поймы речки Ворши и носящей название «Ендова». Эта роща — елово-сосново-берёзовая, спускаясь отлого к пойме речки Ворши, была на редкость живописна с её лесными дорожками и тропинками. Сам древостой «Ендовы» был в возрасте полной спелости (VI–VII кл.) и высокой производительности. «Ендова», «Горы» и речка Ворша с покосными лужайками нахо-

дились на южных границах усадьбы. «Ендова», как и «Горы», при жизни моего отца и после его смерти вплоть до Октябрьской революции были у нас как бы заповедными рощами. Никаких рубок в них не производилось. Дрова для нужд усадьбы заготавливались в березняках, находящихся за полями. Равным образом заготавливался и строевой лес по мере его надобности, росший небольшими куртинами на крайней северной границе земельного участка.

На западе земли усадьбы Давыдково граничили с землями усадьбы Василёво. Имение это было князей Шаховских, перешедшее по наследству Н.Г. Львову и в 1906–1907 годах проданное им инженеру Ф.П. Сергееву. На севере они граничили с землями хуторов «Новоселки», а на востоке — с землями небольшой (9 домохозяйств) деревни Малое Давыдково.

Домашний архив П.С. Пушкина. Рукопись

МЫ СТРОИМ ЗДЕСЬ СВОЙ МИР

За последние 20 лет, что мы живём в усадьбе Давыдково, многое здесь изменилось.

Итоги такие: кое-что сделано, только мало, хотелось бы большего. Хотя я рад тому, что внуки мои сейчас могут бегать по усадьбе босиком, не боясь пораниться битым стеклом или ржавой проволокой. Ведь когда мы приехали сюда, то увидели обычную мусорную свалку. Сейчас, конечно, усадьба имеет иной вид, пытаемся восстановить парк, но до великолепия, которое было здесь сто лет тому назад, ещё далеко.

Надо иметь в виду, что земледелие было для Пушкиных основным источником дохода. И для нас, кстати, тоже. Можно было бы занять под картошку и капусту все площади и получать большой доход. Но мы выращиваем перцы, баклажаны, одних помидоров до 70 сортов. Разводим виноград, черную малину, ежевику, черешню, собираемся разводить шелковицу. Садоводство, огородничество — это ведь тоже страсть, причём не самая худшая. Копание в земле доставляет удовольствие.

Наверное, имеет значение предыдущий опыт. Родители всю жизнь занимались с землёй, дед был известным учёным-садоводом. Любовь к земле, к растениям и животным у меня с детства, хотя тогда, конечно, я не думал о том, что буду заниматься всем этим так серьёзно. Экология для меня тоже не пустой звук, я хорошо знаком с ней по предыдущей работе в заповедниках и лесничествах. И в Давыдове при обработке земли стараюсь правильно использовать технику, совершенно не применяю химикаты.

Животноводством мне заниматься менее интересно, однако надо. Это ведь источник удобрений для повышения плодородия земли. К тому же всегда на столе свежие молоко, мясо, яйца. Пьём, едим всё натуральное, хорошо, что иногда и гости нам в этом деле помогают.

Окрестных жителей ещё «подкармливаю» своей продукцией. Прежде всего рассадой. Например, капусты, которой у нас поболее 20 сортов. Дохода от продажи рассады не имеем, но зато приятно, что люди сами, на своей земле, овощи выращивают, а не едут за ними в город.

Рад, что идея теплого дома постепенно обрывает плоть. И пушкинский праздник в Давыдове надо проводить ещё шире. И только им не ограничиваться...

Помните, в фильме Андрея Кончаловского Одиссей возвращается в Итаку. Его встречают, дают вино, сыр. Он ест, пьёт и говорит: моё вино, мой сыр, мой мир... Вот и мы тоже строим здесь свой мир — для себя, для детей, для внуков. Для всех добрых людей, которые захотят сюда приехать.

А.М. Бурлуцкий

С ИМЕНЕМ ГРИГОРОВА

Александровской средней школе, что в Островском районе, в 2006 г. исполнилось сто лет. Школьный музей гораздо моложе, годится ей, по меньшей мере, в правнуки. Однако уже стал самостоятельным, на ногах стоит крепко, работает твор-

чески. И всё, может, потому, что жизнью своей связан с именем Григорова, выдающегося нашего историка-генеалога, великого труженика, уроженца здешних мест. Внимательно смотрит Александр Александрович на школьный музей с бронзового барельефа.

Усадьба Григоровых Александровское. Начало 20 в.

Руководит музеем учитель Нина Николаевна Талова, а учащиеся — ей первые помощники. Именно они изучают жизнь и творчество известного земляка, участвуют в краеведческих экспедициях по памятным местам — Панькино, Агафоново, Александровское (родовая усадьба Григоровых). Их руками созданы экспозиции «Уголок крестьянского быта», «Народные промыслы», «Наши таланты»; они участвуют в кружках «Рукодельница» и «Литературное краеведение». Школьный музей имени А.А. Григорова поддерживает связи с музеями А.Н. Островского в Щелькове и Б.М. Кустодиева в Островском,

соединяя, таким образом, три замечательных имени, три эпохи в культурно-исторической жизни этого края.

Юные краеведы выступают с проектом восстановления Спасской церкви в селе Спас-Заборье с семейным кладбищем Григоровых возле неё. Здесь, заметим, похоронен и Александр Николаевич Григоров, прадед краеведа, основатель первой в Костроме и России женской гимназии («Григоровки»), которой в 2007 г. исполнилось 150 лет.

С.В. Дубов

ЛЮДИ-СОБАКИ

Андреас Евтихеев и Фёдор Петров родились в соседних деревнях Спасской волости Кологривского уезда Костромской губернии (ныне — Мантуровский район).

По данным антропологического отдела Московского университета, где впервые обследовался Андриан Евтихеев, он родился в 1818 г. в деревне Коровино в семье солдата [1]. Внешний вид Андриана стал причиной несогласия и раздоров с односельчанами, которые всегда смеялись над ним. В таких случаях он уходил в лес и питался большей частью кореньями [2].

Сохранилось описание Андриана Евтихеева, составленное немецким учёным Брандтом, лично встречавшимся с обоими волосатыми россиянами. Он писал: «Представьте себе терьера, — собаку-крысоловку ростом с человека, наряженную в шелковую русскую рубаху, плисовые шаровары и сапоги, и перед нами живо воскреснет образ Андриана по первому впечатлению на посетителя... Всё лицо Евтихеева, не исключая век и ушей, было покрыто мохнатою, тонкою, шелковисто-мягкою шерстью светло-пепельного цвета, длиною в полпальца и более. Заметной разницы в волосатости различных частей тела не было; ни бороды, ни усов, в обыкновенном смысле, т. е. состоящих из более грубых и длинных волос, решительно не было. Со лба волосы без всякой границы переходили на черепную покрывку... Туловище и конечности Евтихеева обросли волосами не столь густо, как лицо. Шея и спина, по степени оброслости, составляли переходную область от головы к телу».

В 1876 г. по предожению неизвестного антрепренёра Андриан Евтихеев и Фёдор Петров путешествовали по крупным городам России, появляясь на известных ярмарках. По-видимому, к этому времени и относится знакомство с волосатыми людьми

Н.А. Ферстера. После недолгих переговоров возникла идея показа Андриана и Фёдора за границей, представляя их как отца и сына.

В 1883 г. они были обследованы в Берлинском паноптикуме, а затем объехали почти всю Европу. Уже первые публичные показы принесли антрепренёру неплохие доходы, и он часто шёл навстречу капризам и пожеланиям Фёдора и Андриана. По словам профессора Рудольфа Вирхова, во время путешествия по Европе Андриан питался только кислой капустой и водкой. После заграничного путешествия Андриан Евтихеев возвратился на родину, сильно запил и вскоре умер.

В судьбе второго волосатого человека — Фёдора Петрова — немало таинственного и неизвестного. Родился он в 1870 г. в деревне Березники в семье Петра Иванова и Мавры. Уже в трёхлетнем возрасте необычная внешность привлекла внимание учёных Московского университета. После упомянутых гастролей по российским городам и Европе Фёдор Петров оказался в Америке. Его антрепренёр Николай Алексеевич Ферстер проявлял о своём «питомце» большую заботу, ибо показ необычного волосатого мальчика по-прежнему приносил хорошие доходы.

По сведениям Г.А. Минакова и М.Ф. Нестурха, ещё в 1898 г. Фёдор Петров был жив и разъезжал с гастролями по миру. Сообщений о возвращении его в Россию нет. Вероятно, он умер на чужбине.

С.Н. Торпов

1. Справка о волосатых костромичах // Письмо профессора института антропологии М.Ф. Нестурха краеведу М.М. Сорвину от 20 октября 1969 года.
2. Минаков П.А. Ненормальная волосатость // Труды Антропологического отдела любителей естествознания, антропологии и этнографии Московского университета. Т. XIX. — М., 1899. С. 40 — 41.

АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ. НАЧАЛО

«Похороны советского кинематографиста Андрея Тарковского, находившегося во Франции в изгнании с 1984 года, состоялись вчера на православном кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа после отпевания в русской церкви на улице Дарю».

«Юманите», вторник, 6 января 1987 г.

Приимерно так десятки газет во всем мире отметили уход из жизни советского кинорежиссёра Андрея Тарковского.

Как же начиналась жизнь Андрея, где он родился?

От мамы и бабушки мы много раз слышали историю рождения Андрея. После смерти мамы к этим воспоминаниям прибавились документы из её архива.

Начну я с ранней весны 1932 года, с той самой весны, когда у Арсения и Маруси Тарковских родился сын-первенец Андрей.

В конце марта они отправились в рискованное путешествие — выехали из Москвы в село Завражье Юрьевецкого района. Это было довольно большое село с пятиглавой церковью (в которой крестили Андрея). Стояло оно на левом берегу Волги недалеко от впадения в нее реки Нёмды. Там жили мамыны мать и отчим — Вера Николаевна и Николай Матвеевич Петровы. Отчим был врачом и работал в местной больнице, а квартиру снимали в доме Кудряшовых на втором этаже. В Иваново-Вознесенской области Петровы оказались в самом начале двадцатых годов. Они уехали из Москвы по двум причинам: чтобы не умереть с голоду и чтобы Николай Матвеевич мог удовлетворять свою неудержимую страсть к охоте. Выбрали волжские места, потому что он родился в городе Шуе, тоже Ивановской области. Жили Петровы при больницах — цели купить собственный дом как-то не ставили — в Кинешме, в небольшом городке Юрьевце, в Завражье. А после Завражья — в посёлке с загадочным названием «Красный Профинтерн». «На Профинтерне», — говорила бабушка. Мы много раз спрашивали, что такое «Профинтерн». Мама и бабушка говорили что-то про профсоюзный интернационал, что вызывало ещё большее недоумение в наших детских умах, потому что никак эти слова не увязывались с тихим заволжским посёлком, с широкими волжскими плёсами, с запахом мокрой древесины, воды и гудками пароходов. Посёлки эти сохранились, их не затопила Большая Волга. А Юрьевец оказался единственным приволжским городом, построившим дамбу и сохранившим таким образом свой облик: центральная

улица, идущая параллельно Волге, и взбирающиеся на горы перпендикулярные улочки и переулки. Город, конечно, сильно изменился с довоенных и военных времен, когда мы там бывали, но то, что остался он незатопленным, я отношу к чудесам, как и то, что уцелел дом № 26 в 1-м Щиповском переулке в Москве, где прожил Андрей тридцать лет жизни...

В одном из писем мама написала о своём «положении», и из Завражья посыпались письма с просьбами и мольбами (бабушке был присущ высокий стиль) рожать у Николая Матвеевича в больнице.

А путь был неблизкий и трудный. Сначала поездом до города Кинешмы — тогда поезда на паровозной тяге шли туда около суток. В Кинешме на привокзальной площади стояли ямщики с лошадьми, ждали пассажиров (лошади ели овёс из мешков, надетых на морды, рядом ходили куры, прыгали

Марина Тарковская, сестра Андрея Тарковского, у дома в Завражье, где он родился. 2001 г.

Храм Рождества Пресвятой Богородицы в Завражье, где в 1932 г. крестили Андрея Тарковского. 2007 г.

воробьи — тоже питались). Родители сговорились с одним из ямщиков и поехали — километров тридцать на лошадях, в розвальнях. Дорога шла вдоль Волги, потом по замёрзшей реке. Волга должна была того гляди вскрыться, и они боялись, что не успеют добраться до места.

Вот мамино письмо, которое так и не было отправлено. Адресовано оно в Москву, папиной сестре, с которой мама очень дружила: «29 марта. Милая Лёничка! Доехали мы хорошо, то есть я не родила. Ехали долго, с трёх дня до пяти ночи, три часа кормили

на постоялом дворе лошадь, а сами ходили и мучались, скоро ли она накормится. Дорога разбита ужасно...» Предполагалось, что мама родит числа двадцатого, но дорогой её сильно растрясло, и роды начались раньше срока. Маму не успели отвезти в больницу. Рожать пришлось дома, на обеденном столе. Наша милая бестолковая бабушка так разволновалась, что забыла, где находится дом акушерки, и они с папой с трудом её разыскали. Принимали роды Николай Матвеевич и акушерка Анфиса Осиповна Маклашина. После того как всё завершилось, отчим сказал маме: «Ну, Маруська, следующего рожай где хочешь! Слишком уж нервно — принимать у своих».

Сохранилась тетрадь — дневник, который родители начали вести с первых дней появления Андрея на свет. Это листы бумаги, сложенные вдвое и прошитые нитками. Писали родители по очереди — у кого было время и силы. Иногда записи идут подряд, иногда несколько дней пропущено. В дневнике подробно рассказано о первых трех месяцах Андреевой жизни.

Дневник открывается папиной записью от 7 апреля 1932 года: «В Завражье в ночь на 4 апреля, с воскресенья на понедельник, родился сын... Пятого был зарегистрирован, назван Андреем и получил «паспорт».

Глаза тёмные, серовато-голубые, синевато-серые, серовато-зелёные, узкие; похож на татарчонка и на рысь. Смотрит сердито. Нос вроде моего, но понять трудно, в капочках. Рот красивый, хороший...»

Папа со свойственным ему нетерпением сразу же взял справку о рождении сына. Написана она рукой акушерки (орфография как в оригинале).

«Удостоверение.

Гражданка гор. Москвы Мария Ивановна Тарковская 1932 года Апреля 4-го разрешилась живым сыном. 1932 года, 4. IV. Акушерка Завражной больницы А. Маклашина. Врач Н. Петров».

Вот таким несколько архаичным по стилю документом официально засвидетельствовано появление на свет будущего режиссёра Андрея Тарковского.

М.А. Тарковская

СТАРЫЙ СЛУГА

Уроженец Парфеньева Дмитрий Фёдорович Белоруков (1912–1991 гг.) происходил из местных купцов. Гвардейский офицер, инженер-строитель, большую часть жизни проживший в Москве, он всегда тянулся сердцем к своей малой родине, в московских и костромских архивах изучал её историю, писал об этом в местной и центральной печати.

Фотография 1987 г. запечатлела Дмитрия Фёдоровича в Парфеньевской картинной галерее, которая появилась в селе благодаря и его трудам-заботам.

Звали его Гаврюшкой, и никто, наверное, за всю жизнь не назвал Горпей Иванович. Он был когда-то крепостным слугой помещика Постникова. Усадьба этого помещика стояла в пяти верстах от Парфень-

ева по дороге в Кологрив. По рассказам старожил, это был большой деревянный дом, стоявший на склоне и окружённый берёзами. Много росло здесь сирени (безины), и название Пезино-то было по имени этих кустов сирени.

Крепостных у Постниковых было мало, и дела их шли из рук вон плохо. Тогда решил владелец усадьбы удариться в промышленные дела. Он построил сарай, сложил в нём печь, поставил котлы и занялся варкой клея. Тоже завод — и его пришлось зарегистрировать в Костроме. А там уже чиновники стали включать этот клей во всякие справочные издания. Так в Парфеньеве появилось торгово-промышленное заведение.

Клей варили из копыт и рогов животных. И самым унижительным для владельца было скупать этот хлам. Он посылал по деревням двух дворовых мужиков скупать рога и копыта. А поставщиками в деревнях этого сырья были ребятишки, собиравшие копыта по всем свалкам в деревне.

От варки копыт в сарае стояла страшная вонь. И даже парфеньевские ко всему привыкшие мешчане говорили:

— Не барское это дело.

Недолго просуществовал завод. Постников, ухлопав в него последние деньги, закрыл завод и сам поступил в земские начальники. Так и доживали брошенные им пять-шесть человек крепостных в этой усадьбе.

Гаврюшка в дни праздников, надев сюртук, который барин подарил ему давно за ненадобностью и ветхостью, отправлялся в Парфеньев. Мы, бывало, как завидим пробирающегося по кологривской дороге Гаврюшку, устремлялись к нему.

— Куда, Гаврюшка, идешь? — спрашивали мы.

— В кудакин дом, в гости к кудакам.

— Гаврюшка, расскажи про баринишку и ружьишко.

Мы знали этот рассказ Гаврюшки о своём барине и часто просили ещё раз рассказать.

— Вот я вас, озорники, — грозил он своей палочкой.

Вид его был нелеп: в узком чёрном фраке, в узких брюках со штрипками, а на голове барская шляпа-полуцилиндр. Шею он повязывал белым платком. Он очень походил на грача. А начнёт нагибаться, фалды сюртука взлетают назад, как хвост у птицы, — и грач, полный грач.

В праздники он ходил по богатым домам с поздравлениями. Придёт, постучит в дверь. Поставит свой посошок в угол. Снимет свой цилиндр и поправит платок на шее. Подойдёт к хозяйке:

— Честь имею поздравить с праздником вас.

— А, это ты, Гаврюша! Ну и тебя с праздником.

— Много благодарен.

— Иди, милый, на кухню, там тебе подадут.

— Много благодарен.

На кухне, где на столе выставлена четверть с водкой и закуски: студень, огурцы, варёное мясо, гри-

бы, — виночерпий Панка (он исполнял эту должность в праздники) наливал Гаврюшке стакан водки:

— Пей за здоровье хозяев.

— Много благодарен.

Гаврюша никогда залпом водку не пил, а отпив два-три глотка, ставил стакан на стол, усаживался и, щёлкнув пальцами, говорил:

— Закусим. Что это у вас — заливное? А нет ли, милейшая, хренку к нему? — спрашивал он Катерину.

— Хренку? Есть, да не про твою честь.

— Ну как же, милейшая, заливное всегда едят с хренком.

Панка, уже тоже попробовавший содержимое четверти, смотрит на Гаврюшку с удивлением:

— Ты, паря, всё по-барски...

— Как же, привык-с. Мы с покойным баринном, бывало, за одним столом едали-с. Видел и я кое-что-с.

— Да барин-то, поди, одну картошку ел да мясца соскребёт с копыт-то, — язвила Катерина, намекая на клеевой завод.

Гаврюшка не считал даже нужным отвечать ей на это.

— А вот и ножа не положили, а тоже сервировали стол. Бабы — бабы и есть.

— Да что тебе, ещё нож надо.

— А ты не ругайся: не твоё ем, не твоё пью, а хозяйское. Сама Лидия Ивановна меня пригласила отведать на кухне.

Он съедал студень и запивал его водкой из стакана.

— Гляди ты на него, как молоком запивает, тьфу, нечистый. И водку тебя так научил пить барин?

— Что ты понимаешь, баба. Её пьют с прохладцей. Это только мужики в трактирах пьют залпом-то.

— Тьфу ты, во грех только вогнал в праздник. Наливать тебе лапши что ли?

— Лапши в праздник! Ах, какая неуч ты, баба. Ну кто за праздничным столом ест супы? Бывало, мы с барином в такие-то дни только закусывали холодными.

— Ну, для тебя не припасено разносолов.

— А бывало, вот мы с барином покойным выпьем, закусим и потом подам я ему трубку. Он, развалясь в креслах, и скажет: «Изобрази, Гаврюшка, прикажи мне, баринишке, взять ружьишко и убить зайчишку...»

Захмелевший от вина Гаврюшка уже ничего не ел и, сидя на лавке, рассказывал о своей жизни у барина.

— А однажды барин меня изволили подстрелить из ружья.

— Ну, уж это ты, паря, врешь, — говорил Панка.

— А вот и не вру. И сейчас ещё снаряды во мне сидят.

— Да ты рябчик что ли, чтобы по тебе стрелять?

– А дело случая. Были мы, значит, с бариним на охоте на Бердуковском озере. Приказал он мне уток пугать в камышах на другом берегу. А тут кряква и выплыви из кустов. Барин выстрелил, и дробь-то, видно, по воде скользнула да в ноги мне и ударила. Барин-то подошёл ко мне, когда я в камышах лежал, и говорит: «Не я виноват, Гаврюшка, а рикошет». А что это за рикошет — не сказал.

Мы часто насмеялись над Гаврюшкой. Пока он сидел на лавке и рассказывал о жизни у барина,

привязывали у него на спине к фалдам бумажные ярлычки и не могли дожидаться, когда он пойдёт по улице, чтобы посмотреть вдогонку, как бумажки будут красоваться сзади. Но приходил поздравлять с праздником ещё кто-нибудь, и Гаврюшка уходил.

– Куда же теперь ты? — спрашивала его Катерина.

– А к господам Орловым.

И он уходил.

Д.Ф. Белоруков. Журнал «Губернский дом». 1998. № 4. С. 29.

«ПОБРАТИМ ПОТСДАМА»

А началось все с того, что доктор Зильке Клёвер прислала из Берлина в Кострому письмо, где поведала историю о русской деревне Александровке, построенной в резиденции прусских королей городе Потсдаме и отмечившей в 2002 г. 175-летний юбилей. Одним из основателей Александровки, её первым жителем был уроженец села Палкина Костромской губернии Иван Фёдорович Яблоков, унтер-офицер царской армии, волею судьбы вместе с другими русскими солдатами оказавшийся в Потсдаме. Деревня была названа в честь российского императора Александра I, который своему союзнику в борьбе с Наполеоном сделал своеобразный подарок — солдатский хор, одним из певцов которого и был Иван Яблоков, поселившийся в специально построенной деревне.

История эта заинтересовала Костромское объединение российских немцев. Оно получило под-

держку областной администрации и, приняв участие в губернаторском конкурсе социально значимых проектов «Общественные инициативы», выиграло грант на разработку этой интересной темы. В Палкино отправилась экспедиция для сбора сведений и материалов об истории села, об И.Ф. Яблокове и его роде. Большую помощь участникам экспедиции оказали местные краеведы, в первую очередь — заведующий краеведческим музеем Палкинской средней школы Ю.Н. Третьков. Художник Юрген Никкель (Ю.В. Комаров) сделал фотографии и написал картины с видами Палкина и его окрестностей, а профессор технологического университета Е.А. Флейман написал и издал отдельной брошюрой историко-краеведческий очерк «Из России в Германию: от костромского села Палкина до деревни Александровки в Потсдаме».

В Палкине жителей с фамилией Яблоков сегодня нет. Потомки Ивана Фёдоровича и его родственников проживают ныне в иных городах и весях, часто с другими фамилиями. Было бы замечательно собрать их и в деревне Александровке, и в селе Палкине, чтобы они, а вместе с ними и другие костромичи, ещё раз вспомнили добрым словом нашего земляка, крестьянина Ивана Фёдоровича Яблокова, 20 лет жившего в Костромской губернии, 10 лет находившегося в русской армии, 30 лет — на королевской прусской службе, все эти годы нёсшего там высокую миссию русского музыкального и певческого искусства.

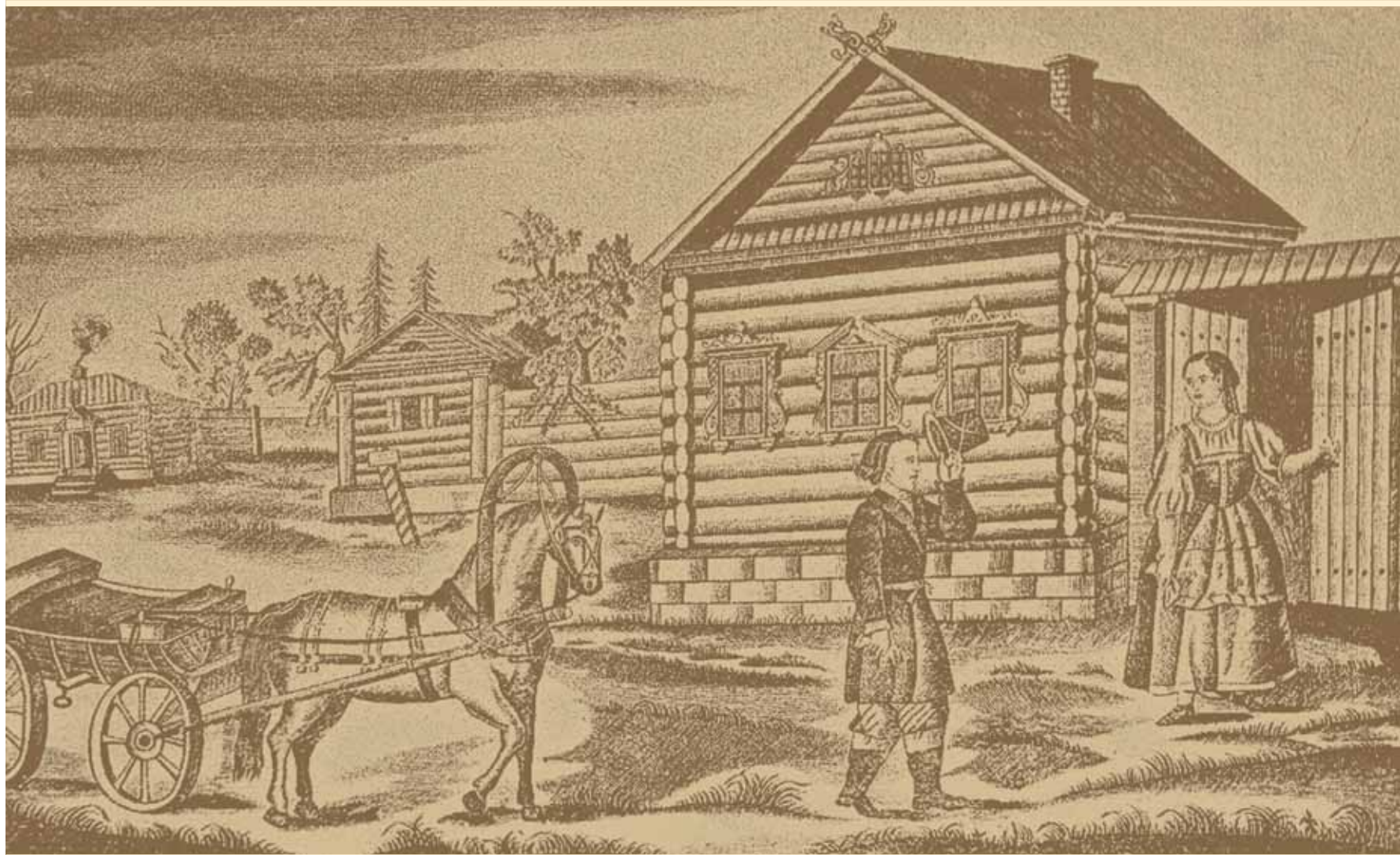
А там, может, Палкино навсегда породнится с Александровкой, а Антропово — с самим Потсдамом.

Н.В. Муренин

Запруда в селе Палкино. 2007 г.

Б

**ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ
ПРЕДКОВ. ФОЛЬКЛОР**

ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ ПРЕДКОВ. ФОЛЬКЛОР

КАК ПРЕДКИ СТРОИЛИ ЖИЛИЩЕ

*Р*аньше при подготовке к строительству дома важным было всё: как срубить дерево, как расположить венцы, какие обряды и ритуалы в какое время суток справить, чтобы новое жилище стало счастливым для хозяев. Вот несколько советов из записей Сергея Васильевича Максимова, замечательного этнографа, писателя, нашего земляка, записавшего многие народные обычаи и обряды, бытовавшие в Костромской губернии, когда ещё они сохранялись в первозданном виде.

<..> Выделился из осиротелой семьи старший брат и задумал себе избу строить. Выбрал он под стройку обжитое место. Лес рубил «избяной помочью»: сто брёвен — сто помочан, чтобы вырубить и вывезти каждому по бревну. Десятком топоров успели повалить лес поздней осенью, когда дерево не в соку, и вывезли брёвна по первопутку: и работа была легче, и лошади меньше наломались. Плотники взялись «срубить и поставить избу», а если сладится хозяин с деньгами в этот же раз, то и «нарядить» её, то есть сделать всё внутреннее убранство, доступное топору и скобелю. Плотники подобрались ребята надёжные, из ближнего соседства, где испокон веку занимаются этим ремеслом, и успели прославиться на дальние окольности. Помолились на восход солнца, выпили «заручную» и начали тятать с ранней зари до самой поздней.

Положили два нижние бревна — два первые венца так: где лежало бревно комлем, там навалили другое вершиной. Приходил хозяин, приносил водку: пили «закладочные». Под передним, святым углом, по желанию хозяев, закладывали монету на богатство, и плотники сами от себя — кусочек ладану для святости. Пусть-де не думают про них, с бабьих бредней, худого и не болтают, что они знают с нечистой силой и могут устроить так, что дом для жилья делается неудобным.

Переход в новую избу, или «влазины», новоселье — в особенности жуткая пора и опасное дело. Это не в пример хуже, чем раздетым догола броситься в крещенскую прорубь! На новом месте словно бы надо переродиться, чтобы начать новую, тяжёлую жизнь в потёмках и ошущью. Жгучая боль лежит на сердце, которое не чувствует (а знает хочет), чего ждать впереди: хотелось бы хорошего, когда вокруг больше худое. Прежде всего напрашивается неотразимое желание погадать, кинуть жребий на счастье, и именно тот самый, который памятен с древнейших времён и известен всей России. Он применяется повсюду: вперёд себя в новую избу пускают петуха и кошку. Если суждено случиться беде, то пусть она на них и стрясётся. За ними уже можно смело входить с иконой и хлебом-солью, всего лучше в полнолуние и обязательно ночью. Ночью же в новый дом и скотину перегоняют. Счастливыми днями для новоселья считаются двенадцатые праздники, и между ними в особенности Введение во храм Богоматери. <..>

Искушённые житейским опытом, хозяйки-бабы, поставив икону в красный угол, отрезают один сукрой от каравай хлеба и кладут его под печку. Это тому незримому хозяину, который вообще зовётся «домовым», с прилагательным, для выдела от прочих и в отличие от них слова «доможил». В таких местах, где ему совершенно верят и лишь иногда, грешным делом, позволяют себе сомневаться, соблюдается очень древний обычай, о котором в других местах давно уже и забыли.

О происхождении домовых рассказывают следующую легенду. Когда Господь при сотворении мира сбросил на землю всю непокорную и злую небесную силу, которая возгордилась и подняла мятеж против своего Создателя, на людские жилища тоже попадали нечистые духи. Отбрали ли сюда те, которые были подобнее прочих, или уж так случилось, что, приселившись поближе к людям, они

обжились и обмякли, умягчились нравом — трудно сказать. Не сделавшись злыми врагами, как водяные, лешие и прочие черти, они как бы переродились: превратились в доброхотов и при этом даже оказались с привычками людей весёлого и шутливого нрава. Большая часть верующих так к ним привыкла, примирившись с ними, что не согласна признавать домовых за чертей и считает их за особую отдельную добрую породу.

Каждая жилая деревенская изба непременно имеет одного такого невидимого жильца, который и является сторожем не только самого строения, но главным образом всех живущих: и людей, и скотины, и птицы.

Живёт-слывёт он обычно не под своим прирождённым именем «домового», которое не всякий решится произносить вслух (сколько из уважения к нему, столько и из скрытой боязни оскорбить его таким прозвищем, какое он может принять за насмешку). Отчего и не повеличать его, из приличия и за очевидные и доказанные услуги, именем «хозяина» и за древность лет его жизни на Руси — «дедушкой». Рассказывая о домовом, всего чаще называют его просто — «Он» или «Сам», но ещё чаще «Доброжилом» и «Доброхотом».

Приживается каждый домовый к своей избе в такой сильной степени, что его трудно, почти невозможно выселить или выжить. Недостаточно для того всем известных молитв и обычных приёмов.

«Лучинушка». Лубок из коллекции музея-заповедника «Щельково». 1857 г.

Надо владеть особыми притягательными добрыми свойствами души, чтобы он внял мольбам и не признал бы ласкательные причёты за лицемерный подход, а предлагаемые подарки, указанные обычаем и советом знахаря, — за шутливую выходку. Если при переходе из старой, рассыпавшейся избы во вновь отстроенную не сумеют переманить старого домового, то он не задумывается остаться жить на старом пепелище, среди трухи развалин, в холодной избе, несмотря на ведомую любовь его к тёплым хоромам. Он будет жить в тоске и на холоде и в полном одиночестве, даже без соседства мышей и тараканов, которые вместе со всеми другими жильцами успевают перебраться незванными. <..>

С.В. Максимов. «Нечистая, неведомая и крестная сила». — С.Пб, 1873.

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ

В крестьянской семье при рождении детей часто говаривали: «Бог дал, Бог взял». Женщины рожали когда и где придется: в поле, во дворе, о больнице часто не шло и речи. Вспоминает Мария Константиновна Грובה: «Родилась я в Успенье. Пиво было у всех в деревне наварено, у нас дома тоже. Я родилась между делом, никто, по-моему, этого и не заметил. Был праздник: все пели, плясали, пиво пили».

Крестьянская семья получалась большой, многодетной. Роды обычно принимала бабка-повитуха, которая часто была одна на несколько деревень. После рождения ребёнка клали на печь и сразу затопляли баню. Ребёнка в бане мыла или бабка-повитуха,

или бабушка из этой семьи, или чужая из деревни. После рождения ребёнок спал в «зыбке» или в «люльке», в разных местах называли по-своему. Зыбка была лубяная, с переплетённым дном, подвешенная к потолку на оцеп к матице. Под ребёнка подкладывали сначала соломки или сенца, сверху какую-нибудь старую одежду. К зыбке привязывали игрушки, сделанные из соломы-«прямицы»: лошади, собачки, куклолки, которые родители мастерили сами [1].

Пеленали ребёнка в пелёнки из старых мужских рубах, сарафанов и другой одежды до шести и больше месяцев с той целью, чтобы не искривились ручки и ножки. Особой пищи для кормящей

матери не было, но случалось, хорошая свекровь утром позовёт: «Щи, молодица, иди поешь, кормила ночь-то ребёнка» [2]. Грудью ребёнка кормили до года и больше, бывало и до трёх лет. Прикорм для ребёнка вводился с двух-трёх месяцев, так как мать была вынуждена рано после родов начинать работать в поле и по хозяйству. В качестве прикорма использовалось коровье молоко, которым кормили ребёнка из коровьего рога, вычищенного внутри, на рог надевали сосок от коровьего вымени. Варили также овсяные выжимки, давали «жвак», сосулю (нажёванный хлеб, завёрнутый в тряпку).

С детьми водилась старшая бабушка из семьи, а если её не было, заставляли старших детей. До того, как родить очередного ребёнка, мать предупреждала, кто из старших будет «нянькой».

Детей в большинстве случаев крестили на седьмой неделе в церкви. Крещение на дому считалось недействительным, если его проводил не церковнослужитель. Крёстную и крёстного, или кумушку и кума, выбирали не обязательно из родственников. Если рождалась девочка, выбирали крёстную, если мальчик, выбирали и крёстную и крёстного. Отец новорождённого запрягал лошадь и всех вёз в церковь. Новорождённого несла крёстная на руках, если мать приезжала, то несла она. Служба была в воскресенье. Приходили в церковь, там стояла купель. Поп брал у матери или крёстной ребёнка, раздевал его и окунал ребёнка в купель. Если это был мальчик, батюшка нёс его в алтарь, прилаживал к иконам, а потом нёс и подавал на руки крёстному, надев предварительно новорождённому крестик. Если это была девочка, батюшка после купания отдавал ребёнка крёстной голенького, надевал крестик, давал имя» [3]. Имя давали, придерживаясь того, перед каким или после какого религиозного праздника родился ребёнок (Николин день, Егорьев день и т. д.). Называли детей и в честь бабушек, дедушек, или просто имя «приглянулось» [4].

В зеркало ребёнка до года в одних местах можно было показывать, в других нельзя, остерегались того, чтобы ребёнок не испугался. Остерегались младенца показывать посторонним людям. «Если выносили на улицу, от глаза на темечко клали щепотку соли, приговаривая: «Как сольца-то не урочится, так и ребёночек не урочься», одевали на голову платочек» [5]. Чтобы снять переполох с ребёнка, нужно напрясть было нитку изо льна, связать кольцом, потом пропустить через ребёнка сверху донизу три раза.

В Леденгской стороне был старичок, который много знал заговоров, он и грыжу заговаривал. Пошлют к нему горшочек с паровым дёгтем, он наговорит на него, ребёнку намажут больное место, и всё пройдет.

За общий стол ребёнок садился «как засмогает». В течение дня соблюдался строгий режим приёма пищи. «Поволоча» таскать куски было не принято. Ели три раза в день: 9 часов утра — обед, час

дня — паузна, вечером, когда управят скот, — ужина (ужин). Все сидели за общим столом, накрытым скатертью. Хозяин — во главе стола, по левую или правую руку от него все дети по роду: от старшего к младшему. Ели все из одного блюда (миски). Мясо брали по команде, когда хозяин стукнет по тарелке ложкой. Лучшими лакомствами для детей была сушёная морковь, галанка (брюква). Сахар давали строго по кусочку, только в субботу после бани, когда садились все к самовару. Присутствовать детям при застольях взрослых во время праздников было запрещено. Заберутся на печь или полати, и чтобы ни звука не слышно было. Спали дети на полатах, на матрацах, набитых соломой. Старшие дети спали с края, потом все по очереди по старшинству. Закрывались сверху шубами, в головы, кто побогаче, клали подушки, кто победнее — что придется. Для подушек нередко использовали пух дикой птицы, так как много в те времена было лесов и дичи в них, поэтому много мужчин «лесовали», охотились. Перед баней постель вынесут на улицу, похлопают на снегу, затем снова спят. Никаких простыней, естественно, не было [6].

Дети, как и взрослые, одежду носили из «домотканины» — полотняные длинные рубахи. Девочки-подростки — платья из пестряди. Мальчики — штаны и рубахи, как у взрослых мужчин. Верхняя одежда была такая же, как и у взрослых.

В воспитании детей существовали свои порядки. Слово родителей было законом для детей, боялись «ослушаться». К телесным же наказаниям прибегали не часто, только за самые большие провинности.

Одним из любимых для детей занятий было слушание сказок (часто лазили на полати «сумерничать»). Рассказывали сказки родители, бабушки, а иногда и специальные люди — сказочники в деревне. Был такой известный сказочник Афоня с Пыз-маса [7].

Родители в большинстве случаев были неграмотные, семейного чтения как такового не наблюдалось. Учились дети в те времена по 2, 3, 4 года, только немногим удавалось получить хорошее образование. Учиться было некогда, с 6–10 лет дети были вынуждены работать по хозяйству, помогать взрослым. Сначала помогали по дому, а потом и в поле [8].

*Подготовлено Н.П. Чigareвой
По воспоминаниям старожилов Павинского района*

1. Чigareва Н.П. С. Павино, запись сделана в 1994 г.
2. Ивкова А.В. С. Павино, запись сделана в ноябре 1994 г.
3. Чigareва Н.П. С. Павино, запись сделана в 1994 г.
4. Вологжанина Ф.М. С. Павино, запись сделана в ноябре 1994 г.
5. Чigareва Н.П. С. Павино, запись сделана в 1994 г.
6. Ивкова А.В. С. Павино, запись сделана в ноябре 1994 г.
7. Там же.
8. Там же.

«ВЕДУТ ЖИЗНЬ ОПРЯТНУЮ...»

Село Красное в середине 19 в.

Семейная жизнь красносёла не очень разнообразна, необыкновенных явлений нет; он добр, обряд религии исполняет так же, как и весь Костромской уезд; преступлений, спорных и кляузных дел почти не бывает. Свадьбы, гулянья, святочные вечера, Масленицу и праздники он исправляет так же, как и жители уездных городов Костромской губернии (т. е. небогатые купцы и мещане); в кругу семейства красносёл — хороший домохозяин; его жена и дети одеты прилично, и особенно в праздничный день за обедней или на гулянье не увидишь серого армяка; одежда у мещан: шинель, пальто, кафтан, или плащ, сюртук, брюки, сюртук длинного покроя и поддёвка; у женщин и девиц: у богатых — шляпка, бурнус, пальто, платье, головная косынка (или наколка), платок, мантилия, салоп, поддёвка. Мастерская красносёла есть первый приют и всей семьи, а кто занимается хлебопашеством, для того те же трудные занятия земледельца, разница разве в том только, что все полсела Красного преимущественно засеяны льном, и красносёлы пристрастились к льносеянию потому собственно, что лён им доставляет более выгод. Они лён и сами обрабатывают, и необделанный сходно продают на льноприготовительное заведение купца Данилова, устроенное в Костромском уезде, на реке Кубани, а также переторговывают льном, скупаемым еженедельно, на бывающем в Красном по понедельникам базаре. <..>

Впрочем, заметно, что поля села Красного обрабатываются преимущественно не самими красносёлами, а соседственными крестьянами, по найму. <..>

В селе Красном пахотной земли достаточно, да кроме того имеются особые отхожие пустоши с хорошими покосами и лесные дачи, доставляющие без большого труда и дрова для отопления жилищ. После пожаров в 1826 и 1858 гг. Красное вновь выстроено по правильно составленному плану на возвышенной открытой местности в виду реки Волги. <..>

Река Волга и Красное не лишила выгод: по ней красносёлы сплавляют свои изделия на Нижегородскую ярмарку, что гораздо выгоднее сухого пути; при мелководии в Волге (а мель против самого села Красного) за перегрузку с больших на малые суда многие семейства получают большие вы-

годы, а рыбные в Волге ловли хотя и не доставляют красносёлам оптовой ловли, потому что они составляют оброчную статью владельца, но все же красносёл к обыкновенному блюду в летнее время имеет и хорошую рыбу. После всех этих удобств село Красное, будучи отдалено от губернского города Костромы на 35 верст, от посада Плёса на 20 верст и ближе этого расстояния не имея торговых местностей, без хлебопашества, у себя же и всегда имеет все необходимые для жизни припасы, чем и заняты ежедневно на торговой площади в лавках купцы и некоторые из жителей.

В Красном в обыденное время не найдёшь разве одних красных товаров, но и те в понедельник каждой недели на базары привозятся из Плёса и Нерехты. Кроме базаров, бывает в Красном и ежегодная ярмарка под названием Семиковская. Сами жители не упомнят, с которого времени установлен у них годовым торговым днём четверг на седьмой неделе по Пасхе, т. е. семик; торговля в этот день производится преимущественно холстами, заготовленными в окрестных селениях как Костромского, так Нерехтского и Кинешемского уездов, а также, кроме всех съестных припасов, кроме льна и красного товара, на продажу выводится много и породистых лошадей, выкормленных в селе Красном и ближних селениях. По собранным сведениям, ценность продажи холста в семик простирается до 10 000 руб., лошадей выводится на сумму до 3000 руб., льну продается на сумму до 7000 руб., а с прочими товарами вся ценность простирается на сумму до 30 000 руб. Для покупки холста приезжает иногороднее купечество из Ростова, Судиславля, Нерехты, Кинешмы, Костромы и более из Шуи; но до 1857 года кратковременность ярмарки, так как торговля продолжалась один только день (семик), и то несколько часов,

По Волге. Начало 20 в.

Памятная часовня. Красносельский район. 2007 г.

не позволяла иметь большого привоза и продажи товаров, а потому и продавцы холста, по расчёту времени, употребляемого на производство торга, и изделия свои заготавливали не в большем размере, постоянно ограничивая этим развитие льняной промышленности и обработки холста; почему для доставления более верных средств к улучшению жизни всего населения при нахождении в селе Красном лавок, весов и всего необходимого для торговли вотчинное правление села Красного ходатайствовало у губернского начальства разрешить в селе Красном ежегодную ярмарку в течение четырёх дней, начиная с четверга седьмой недели по Пасхе

и до понедельника восьмой недели, и по разрешении губернским начальством эта ярмарка местною земскою полицией была открыта 27 мая 1857 года при многолюдном стечении народа, прибывшего на семиковский торг. Учреждение этой ярмарки полезно, между прочим, для народонаселения и тем, что заохочивает жителей Красного к возделыванию в больших размерах льна и выработке из него холста, чему в настоящее время очень много могут способствовать и имеющиеся в Костромском уезде и Костроме льноприготовительное и льнопрядильное заведения купцов Данилова и Брюханова. Семиковская ярмарка вотчинной конторе села Красного приносит дохода ежегодно до 200 руб., кроме того, каждеднедельные базары по понедельникам, особенно в зимнее время, доставляют ей до 20 руб. <..>

В заключение скажу, что село Красное было известно почти за 200 лет. В выписи, имеющейся при церкви того села, сказано, «что в 7188 году (1680 г.) при царе Феодоре Алексеевиче Красное было Государево-Дворцовое, от реки Волги в полуверсте, в нем церковь Богоявления Господня, каменная, верх шатром; образы, книги и ризы и колокола и всякое церковное строение боярина Дмитрия Ивановича Годунова...»

П.Е. Беляев. Село Красное Костромского уезда // Костромские губернские ведомости. 1859. 19 декабря; 1860. 5 марта.

МЕЛЬНИЦЫ В ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН

Не одно столетие мельницы на Руси олицетворяли основательность крестьянской жизни. Где мельницы, туда и дороги, там и людно, там и разговоры о хлебе, о детишках, о скотине, об извечных полевых заботах. Мельница в работе — значит, всё нормально, не пробудем голодными, даже и нищему страннику достанется кусок каравая.

В нашей местности преобладали мельницы водяные, что вполне понятно при наличии множества небольших, как раз удобных рек и речушек. По скудным сведениям сохранившихся документов и свидетельству очевидцев удаётся установить, что в окрестностях Судиславля на отгибающей его реке Корбе и её притоках одновременно действовало шесть мельниц.

Начнём по порядку. Самая верхняя мельница в двух километрах от Судиславля, так называемая Новиха, там, где теперь расположена турбаза «Бе-

рендеевы поляны». Этой мельницей владел некий зажиточный судиславец Иван Михайлович Захаров. Там же стояла его добротная усадьба. По сведениям старых жителей, мельница Захарова считалась одной из лучших в округе. Ценность её состояла также и в том, что её легко и быстро, путём замены какого-то оборудования, можно было переделать в льняную маслобойку. А лён издревле занимал в наделах здешних крестьян почётное место, сеяли его на лучших землях ради получения волокна и масла. И ещё живы сегодня те судиславцы, что бегали босиком на Новиху к Ивану Захарову «ржаным куском масло лакать». Эта мельница остановилась, замерла при советской власти в числе первых. Какова судьба её хозяина — никто толком сказать уже не может. Очевидно, он разделил участь, как принято было говорить, «дармоедов и кровососов». Далее вниз по течению Корбы стояла шемякинская мельница, попросту Шемякинка. Тоже надёжная, хорошо обо-

рудованная. Одна из самых старых на Судиславской земле.

Ещё ниже, почти что в границе посёлка, под борным холмом, — мельница судиславская. Она держалась всех дольше. Жители улицы, прилегающей к Корбе в этом месте, помнят, что она действовала ещё в 1947 году.

Следующая, в полутора километрах, Клейнка. Возможно, стоял когда-то тут хутор с таким названием. Место низкое, по обеим сторонам заливной луг. Попечитель здешней округи, предприниматель И.П. Третьяков думал закольцевать дорогой прилегающие к Судиславию деревни — от деревни Климцево через мельницу Клейнка начали выкладывать булыжную мостовую. Сделать это, однако, не успели. Революционные события остановили строительство, булыжник впоследствии разобрали и увезли.

Километрах в пяти-шести от Судислави стояла ещё одна добротная мельница — Славновская. Она обслуживала в основном жителей близлежащих многолюдных деревень, край тут считался хлебородным и зажиточным.

Но была и ещё одна судиславская мельница — с южной стороны посёлка на притоке Корбы речке Готовке, как раз там, где сейчас под холмом устроена заграда Комсомольского озера.

Шесть мельниц на небольшой территории, но тесноты не замечалось, все действовали, время упорядочило прикрепление окружающих деревень, каждый крестьянин знал свою мельницу и по первому снегу с благоговением ехал на лошадке молотить жито.

Отдельные мельницы продержались до конца сороковых—середины пятидесятих годов.

В.В. Травкин

ЧУХЛОМИЧКА

Удивительный тип — чухломская крестьянка. Мужья, братья, отцы годами живут в Питере. Почти 75% мужского населения уезда самой ранней весной отливает на заработки на сторону и лишь зимним санным путём возвращается домой, чтобы через три, много — через четыре месяца вновь оставить родные очаги для отхожего промысла. Значительная же часть мужчин домой прибывает лишь на побывку, на месяц-другой. Есть и такие, что и по два года во все домой не заглядывают.

Всё хозяйство, не только по дому, но и работы в поле, на лугу, в лесу, даже некоторые общественные обязанности, так называемые «натуральные повинности», — всё это лежит на женской половине населения, на бабах. Чухломичка и пашет, и сеет, и косит. Она же и древоруб, а по нужде — и столяр, и плотник, и «экипажных дел мастер»: заготавливает дрова в лесу, ставит плетень, тюкает топором во дворе, собирает телегу или сани. Женщина же хлеб с поля убирает, молотит, мечет стога на сенокосе, обряжает лошадь. Словом, нет той мужской работы в сельском хозяйстве, которую бы не справляла наша чухломичка. Она же исполняет и всю женскую работу: ходит за скотиной, жнёт, прядёт, ткёт, шьёт, стряпает, рождает и выхаживает детей, в школу их отправляет.

Ходить за лошадей, запрягать, править ею чухломичка мастерица. Так бывает: приедет муж из Питера и «столичным франтом» едет с женой в церковь; правит лошадей, конечно, жена; она же, если потребует, в дороге и супон подтянет, и перепряжёт, даром что и сама щеголихой одета;

муженёк же сидит барином, не споря, соглашаясь с замечанием жены: «Сиди уж, ведь ты возле лошади, чай, ни ступить, ни шагнуть не умеешь...»

Нередки случаи, когда баба же сопровождает этапного, и порою не одного, а двоих. И занимательно видеть, когда двое рыжих мужиков «конвоируются» бабой, важно выступающей позади их с здоровенной палкой и казённой кожаной сумкой через плечо. А что особенно удивительно: конвоируемые нисколько не смущаются при этом, не протестуют и... не сбегают.

...Летом в деревнях, как сказано, остаются одне лишь бабы. И тем не менее общий строй и порядок деревенской жизни не нарушаются. Нет места даже пресловутым бабьим ссорам и дразгам: слишком серьёзна для этого чухломичка. Умно, толково, степенно судит и рядит она на сельском сходе, и если погорячится когда, то единственно при отстаивании собственных личных интересов...

Высоконравственная чухломичка, годами оставаясь вдали от мужа, она всё же остается неизменно верной Пенелопой, терпеливо ждёт своего «богоданного, законного», и соблазны для неё как бы не существуют. Если когда и даёт чухломичка волю своему чувству, так это единственно провожая мужа, отца, брата или сына на заработки в чуждальную сторонушку, а более того — в могилу. Вопит, бьётся и причитает бедная во всю мочь своей сильной природы.

...«Прогрессивность» чухломички замечается больше всего и в причастии её к нарядам: любит она наряжаться по-городскому, в шитое по моде и «из самой модной материи» платье. Редкая девуш-

ка на беседках не обвешивается длинными золотыми или «под золото» цепочками, серьгами и брошками; на руках браслеты, на пальцах колечки; каждая девица обязательно носит на шее часики, золотые и, в крайнем случае, серебряные. На эти наряды да

украшения тратится немало, но тут — дань Питеру: из Питера заносятся «питерщиками» на родину эти дары внешней культуры и цивилизации.

Поволжский вестник. 1913, 28 июля, 31 июля.

БАБЬЯ СТОРОНА

Проезжающим в летнее время по северо-западной части Костромской губернии, и особенно по Солигаличскому уезду, вероятно, бросалось в глаза поразительное численное преобладание женщин над мужчинами. Более сильные представители здешнего крестьянства изгнаны отсюда нуждой. Отходничество — массовый уход мужского населения на заработки в города, преимущественно в Питер, — наложило отпечаток на многие стороны жизни солигаличского края. В некоторых маленьких деревнях летом вовсе не остаётся мужчин, и представителями их являются или еле бродящие старики, или мальчики не старше 12–13 лет.

Отправляют мальчиков обучаться ремёслам в Питер в возрасте 12–15 лет, чаще всего 13 и 14 лет; срок ученья продолжается, смотря по возрасту ученика и ремеслу, от 2 до 5 лет. Столярное, слесарное, водопроводное ремёсла требуют большего срока, малярное менее всех: более молодые ученики учатся дольше. Что касается выбора ремесла, то тут больше всего следуют рутине: чем занимался отец, тому ремеслу обучает и сына; если же в семье несколько мальчиков, то их стараются иногда обучить разным ремёслам. Реже замечается обратное явление: отец, почему-либо разочарованный в своём ремесле, отдаёт сыновей обучаться другим ремёслам, надеясь, что им в этих ремёслах повезёт больше, чем ему в его промысле. Замечается влияние и других постоянных или случайных причин: в одной деревне все маляры, в другой бондари; есть целые волости, высылающие на сторону одних плотников. Если в деревне живёт какой-либо крупный хозяин-промышленник, то вся деревня старается сбыть ему своих детей на обучение, рассчитывая, что он, как сосед или даже родственник, будет обращаться с ними лучше других хозяев. Грамотные и более способные мальчики отдаются в торговцы и в более высшие ремесленные мастерские: водопроводные, слесарные, токарные. В лучшие и более лёгкие места, конечно, всякий тянет своих родственников и односельчан. Но если на выбор ремесла влияют самые разнообразные условия и в одной деревне встречаются различные ремесленники, то в общем каждая местность отличается преобладанием од-

ного ремесла над другим. Так, например, Зашугомская и половина Верховской волости высылают исключительно плотников и волгарей; из Вершковской волости и из города Солигалича идут кузнецы и слесаря, из Гнездиновской волости много торговцев, в Корцовской волости преобладают ремёсла по отделке домов.

Отдаются в обучение или родственникам, имеющим какое-либо ремесленное хозяйство в Питере, или к хозяевам из ближайших деревень, или, наконец, к петербургским ремесленникам, которые набирают здесь мальчиков через своих поверенных из местных крестьян. В первом случае никаких условий не заключается, а ограничиваются словами хозяина-родственника: «не обижу, пускай живёт»; в остальных двух заключаются формальные письменные условия, которые заносятся в волостных правлениях в книги для различных договоров и условий. В общем все контракты оказываются одинаковыми: мальчик должен повиноваться хозяину, не может уйти от него ранее условленного срока, гулять без разрешения хозяина и пр., а хозяин обязуется всё время кормить, поить, обувать и одевать и в течение одного месяца лечить безвозмездно и уплатить родителям известную сумму от 25 до 50 рублей. Часть этой суммы выдается отцу в виде задатка, другая часть — ученику по окончании ученья, а остальное высылается родителям в разные выговоренные сроки. Дорога в оба конца обыкновенно на счёт хозяина. У некоторых ремесленников, например маляров, зимой очень мало работы, так что мелкие хозяева совершенно закрывают свои мастерские и уезжают домой, крупные сокращают число рабочих до возможного минимума. Чтобы не тратиться напрасно на содержание учеников во время зимней безработицы, многие хозяева отдают своих мальчиков за одно прокормление или даже и известную ещё плату торговцам и другим ремесленникам, функционирующим и зимой, в лавки, булочные, портьерные, к столярам, переплётчикам. По окончании ученья подмастерье 17–19 лет является на зиму к родителям уже настоящим питерщиком, часто вкусившим все прелести столичной жизни. Весной он снова отправляется в Питер и через 2–3 года

самостоятельной работы становится настоящим мастером, а вместе с тем и женихом. И продолжается это хождение до глубокой старости или до смерти...

Осенью с октября наши деревни, покончившие с земледельческими работами, начинают оживать: пары и тройки с колокольчиками и бубенцами разносят возвращающихся питерщиков, а с ними и радость или горе по всем углам края. Приехать на паре или тройке считается почти обязательным, особенно для молодого холостого парня; пришедший пешком подвергается насмешкам и рискует не найти себе невесты.

Женщина отхожих местностей сильно отличается от других сельских обитательниц, что резко бросается в глаза всякому приезжающему сюда. Это — не загнанная и забитая пария чернозёмной полосы, не смеющая слова сказать при своём повелителе. Во всех сельских работах и заботах муж часто слушается жены: не молчаливая она раба и при муже, а полноправная сторона, голос и советы которой раздаются гораздо громче ничего не знающего по деревне повелителя. Самостоятельность, независимость и уверенность в своих поступках — отличительные черты солигаличских гражданок...

Крестьяне отхожих волостей Чухломского, Солигаличского и Галичского уездов в общем живут гораздо зажиточнее и чище оседлых крестьян. Самовары составляют принадлежность всякой бедной избышки даже бобылки, а в средних домах по 2 и 3 самовара. Чаепитие в очень бедных домах производится по большим праздникам, в средних по всем праздникам, а в остальных каждый день 1 или 2 раза. Большинство работников даже у крестьян рядятся с условием пить чай ежедневно или по праздникам.

Среди подарков, привозимых из Питера, чай занимает видное место. Соответственно такому чаепитию здесь в каждом доме есть порядочная чайная посуда, мельхиоровые и даже серебряные чайные ложки; о тарелках, столовых ножах и вилках нечего и говорить — они имеются везде, поэтому даже крайне щепетильный человек относительно посуды останется доволен. К чаю, особенно в праздники и для гостей, подаётся белый хлеб и баранки, нередко коньяк и ром, в домах побогаче лимон, варенье и деревенские конфеты и пряники, а у настоящих богачей всегда подают прекрасную закуску и крайне разнообразные вина. Один богач, приехавший в деревню только на месяц, привёз с собой всяких вин на 150 рублей. Куренье табаку очень распространено; редкие курят трубку, чаще «цигарки», а нередко и папиросы. Для одежды редко употребляются ткани домашнего производства; преимущественно и мужчины, и женщины носят рубашки и платья кумачные, ситцевые. На мужчинах — жилетки, пиджаки, пальто, манжеты, на женщинах (у многих зимой есть панталоны) — шёлковые платки, кофты, шали, хорошие шубы; обувь на тех и других преимущественно кожаная, часто носят галоши, лапти носят редко во время работ. Летом постоянно встречаются привезённые из Питера дождевые зонтики. Во многих домах встречаются зеркала и лампы; керосин в большом употреблении. Бани имеются у всякого дома, вообще здешние обитатели моются часто и мыла употребляют достаточно. Наконец, в половине домов вы найдёте бумагу, чернила, карандаши и перья...

Д.Н. Жбанков. Бабья сторона. Материалы для статистики Костромской губернии. — Кострома. Выпуск 8. 1891 г.

СВАТОВСТВО В СЕЛЕ РОМАНЦЕВО

Самые сложные и затейливые обряды были свадебные. В каждой деревне существовали свои правила, которые нельзя было нарушать. Вот вариант свадебного обряда в Александровской волости Буйского уезда Костромской губернии — в селе Романцево, деревнях Малое-Федорково и Аргунка.

Если семьи были небогаты, то сватовство и сговор проходили в один день, т. е. в день сватовства. Сватовство обычно — дело родителей. В дом невесты иногда приезжали и без ведома самой невесты. Тогда она мог-

ла отказать или обождать с ответом и дать его позднее. Но за невесту могли дать ответ и родители её, т. к. у них могло быть «много ртов», т. е. много детей. А отдашь дочь замуж — семье будет легче, убавится один рот.

С Покрова начинались беседы, молодёжь гуляла, веселилась, девчат «разбирали» ребята, уходили с вечёрок-бесед парами. В ходе гулянки, т. е. дружеских встреч, парень узнавал про свою подругу как можно больше, сообщал о своём намерении родителям, получал согласие и уже только тогда сообщал девушке, что придёт к ней со сватами.

Но иногда перед сватовством родители жениха приходили на беседу, высматривали девицу, спрашивали о ней у других людей, если оставались довольны, то давали согласие сыну, если нет, то всячески отказывали ему, отговаривали.

Назначали день сватовства, родители жениха наряжались. Мать надевала на голову шаль с кистями впереклад, т. е. не узлом под подбородком, а закидывала на плечо, отец надевал новый или выходной тулуп, выходную шапку, запасал в карман махорки на случай покурить со сватом. Жених надевал новую рубаху, штаны, выходной тулуп, так, чтобы создавалось впечатление, что семья не бедная. Также с собой брали сумку с бутылью самогона, караваем хлеба.

Родители невесты-девушки, узнав о том, что придут сваты, готовили угощение, ставили самовар, накрывали стол красивой вышитой скатёркой. Пока сваты не придут в дом и не скажут, зачем пришли, на стол ничего не ставили. А пока их нет, семья в ожидании, в тревоге. И каждый вроде занимается своим делом. Мать и дочь брались за рукоделие, отец «окуривал» дом, т. е. курил, если были дети помладше, их загоняли на печь за занавеску, а если были старики — сажали у печи на лавку, напротив лавки, куда должны сесть сваты. Умудрённые жизнью старики должны увидеть, понять, что это за люди и какие у них намерения, так что старики играли немаловажную роль в сватовстве.

Сваты в дом. А подружки уже в кучке за домом судачили: «К Маньке сваты приехали». Родители девушки сватов принимали с почётом, били челом, на лавку сажали, а затем усаживались сами напротив и смолкали, как требовало правило. Помолчав немного, отец жениха заводил речь о погоде, о том, что у него в хозяйстве нет овечки, о чём он и его семья сожалеют. И тут в разговор вступает отец девушки.

Отец жениха: У вас нет ли овечки?

Отец девушки: Да, у нас есть овечка.

Отец жениха: Мы овечку покупаем, продадите?

Отец девушки: А купите?

Отец жениха: Купим, вот и пришли покупать. Приехали мы для доброго дела.

Отец девушки: Мы рады такому приезду.

Мать девицы усаживает всех к столу и, ставя самовар, говорит: «Давайте чайком закрепим эту радость».

Женихова мать выставляет самогон и каравай, а мать девушки ставит приготовленное угощение. Студень, картошку, огурцы, квашеную капусту, пироги, ягоды мочёные.

За столом командует отец-старик. После первой рюмки сваха или мать жениха начинали расхваливать сына: «Работящий, не гулящий, хочется нам, — говорила она, — чтобы ваша дочь парой была, а уж мы не обидим. Будем любить, как свою дочь».

Мать девушки забывала дочь за переборку, т. е. в кухню, там спрашивала её: «Согласна ли, доченька,

на чужую сторонку пойти. Люб ли молодец тебе?» Невеста отвечала: «Да».

Мать выходила из-за переборки с дочерью и, не говоря ни слова, кивком головы мужу показывала дочкино согласие. Поднимался отец из-за стола и говорил: «Очень рад, что моей семье оказали внимание, и даём на ваш вопрос ответ: «Согласны». Тогда мать парня брала руки молодых, скрепляла их, целовала, говорила, что рада за такой выбор сына. Все садились за стол, угощались и назначали богомолье, т. е. стовор.

Во время богомолья родители со стороны жениха обговаривали, где и когда будет свадьба, где молодые будут жить и что они хотят в приданое. Но не всегда молодые жили с родителями жениха, бывало, оставались в доме у невесты.

В качестве приданого просили хлеб — примерно пудов 10. Если молодуха была получше, то не требовали много приданого. А если с молодухой в дом свекрови отводили корову, знай — ведай: не по душе сноха. В приданое невеста должна приготовить вещи своими руками — вышить, вывязать, соткать. Это — полотенца, постельное бельё, столешник, т. е. скатерти на стол, рубахи, платья. Если была возможность, покупали и отдавали в приданое посуду, мебель. И обязательно обговаривали, что половину приданого привезут в дом жениха до венца.

Со стороны невесты отец обговаривал с женихом и его родителями следующие вопросы: «Чтоб жену не бил», «Чтобы чужая-то сторона не была горькая, да слезами не полита, да печалью не загорожена». Жених давал обещание отцу невесты, кланялись друг другу, и тесть его благодарил за это. Заканчивалось богомолье назначением бракосочетания-венца.

Свадебные приметы

На время венчания покупали восковые свечи; были они очень дорогие, свеча продавалась с букетиком цветов. И после венчания замечали: чья свеча короче, тот раньше помрёт.

Нельзя объезжать молодым вокруг дома жениха (на лошади могли невесту обвести вокруг дома, иногда делали это действие нарочно). Если вдруг не поживётся с мужем, то как бы ни хотела молодуха, от мужа не уйдёшь.

В приданое невесте не клали носовых платков, а то всю жизнь замужнюю выплачет.

Если молодым перегораживали дорогу, то обязательно откупались самогоном, а то вдогонку молодым могли послать проклятие.

Когда сваты приходили в дом к невесте, старались сесть на лавку так, чтоб она стояла не поперёк половиц пола. Чтоб удача в сватовстве была.

В русских избах печь была как мать, она грела семью, варила еду, лечила больных, парила, мыла

всех. Так во время сватовства сваха должна обязательно дотронуться до печи, чтобы все горести и печали остались у молодухи дома, не ходили в дом жениха.

Браки не совершались: с 7 по 19 января (в Святки); по вторникам и четвергам, во все посты; накануне

не родительских суббот; в воскресные, праздничные дни; в мясопустную и сыропустную, в Светлую Пасхальную седмицу; в праздники Усекновения главы Иоанна Предтечи и Воздвижения Честного Креста Господня.

Буйская земля. Серия «Родиноведение». Журнал «Губернский дом». — Кострома, 2003.

КАК В СТАРИНУ НА СОВЕГЕ СВАДЬБУ ИГРАЛИ

Совета — край самобытный. Местность эта расположена на севере Солигаличского района, на водоразделе Северной Двины и Волги, до 1904 г. она относилась к Тотемскому уезду Вологодской губернии. Мужчины Великовской волости не ходили на заработки в города. «Не на стороне хлеб наживается, а дома», — считали они и, кропотливо возделывая, из года в год лелея небогатую и каменистую здешнюю землю, получали такие урожаи, что слава о великовской пшенице шла по всей губернии. Благодаря своей привязанности к земле, своей оседлости совежане дольше, чем в других местах, хранили и свои старинные ремесла, и обычаи и обряды.

Накануне свадьбы устраивали девичник. Утром часов в семь-восемь собирались девушки-подружки, самые близкие, по приглашению невесты. Ещё не наряженная невеста и её подруги устраивали причёты. Невесту и её подругу сажали в куть (прихожую в избе, говоря современным языком) и начинали причитать:

*— Благослови, истинный Христос.
Как мне сести молодёшеньке.
Мне на кутнюю лавочку,
Мне ко кутнему окошечку.
Мне повить да поплакати,
Жалобно попричитати.
Тоски-горя поубавити
Со моего со бела лица,
Со моего со ретива сердца.
На моём белом лице
Много горя и кручины,
И печали великие.
Как вчера в эту пору,
Поране малёшенько,
Прилетела лебёдушка
На красное крылечушко.
Говорила лебёдушка:
«Ты поплачь, поплачь, девушка».*

*Поплачь, дочи отеческая,
Тебе есть об чём плакати,
Тебе есть об чём тужити.
На чужой дальней сторонушке,
У чужого чужанина
Три поля горя насеяно,
Печалью огорожено,
Всё слезами поливано».
А как вчера в эту пору
Прилетал ясен сокол
На окошко косячное.
Говорил млад ясен сокол:
«Ты не плачь, не плачь, девица,
Не плачь, дочи отеческая,
Тебе не об чём плакаты,
Тебе не об ком тужити.
На чужой дальней стороне,
У чужого чужанина
Три поля пше́на насеяно,
Рыбной костью огорожено,
Патокой поливано».*

(Невеста пела на тоненький голосок, а девушки — вместе с нею.)

После этого наряжали невесту, завивали кудри щипцами, нагретыми на лампе, надевали платье венчалное, на голову цветы и вуаль (фату). За невестой приезжали со стороны жениха дружка и полудружке на разнаряженной лошади с выездной дугой, на ней колокольчик и ленты, сбруя хорошо начищена. На хвосте у лошади — красивый бант.

Как только дружка открывал двери, девушки начинали петь ему:

*Ты не вдруг ступай, друженька,
Не пугай, друженька вежливей,
Нашу милую подруженьку,
Милую, задумчивую,
Любую, возлюбленную,
Сыздараннее напуганную.
Напугали молодёшеньку
Её сваты резвивые,
Свахоньки говорливые».*

Затем обращались к родителям невесты:

*Не пускайте вы, жалостливые,
Этих-то дорогих гостей,
Их во светлую горницу.
Не давайте вы, жалостливые,
Этим-то дорогим гостям
Им и хлеба-то белого,
Им вина-то зелёного,
Не давайте вы, жалостливые,
Их-то добрым коням
Вы и сена зелёного
И овса-то ядрёного.
Надавайте вы, жалостливые,
Их-то вы добрым коням
Вы крапивы-то жгучие
И щипицы колючие.*

Затем — снова к дружке:

*Не отдадим тебе, друженька,
Нашу милую подруженьку
Мы без хлеба без белого,
Мы без злата, без серебра,
Без бутылки зелена вина,
Мы без пива без пьяного.*

Дружка угощал девушек вином и пирогами, что привёз с собой. Девушки благодарили дружку. После этого выводили невесту на родительское благословение.

После венчания все гости от жениха вместе с молодыми ехали к невесте. Молодых встречали девушки и пели им «Сокола»:

*Ты, Сокол ли Соколович!
Удалой добрый молодец
Николай Александрович,
Поймал себе соколинку,
Душу красную девицу
Татьяну Николаевну.
Поймавши, стали спрашивать,
Из ума её выведывати:
— Это не ты ль во саду росла?
— Я росла, росла у тятеньки,
У родимой мамоньки.*

Молодые входили в дом. Навстречу им бросали овёс, били посуду. Родители и крёстные обоих молодых благословляли иконой и хлебом-солью.

Поздравляли молодых, выпивали, закусывали. Когда кричали «Горько», на улице под окном, где сидели молодые, стреляли из ружей («отбивая сердце невесты»). Угощали вином второй раз. Со «второй рядовой» одна из девушек выносили разряженную ёлочку с куклой на верхушке:

— Тише, народ, дивья красота идёт. Не сама она идёт, красна девица несёт. От печи от кирпичной, от столба горемычного на своих резвых ножках, на сафьяновых сапожках, на булатных гвоздочках, на медных гвоздочках, на медных скобоч-

ках. Чтобы скобочки не сломать, красной девице не упасть, дивью красоту не уронить, Татьяну Николаевну не расквилить. По полу по тесовому ко столу ко дубовому, к скатертям бранным, ко сетям сахарным, к посуде хрустальной, к вилкам злачёным, к ложкам точёным, к ножикам булатным, к вам, гостям приятным. Здравствуйте, князь молодой со своей со княгиней молодой, тысяцкой, честной человек, большой барин, меньшей барин, друженька вежливый, полудружье хорошее, не всех поимённо, а всем низко кланяюсь. Здравствуйте, сватовья и свахоньки.

Девушки уносили ёлочку со словами:

— И пошла дивья красота не с веселья, а с горюшка, через чистое полюшко, через реки глубокие, озёра широкие, через горюшки крутые, через болота вязучие. Не могла дивья красота в круту гору подняться. Привилась дивья красота она к сухому-то деревцу: что сухое-то деревце не бывает два раза зелено, и тебе, Татьяна Николаевна, не бывать два раз в девицах.

Дальше девушки обращались к дружке:

*Друженька недогадлив,
Молодой князь неохватлив,
Мы князево пиво не пивали,
Мы князевых пирогов не едали,
Денежек не видали,
Только песенки распевали.
У нас в горлышке пересохло.
Пойдемте мы, девушки, на речку
И вытьемте, девицы, водичку.*

Дружка приносил пирог и пиво и угощал девушек. А те снова пели и благодарили дружку:

*Друженька догадлив,
Друженька охватлив.
Мы князево пиво пивали,
Мы князевых пирогов едали,
Только денежек не видали.
Друженька, не скупися,
По ремешку в карман спустился.*

Дружка брал поднос и обходил весь свадебный стол. Гости клали, кто сколько сможет, и собранные деньги дружка отдавал девушкам.

В первый день свадьбы перед чаем невеста дарила подарки, которые заранее готовила: повязки, вышитые полотенца, платки. Их она дарила родителям жениха и жениховой родне.

С.И. Морозова

Записано у А.В. Завьяловой, 1903 г. р., д. Малое Токарево, М.С. Зявьяловой, 1908 г. р., д. Букино и у М.Д. Морозовой, 1911 г. р., д. Букино (Солигалечский район).

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД УХТУБУЖЬЯ

Ухтубужский свадебный обряд — уникальное зрелище, отражающее культуру и быт людей данной местности конца 19 — начала 20 вв.

Подружки укладывали приданое с жалостливым плачем, предупреждающим о начале новой, сложной жизни, наряжали ёлочку — олицетворение девичьей красоты и свободы. И, наконец, сам день свадьбы — шумный, весёлый, озорной. Молодых поздравляли, прославляли, давали наказы и советы на предстоящую семейную жизнь. Разряженную ель выносили к гостям и предлагали покупать украшения.

Подружки исполняли песню «Ты не стой, липа, над водою», в которой отразилось противопоставление жизни в родительском доме жизни семейной, нередко тяжёлой и безрадостной. Истинная народная мудрость была выражена в величальных песнях, обращённых к свахе молодой, свахе пожилой, свату, дружке, приезжему гостю. Они дают понять, что каждый на этом пиру по-своему дорог и желанен, и тем самым раскрывают характер русского человека, богатство его души.

Т.И. Калистова, В. Кешокова

По воспоминаниям старожилов, участников театра фольклора «Ухтубужье», Мантуровский район.

ОТ РОЖДЕНИЯ ДО КРЕСТИН

После свадьбы за молодыми наблюдали. Уже после 3–4-х месяцев совместной жизни родственники хотели знать, будет ли в семье пополнение или нет. Молодая жена и молодой муж тоже ждали хорошей «весточки». Если жена понесла под сердцем дитя, то об этом могли узнать сначала только родители; некоторые скрывали это как можно дольше, а другие, наоборот, старались поделиться хорошей новостью. Скрывали, потому что боялись злых языков, взгляду или даже проклятия, опасаясь за здоровье ребёнка и матери.

Родители всячески старались оберегать беременную молодуху. Беременная женщина могла носить какие-то определённые вещи, которые ограждали её от глаза и порчи.

Фартук-оберег

Одним таким предметом одежды служил фартук (фартуки имели свои разновидности: рабочий, фартук незамужней девушки, у женщин рожавших и беременных).

Фартук служил оберегом как самой матери, так и малыша, он прикрывал живот, защищая от «дурных глаз». Сам фартук был многофункциональным, мог стать пелёнкой, если вдруг у женщины начинались роды на поле. Когда ребёнок рождался, подрастал, то фартук мамы служил носовым платком. А во время уборки дома весь мусор, собираемый руками, оседал в карманах фартука.

Если роды начинались с утра, женщина оставалась дома, то рожать водили в баню, в доме могли находиться старики или старшие дети. Роды принимали старухи-повитухи, и очень редко привозили фельдшера.

Приданое малышу

Перед рождением ребёнка готовили приданое малышу. Ткали полотно, заранее подготавливали летнюю самую мягкую шерсть, мужчины заготавливали части для качки или люльки, которые заранее не собирались, да и вслух старались не говорить, что это всё для малыша, боялись его испугать, глазить.

До крестин ребёнка показывать боялись. И если ребёнок заливался плачем, то считалось, что малыша глазили. Тогда его покрывали столешником, читали молитву и сбрызгивали святой водой, после чего ребёнок затихал.

С рождения до первого месяца родители старались окрестить малыша. Крёстных мать и отца выбирали как из родных, так звали и чужих.

Крестины

Имя ребёнку выбирали некоторые семьи до крещения, а в основном имя ребёнку давалось на основе святцев, во время крещения священник говорил, кто из святых именинники, и родители

выбирали среди нескольких имён более понравившееся.

Каждый год ребёнку отмечали день ангела. Во время поздравления говорили: «Ангелу злат венц, а тебе доброго здоровья». После крестин все возвращались домой, собирали праздничный стол. Крёстные дарили своему крестнику подарки и бра-

ли на себя ответственность за малыша (помогали с одеждой, с едой, те, что побогаче, могли взять на некоторое время к себе домой). Во время венчания в церковь ехали вместо родителей крёстные. Они были вторыми отцом и матерью.

Буйская земля. Серия «Родинаведение». Журнал «Губернский дом». — Кострома, 2003.

БАННЫЕ НАГОВОРЫ

Роженицу, когда начинаются схватки, уводили в баню с бабкой-повитухой. Бабка повитуха открывала все замки, зажигала свечу и при этом говорила: «Пока свеча горит, тут она и родит. Аминь!»

На рождение ребёнка роженица говорила наговоры: «Встану я, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота. Выйду в чистое поле, пойду далёким-далеко в окиян-море. В окиян-море бел Алтарь-камень. На этом камне нет ни крови, ни ольхи, ни опухоли. Так бы и моего

младенца, не болело, не тоснуло ни в жильё, ни в суставах, ни в костях, ни в ногах, ни в буйной голове, ни в горячей крови. Аминь!»

НАГОВОР НАД ВОДОЙ

После родов сначала повитуха парит родильницу в бане, затем парит новорождённого, при этом приговаривая: «Бабушка Соломоньюшка Христа парила, да и нам парку оставила. Господи, благовости. Ручки растите, толстейте, ядренейте, ножки ходите, своё тело носите, язык говори, свою голову

Въезд в с. Завражье. Кадыйский район. 2007 г.

корми. Бабушка Соломоньюшка парила и правила, у Бога милости просила. Не будь седун, будь ходун, банюшки-паруши слушай, пар да баня, да вольное дело банюшки да воды слушай. Не слушай ни уроков, ни причишев, ни урочишев, ни от худых, ни от добрых, ни от девок пустоволосок. Живи да толстей, ядреней».

А родственники (женщины), присутствующие при парке новорождённого, наговаривали так: «Спи по дням, расти по часам. То твоё дело, то твоя работа, кручина и забота. Давай матери спать, давай работать. Не слушай, где курицы кудахчут, слушай пения церковного да звону колокольного».

Младенца три дня носили в баню, там три раза читали наговор над водой, а затем этой водой его окачивали: «Во имя, Отца и Сына, и Святого Духа. Господи Иисусе Христе, помилуй нас. Скорбящая Богородица избавляет всех от мук и скорбей, избавь и младенца от людских уроков и сетей».

После этого младенца можно было показывать соседям, знакомым.

М.А. Копасова, 1928 г. р., д. Марьино

Если мальчик родится, то в семье петуха запекали, ну а ежели девка — то курицу. Бабку-повитуху всегда благодарил отец семейства, старались денег дать или драгоценностей каких.

Л.И. Шаронова, 1923 г. р., д. Селище

С ИИСУСОВОЙ МОЛИТВОЙ

Крестила новорождённых самая богомольная бабка, она оплеснёт рукой ребёнка с водой с Иисусовой молитвой. Через неделю после родов ребёнка крестили — чем раньше, тем лучше. Крестили дома, детей при этом опускали в большое блюдо.

А.А. Ремезова, 1922 г. р., д. Истопки

СЕКРЕТ ПЕЛЁНКИ

С этого момента ребёнок носил всегда крестик. Крещение отмечали только дома, пили все вместе чай. Ребёнка пеленали как был — мокрого. За крестины брали в церкви деньги и давали новое полотенце — покромку, оно оставалось в церкви. На праздники детишек пеленали покромкой, из остатков ситца делали небольшое одеяльце. Сначала заворачивали только в пелёнки, а потом, после крещения, нужно опять идти в церковь — брать молитву (6 недель ребёнку), молитву матери давали раньше.

Л.А. Добронравова, 1922 г. р., д. Екатеринкино

НА ЗУБОК

На деревне каждой родихе приносили «зубок» (подарок), кто что мог (масло, блины, материал). Это был обычай.

П.А. Охотникова, 1933 г. р., д. Екатеринкино

«Зубок» приносили близкие родственники, так было положено, — конфеты, печенье. Если есть — пелёнки, распашонки, шили шапочки. Вышивали ленточки, когда пеленали детей (вышивали только крестом). Одеёла ребёнку стегали сами. До года дети спали в люльках (подвешены к потолку), люльки переходили по родовой — от одной родихи к другой. Люльки эти берегли.

М.Г. Белова, 1938 г. р., д. Екатеринкино

КОГДА САЖАТЬ

Ходить учили ребёнка, когда он уже крепко стоял на ножках. От груди не отымали долго, бывало, до трёх лет кормили грудью. Детей кормили молоком, жевали хлеб, крахмальную кашу давали (из картофеля). Месяцев с 8–9 ребёнка сажали на колени, играли ладушки. Мальчиков сажали раньше, чем девочек.

А.А. Ремезова, 1922 г. р., д. Истопки

НА ТРИ ЗАРИ

До года у ребёнка не разрешалось постригать волосы и показывать его в зеркале. Когда у ребёнка начинали прорезаться зубки, ему на шею надевали нитку янтаря, чтобы лучше прорезались зубки. Если у ребёнка болели десны при прорезании зубов, его носили заговаривать под дуб на утреннюю или вечернюю зори. На три зари говорить нужно трижды на каждую, потом дунуть и плаунуть. «Господу помолимся, Пречистой Марии поклонимся, всем святым апостолам, всем святым годовым праздникам — все встаньте на помощь. Зубица, зубица, идите на дубица, боковые, роковые, горловые, темянные, именные, нутряные, ветряные и приговорные. А если не пойдёте, я к вам приду с косами, с топорами, с добрыми молодцами, и я вас покошу, порублю, и в грудку складу, и спалю, и пепел раздую».

М.А. Копасова, 1928 г. р., д. Марьино

ЗАГОВОР ОТ ГРЫЖИ

Заговор от грыжи помню. Ездили к бабке-целительнице, заговаривали яйца свойские (если парень — 2 штуки, девка — 1 штука). Этими яйцами окатывали больного ребёнка и с молитвой закапывали яйца в иконный (красный) угол в подвале. Считалось, как они стухнут — так и хворь уйдёт от дитя.

Кормили детей грудью, а потом к соске приучали, соска была сделана из материи очень редкой, а в материи клали мякиш хлеба, если был сахар — то сластели, а нет — и так хорошо, это и сосал ребёнок. Потом кашу с молоком давали.

Л.И. Шаронова, 1923 г. р., д. Селище

ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ

Древнерусское слово баять, убаюкивать означает не только говорить, уговаривать, но и заговаривать. Колыбельные песни — это заговоры-обереги, основанные на магической силе воздействия слова и музыки, на их способности успокоить, оберечь, охранить.

*«Милый Сашенька,
Спи, пости, просытай все деньки,
Боле вырастешь,
На работку поспей.
Будешь жать, будешь косить,
Будешь носилочки носить,
Тяте, маме пить подносить» [1].*

*«Баю, баю, зыбаю.
Отец ушёл за рыбою,
Мать ушла пелёнки мить,
Бабушка — коров доить,
Дедушка — дрова рубить» [2].*

Когда поливали ребёнка водой в бане, приговаривали:

*«С гуся вода, с Мишеньки — худоба.
Уроки, пороки, идите на потолоки».*

Когда уговаривали ребёнка во время плача, говорили:

*«Саша, не плачь,
Куплю калач.
Не вой, куплю другой,
Не фыркай — куплю
с дыркой» [3].*

*«Не плачь, не плачь, куплю калач,
Не вой, не вой, куплю другой.
Не реви, не реви, дам и три» [4].*

Пестушки-песенки и приговорки, связанные с физическими упражнениями, — это наилучший способ координации движения, гимнастики.

*«Сорока-белобока по лесу ходила,
Гостей дожидала.
Не едут ли гости, не везут ли кашки.
Едут гости, везут кашки на ложке.
Этому тёпленько, этому горяченько.
Тут белая берёза,
Под белую берёзю ключики,
ключики, ключики» [5].*

(На слова «сорока-белобока» — круговые движения по ладошке ребёнка.)

А вот пример потешки-приговорки, которая использовалась для забавы взрослых с детьми с различными частями тела.

«Лес» — показать волосы, «поляна» — на лоб, «горбик» — на нос, «яма» — под носом, «жевало» — рот и зубы, «глотало» — горло, шея, «грудь» — область сердца, «живот» — живот, «а там Макариха живет» [6] — низ живота.

Следующая ступень народного художественного воспитания — песенки-прибаутки, которые являются своеобразными уроками детского игрового театра:

*«Буки-козары
Идут по базару,
Кто титьку сосёт,
Молоко хлебает,
Того бу — забоду,
На рога посажу» [7].*

(На эти слова взрослый приставляет пальцы к голове, изображая «козу», и наступает на малыша, потом его щекочет.)

В докучных сказках использовался прием повтора, наращивания цепочки повторяющихся слов, сцен, диалогов. Роль докучных сказок — отбить у детей чрезмерный к ним интерес.

ДЕЛО БЫЛО ВЕЧЕРОМ...

*«Дело было вечером,
Делать было нечего,
Мы сидели на окошке,
Ели жарену картошку,
Подошёл ко мне татарин,
Меня по уху ударил,
Я татарина за грудь,
Пойдём к старосте на суд,
Староста-судья,
Разбери наши дела.
А каковы у вас дела?
Дело было вечером,
Делать было нечего...»
и так далее... [8].*

НА БОЛОТЕ

*«На болоте две гагары да кулик,
На покосе две старухи да старик,
Накосили стог сеница, стог сеница,
Эта песенка опять с конца» [9].*

В музыкальном речевом фольклоре присутствуют заклички, обращённые к силам природы.

*«Дождь, дождь, перестань,
Я поеду на ростань
Богу молиться,*

*Христу поклониться.
Есть у Бога сирота,
Отворяйте ворота
Ключиком, замочиком,
Шёлковым платочиком» [10].*

*«Радуга-дуга, не давай дождя,
Давай солнышка из-под брёвнышка».*

*«Ваши-то дети на море купаются,
Руки-ноги околели, глаза выпучили»
[11].*

В нашем районе бытовала традиция ломать говинье на четвертой неделе Великого поста. «Собирались с середины говинья с котомками. Идём по домам и поём:

*«Говинье переломися,
Коровушка отелися,
Курочка яичко снеси».*

Если в каком-либо доме не дадут ничего, то пели:

«Скупая дыра, ничего не дала».

Потом с какого дома начинали собирать, то в этом доме и ели угощения» [12]. Выбирали повара, собирали на стол, а остатки угощения подавали бедным. В качестве угощения давали постную пищу: пареная галанка, грибы, капуста. Кто побогаче — давали пирожков, пряничков, шанежек.

Вот песенка, когда ломали говинье:

*«Говиньече переломися,
Где у шестка стряпуха —
перевернись,
Где коровушка — отелись,
Где девушка — ребёнка принеси» [13]*

Среди детей существовали клички, дразнилки, прозвища, которые иногда передавались из поколения в поколение или одно прозвище носили дети целой семьи. Прозвища давали в зависимости от поведения, внешнего вида, характера: «пискарь», парень — «комольй», девка — «старуха», Ванька Воробейко и т. д. Взрослые и дети загадывали друг другу загадки, которые были сочинены на основе жизненных наблюдений.

Вот несколько загадок:

«Пять Петрованов,
Пять Пятианов,
Две Пелагии,
Обе косые» [14].
(Сани.)

«Чего в сундук не закрыть?»
(Солнышко.)

«С лесом ровно, а не
видно его» [15].
(Сердцевина дерева.)

Подготовлено Е.Д. Плюсниной
Рисунки из серии «Родная земля» учащихся
художественной школы, Павинский район.

1. Ивкова А.В. С. Павино, записано в ноябре 1994 г.
2. Свешникова Е.П. С. Медведица, записано в апреле 1994 г.
3. Плюснина Е.Д. С. Павино, записано в ноябре 1994 г.
4. Ивкова А.В. С. Павино, записано в ноябре 1994 г.
5. Там же.
6. Там же.
7. Чigareва Н.П. С. Павино, записано в ноябре 1994 г.
8. Лужинский И.А. С. Павино, записано в декабре 1994 г.
9. Там же.
10. Чigareва Н.П. С. Павино, записано в ноябре 1994 г.
11. Там же.
12. Там же.
13. Арбузова А.В. Д. Высокая Лисья, записано в 1994 г.
14. Коркина Е.М. Д. Гришонки, записано в феврале 1993 г.
15. Свешникова Е.П. С. Медведица, записано в апреле 1994 г.

❦ ПРОВОДЫ В АРМИЮ ❦

Обряд проводов в армию был особенным. Суть его в следующем: парня-призывника вели по деревне, в то время как его отец нёс украшенную ёлочку.

После шествия будущий солдат приколочивал эту ёлочку к углу своего отчего дома, и, что замечательно, ёлочка эта не вяла и не осыпалась за всё время его отсутствия. Если что-либо с ней случалось — родные знали: «Что-то стряслось с нашим солдатиком». Может, тут и мистика была какая-то подмешана, но примета, как правило, не подводила.

Т.И. Калистова, В. Кешокова

По воспоминаниям старожиллов, участников театра фольклора «Ухтубужье», Мантуровский район.

Рекрутские причитания

Традиция причитаний — давняя, известны нам тексты и авторы этого народного творчества из северных областей нашей страны, знаем мы известных плакальщиц, сказительниц. Темы причитаний — назидательные. В годы войны нередко слышались такие печальные и пламенные слова из уст наших матерей, провожавших на фронт сыновей. Вера Николаевна Смирнова сохранила, запомнила от слова до слова рекрутские причитания своей матери Анастасии Леонтьевны Нужиной из деревни Береговая Мантуровского района.

Да дитя ты мое милое,
Сын родной да мой единственной!

Да куда ты собираёшься,
 Во какую путь-дороженьку?
 Ягода ты моя недоспелая,
 Безо времени с места сорвана!
 Да пришла к нам бумага казённая,
 Штё лететь тебе, голубю,
 Да на чужую сторонушку,
 Не по своей тебе волюшке
 Покидать дом родительской
 И нас, родителей.
 Да, видно, Богу так надобно.
 Не на тир ты идешь, не на гуляньице,
 А на войну да на сражениё
 С супостатом да со злым ворогом.
 Ненаглядноё ты моё дитяtko,
 Провожаем тебя и наказываем:
 Не посрами ты нас, отца с матерью,
 Послужи ты верой и правдою
 Свою службу казённую!
 Благословляю я тебя со иконою:
 Да спаси тебя, Господи,
 Да во всех путях и дороженьках.
 Буду дённо и ношно молиция я
 За тебя, моё дитяtko ненаглядноё,
 Моё рожёноё, благословённоё,
 Штёбы пуля тебя не поранила,
 Кровиноцька моя ненаглядная!
 Воротись во родительской дом
 не калекою
 К нам, родителям, и невесте своей
 возлюбленной.
 Не отпустила бы я тебя,
 Не оторвала бы

От своего сердечушка.
 Не наглядялась я на тебя да на соколика!
 Как пойдешь ты на гуляньё
 Да запоёшь песни весёлыя.
 Не услышу топерь твоего голоса,
 Не разбудишь ты меня да на зореньке.
 Как не плакать-то мне,
 не печалиция?
 На друзей-то твоих да сотоваришиизй
 Да пришли уже похоронныя.
 Не видали их бедныя матери,
 Не облили слезами горящими..
 Ой, гой еси, Господи,
 Навалилось на нас какоё горяшко,
 Да война кровопролитная,
 Безо времецька молодых хоронящая!..
 Как прогнать-то нам злова ворога,
 Подай, Господи, силы, мужества,
 Как перенести времё тяжёлоё,
 Как высушить слёзы горяция?
 Да не одна, видно, я такая горяшецька
 Обливаюсь слезами горящими.
 Сохрани тебя Цариця небесная,
 Сподоби тебя Господи!
 Воротись ты к нам, родителям,
 Радость ты моя ненаглядная!
 Вся надежда у нас на тебя —
 Да на помощника, да на кормильца нас
 На старости лет.

А.В. Громов

Записано в д. Усолье Мантуровского района Костромской области в 1997 г.

МАГИЯ ЖАТВЫ

На костромской земле довольно хорошо память народная сохранила жатвенный цикл обрядов, хотя сами обряды давно уже не производятся. А раньше они были необходимым (первейшим) условием успешной работы по уборке урожая.

По мифологическим представлениям (древним верованиям) наших восточнославянских предков жатвенный период считался опасным. В такие периоды календаря люди должны были соблюдать особые правила поведения. Весь срок уборки урожая злаковых и других культур был насыщен особыми рекомендациями, запретами и различными ритуальными действиями.

«К жатве готовились загодя — припасали новые лапти. Онучи, юбку, рубаху, всё белого цвета». Одевались обязательно чисто, накануне мы-

лись или перед одеванием совершали ритуальное омовение. Первой начинали жать озимую рожь. Считалось, что лучше всего для «зачина обжинок» подходит вторник и суббота, и не утром, а после полудня. Особое значение придавалось тому, кто первым должен был зажинать. По преданиям старины, раньше это была женщина «небрачного» возраста — молодая девушка или пожилая женщина (то есть она должна была быть ритуально чистой). Во времена единоличного хозяйства (перед коллективизацией) могли зажинать хозяйин или хозяйка.

В первый день не принято было убирать больше трёх снопов, а в некоторых местах ограничивались и одним, который потом освящали в церкви и оставляли его зёрна для будущего сева. Вот что рассказывают старожилы костромских деревень.

«На обжинках зажинали три снопа. Много нажнёшь — рожь уходит колдунам. Колдуны обстригали колосья и шли с ямы на яму — «заламывали рожь» (д. Попадейкино Нерехтского р-на).

«Уходили жать все вместе, первый жал тот, у кого лёгкая рука. Нажнут сноп и сожгут его. И как будто это не пойдёт уж колдуну. А если так не сделаешь, что в первый день пожнёшь — всё ему, колдуну идёт. Вот такой закон был». (Нерехтский р-н).

В Вохомском краю первый «зачин» делал сам хозяин дома. «Перед жатвой хозяин кланяется своей полоске и говорит: «Как добрый конь к овсу, так и полосочка к концу!» — потом крестится, говорит: «Благодарю, Господи!» — и начинает жать.

В Парфеньевском районе первые сжатые колоски складывали крестом. Они обладали особой магической силой и применялись для лечения людей и скота.

Первый сноп во всех районах жали молча, затем ставили под образ в «красный угол». На поле обязательно оставляли какую-либо еду («для полевых хозяев»): хлеб, воду, яйца, вино.

В последующие дни жали дружно всей семьёй, уже можно было шуметь, петь песни, частушки. Особенно много звучало песен, когда шли с поля домой и на вечерних молодёжных гуляниях «зарянках». Пели особые «долгие» (традиционные лирические) песни и припевки под проходку (типа страданий) очень зычно, ярко, украшая концы куплетов (строф) «выводом» или «спадом» голоса. Такая манера исполнения по языческим верованиям славян имела продуцирующую функцию, силу, то есть являлась магической и могла положительно воздействовать на будущий урожай. Кроме того, обрядовое зычное пение было своеобразным знаком живых людей, являлось оберегом от представителей «того света», охраняло их. Оно связывало также мир живых (просителей) с миром мёртвых (покровителей, подателей благ).

Если в поле заставала гроза, при раскатах грома жнеи кувыркались, «чтобы спина не болела», и приговаривали: «Гром греми, спина не боли!» (Нейский р-н).

«Когда жали, незаметно посматривали на соседа, кто быстрее полоску выжнет». Хорошая жнея могла выжать за день 10 соток, а плохая — 7–8 соток, о таких говорили «тихая жнея» и посмеивались.

Особенно много разнообразных магических действий совершалось в конце жатвы, на «дожинках». Последним всей семьёй, а часто с приглашением родственников и соседей, убирали овёс.

Лён любит поклон. Красносельский район. 1980-е гг.

Старались закончить работу до темноты. Когда оставался уже совсем небольшой несжатый участок, вели себя следующим образом: дожинали его молча, по кругу (спирали) от краев к середине, оставив в центре небольшой пучок несжатых колосьев — «бороду». Ей придавали разнообразную форму (в разных районах по-разному): жгута, косы, узла или просто связывали кустиком. Вокруг чисто выпалывали, в серединку клали хлеб, соль, поливали водой, приговаривая: «Колосок завяжу, Бога попрошу». И молились о будущем урожае (Нейский р-н). В Павинском районе «бородку» делали на последнем снопике. Часто колосья «бороды» нагибали, прикапывали землёй или притаптывали их. Последние колосья, в отличие от первых, обладающих живительной силой, могли быть опасны для человека, до них нельзя было дотрагиваться голыми руками, поэтому их захватывали через фартук или юбку. Часто последнему снопу придавали похожий на человека вид. В Антроповском районе делали куклу из соломы и оставляли в конце полосы. В Вохомском районе «бородой» на дожинках назывался пучок соломы, который клали крестом и перевязывали пучком овса (его также оставляли на сжатой полоске). В Шарьинском районе последний сноп собирали все вместе, по горсти, и в дом его несла самая старшая из женщин.

Последний сноп жали молча («...если заговорят, жених будет слепой», «если кто зашумит, скотина всю зиму будет реветь в хлеве»), втыкали в него осотину и отдавали хозяйке. Он назывался «хозяин», «борода», «пожинальщица», «молчальный сноп» или «молчанушка». Когда несли последний сноп домой, тоже принято было молчать. Хозяйка, принеся его домой, говорила: «Шиш мухи вон, и старухи вон!», «Кшите мухи вон! Хозяин пришёл в дом!» (Солигалич), или «Кшните мухи вон — борода пришла в дом!», «Кширо мухи, вон! Я иду в дом. Вы лето летовали, я буду зимовать!» После этого сноп ставили под иконы, приговари-

вая: «Стой, снопик, чтобы у нас урожай был хороший!» В Покров последний сноп до солнышка делили и скармливали скотине, «чтобы скотина молчала и всегда была сытой и спокойной» (Нейский р-н). Гораздо реже его сжигали или обмолачивали. В Покров хозяева обязательно собирали стол и угощали «помогающих». После того, как домой приносили последний сноп («бороду»), заваривали овсяную крупу в русской печи («саломат») и подавали с маслом и лепёшками (Солигалич). В некоторых местах последний сноп мог стоять долго, до следующего сева овса. Зёрна из него могли смешивать с посевными (Вожеговский с/с), а в Фуфаевском с/с Нейского района весной первую горсть этого зерна засеивали дети. В Пыщугском районе «последний сноп оставляли в поле, потом на масленицу делали из него чучело».

На дожинках гадали также о будущем (здоровье, урожай): «Была такая примета: если на дожинках дождут, пока ещё солнце не село, то зимой хозяйке будет тепло на речке бельё полоскать». «Гадали на полях — ставили снопики по кругу. Девушка ходила под приговор. Если к концу его она в кругу — выйдет в этом году замуж, если нет — нет» (Солигаличский р-н).

Но «борода» обладала ещё и большой продуцирующей силой. Считалось, что если домашнее животное съест его, случайно попав на поле, то обязательно принесёт приплод. Беременные женщины

старались специально переступить через «бороду», чтобы родить мальчика... и если эту «бороду» съест корова или овца, то она обязательно уходится (отелится), овца объягнется, а кобыла ожеребится (Ветлужский уезд), «...если девица переступит через бороду, паренька принесёт» (Кологривский уезд). В Макарьевском уезде «бороду Илье и Николе завивали в Ильин день».

По окончании жатвы устраивали праздник, на котором гуляла вся деревня, — «пожинальщица» или «дожинки». Пекли хлеб из муки нового урожая, все им угощались. Обязательно делали яичницу. Молодёжь веселилась, ходила с гармошкой, балалайкой, пели частушки, плясали «Барыню», «Семизрядную» (кадриль). Зажиточные крестьяне пекли к Покрову большой каравай белого хлеба нового урожая, несли к дому бедняка и вешали на «подцепку» (Нейский р-н).

После «дожинок» начиналась молотьба. Молотили на риге по 3–4 человека. «Вот первый ворох намолотили и говорят: «Хозяину ворошок, а с хозяйки каши горшок!» Она прямо на гумне угощала. А самый дорогой праздник у мужика был домолот — когда последний овин домолотят, уже и делают праздник. Ой, по всей деревне говорят: «Вот сегодня у этих-то домолот!» Питья, пляски!»

Т.В. Кирюшина

МИКОЛЬЩИНА

По всем местам Никольского уезда, куда входила раньше территория нынешнего Октябрьского района, справлялся праздник Микольщины.

Вот этот обряд, записанный со слов крестьян, устраивавших у себя Микольщину.

«Когда скотине рогатой поводу нет, когда скотина не стоит, когда скотина чезнет, колеет, тогда крестьяне делают обещание «повеличать Великому Миколу». Почин в таких случаях исходит обыкновенно от женщины, от хозяйки того дома, где скотина не ведётся. Видя гибель своей скотины, хозяйка в разговоре с своим мужем обыкновенно выражается так: «Только бы Господь спас эту телушку, Великому Миколу сделаем Микольщину. Давай, батько, Великому Миколу пообещаем этого бычка, надо Великому Миколу повеличать!» Чаше обещание делают на новорождённого бычка, реже на телку. Такого бычка (или телку) обещают изростить до трёх лет и заколоть для Микольщины. Бывают, впрочем,

случаи, когда по некоторым обстоятельствам делают впоследствии замену уже обещанного животного другим подходящим; так, например, если случается, что обещанная телка отгуляет с быком, то вместо неё колют потом бычка или даже корову. Вот поэтому-то и обещают для Микольщины главным образом бычков.

Великому Миколу бывает в году два праздника: один весной — 9 мая и другой осенью — 6 декабря. Обычай можно справлять как на Миколу на зимнего, так и на вешнего. Но на вешнего Миколу, когда нового хлеба не бывает и у многих своего хлеба до нового урожая не хватает, когда большинство из крестьян бывают тощие и многим, конечно, подать нечего, Микольщина обыкновенно не справляется, а относится на Миколу зимнего, когда достаток в хлебе имеется почти у каждого.

Обещанный для Микольщины бычок до трёхлетнего возраста никаким особенным уходом от прочего скота не пользуется, гуляет он в общем

стаде наравне с прочей скотиной, и только его особое высокое назначение присваивает ему особую кличку «Миколец». Все его в деревне знают и, указывая на него, обыкновенно говорят: «Это Миколец!»

Само празднование Микольщины, несмотря на своё название, справляется, однако, не в Николин день (6-го декабря), а гораздо ранее. Праздник Миколы приходится на Филиппов пост, а посему и Микольщина справляется в ноябре перед говеньем, приблизительно за неделю перед заговеньем на Филиппов пост.

День для празднества назначают обыкновенно четверг, реже субботу, праздничных дней избегают. За месяц или полтора до Микольщины, обыкновенно с Покрова (1-го октября), бычка отделяют от стада, запирают отдельно и начинают кормить, откармливать.

Около этого же времени хозяева будущего празднества начинают сборы делать. Для сборов наряжают из числа членов своей семьи мужчину или двоих, а если их в доме мало, то случается, что наряжают и женщин.

Сбор начинают делать в своей деревне у своих соседей; входят в избу, помолятся Богу и говорят: «Великому Миколу по обещанию подаяния, не сойдёмся ли повеличать Великого Миколу!» Подают просящему обыкновенно хорошо, так что, обойдя

3–4 дома, ношу получают пуда в 2. Отказу Великому Миколу (Бог подаст) не бывает. Великому Миколу всяк подаёт охотно. Жертвуют при этом рожь, овёс, пшеницу, солод. Только разве какой безземельный ответит, что «нови у меня нет», и подаёт краюху хлеба.

Обойдя всю деревню, если видят, что подаяния все ещё недостаточно, едут собирать по своей волости и заходят иногда даже и в чужие, соседние. Сбор длится с неделю или более, и собирают для Микольщины разного хлеба всего пудов 60 или даже более. Пудов около 35 набирали, обыкновенно, только в своей деревне. Собранную новь мелют и затем мукой и овсом начинают кормить бычка. Кормят его так сильно, что он уж фунта 3–4 на раз не съедает, а под конец и фунта не съедает. Сена в это время он уже не ест. Собирая на нож, его и к коровам не посылают. Если вздумают устроить Микольщину в четверг, то бычка режут заблаговременно во вторник. В этот день его разбирают, рубят на куски, моют его внутренности и проч.

Лучший кусок мяса, обыкновенно заднюю правую ляжку в виде окорока или лопатку (тоже правую), отрубают и оставляют, его потом жертвуют в церковь: куды хочь поп девай, он Миколу дан. В среду мясо задвигают в большие корчаги и варят. Так как от крупного бычка мяса бывает сравнитель-

Домотканье полотенца. 2007 г.

но много, пудов 7–9, то в один день его не успевают сварить и последнее мясо варят уже в четверг.

Кроме мяса, к торжеству готовят и другие кушанья мясные. Варят также пиво вёдер до 30, приготавливают сусла вёдер до 5 и припасают водки для родни, для своих только, около трёх вёдер, смотря по состоянию. В среду вечером хозяин дома идёт по деревне, стучит по окошкам и собирает народ: «Эй, прошу милости Великого Миколу величать на завтрашний день!» Из окошка отвечают: «Ладно, придём!» В среду же хозяин идёт и к священнику для предварительных переговоров о времени совершения молебствия.

В день торжества в четверг крестьяне деревни всем обществом идут в церковь и служат обедню, а после обедни поднимают иконы и идут молебновать во двор домохозяина, который справляет Микольщину. Здесь, во дворе, прямо против передних ворот, ставится стол, покрытый белой скатертью или столешником, и на нём, на особой холстине длиною аршина 1,5 или более, смотря по усердию, кладётся отрубленная в виде окорока задняя правая нога бычка — «ляжка». На столе же ставится и чашка с водой для водосвятного молебна, а затем во время молебна священником кладётся на стол крест и Евангелие. Домохозяин с караваем хлеба и щепоткой соли на нём, а также с ликом (образом) Чудотворца Николая, снятым с тябла (божницы) и поставленным на каравае, с укреплённой зажжённой свечой перед образом встречает иконы перед двором.

Иконы расставляются во дворе за столом и по обе его стороны, их держат всё время на руках, каждую икону один или двое мужчин или женщин, смотря по величине иконы. Когда иконы станут, хозяин кладёт на стол каравай хлеба с солью и образ Николая Чудотворца с зажжённой свечой, а священник начинает служить молебен Великому Миколу. Всё общество крестьян присутствует здесь, на молебне, причём если кто не вмещается во дворе, то стоит вне двора на улице. Вся скотина домохозяина помещается также в это время во дворе, в его глубине.

По окончании молебна стол отдергивают от середины ворот, иконы становятся по обе стороны ворот и скотину со двора пропускают промежду икон, а священник в это время окропляет её освящённой водой. Далее священник кропит везде: по двору, по всем хлевам и омшанникам. После молебна во дворе служат затем акафист Великому Миколу в избе, а засим иконы относят в церковь и здесь опять служат молебен Великому Миколу.

«Ляжка» и каравай хлеба после молебна поступают в церковь, забирает их сторож в меш-

ках и относит церковному старосте, священнику за службу платят около трёх рублей и после молебна в церкви приглашают его к себе на обед: «Просим милости, батюшка, к нам Великого Миколу величать!» Говорят, что поп с попадьёй и дьячок со своей хозяйкой приходили на обед, но уже вечером после народа.

К обеду, как только придут из церкви, собирается вся деревня, старый и малый, причём, ввиду тесноты в избе от многочисленности народа, во время обеда соблюдается очередь: одна ватага обедает, а остальные дожидаются на воле, пока опростается место. К обеду каждый домохозяин каравай хлеба несёт.

На обед подаются следующие кушанья: 1) студень с квасом, 2) щи мясные или борщ с мясом, если мясо выберут, его подкладывают снова, 3) лапша с мясом, 4) плошечники и 5) скорошники. Плошечники — это каша, которая готовится из пшеничной крупы, смолотой деревянными жерновами, и из потрохов заколотого бычка: кишки моются и сперва немного проварятся в кипятке, затем они отсюда вынимаются, крошатся мелко тяпкой и опять выливаются в ту же воду, но уже вместе с крупой, где и варятся окончательно. Каша получается не крутая, а в виде размазни. Скорошники — тоже каша, но густая, и делается из вытопок от сала (скорники) и варёной крупы. Крупу кладут в плошки и туда же кладут скорники и варят. Скорники считаются вкуснее плошечников, их подают обыкновенно последними. В продолжение всего обеда каждый угощается кроме того пивом, пиво со стола не сходит с первого ставца (блюда). Едят и пьют кто сколько может. Для баб и стариков, если пожелают, подают сусло. Только водка подаётся в ограниченном количестве (1–3 ведра). «Микола пива не варит, только мясом кормит». Водкой угощаются не все, а только священник с причтом, своя семья, родные и самые близкие знакомые, но зато все эти лица, как говорят, обыкновенно вдрызг напиваются.

Обед кончается часа в 3–4 дня. За обедом обыкновенно всё не съедается, а потому на ужин опять созывают родственников, случается, что и весь второй день пробурлят, покупая водку в складчину».

Так справляется Микольщина.

На вопрос: «Помогает ли Микольщина скотине?» — крестьяне отвечали: «Бог милостив, даёт святой час, и скотина оправляется».

Завойко К. В костромских лесах по Ветлуге реке (Этнографические материалы, записанные в Костромской губернии в 1914–1916 годах). — Кострома, 1917

РУССКАЯ БРАТЧИНА

На день Прокопия (5 декабря) на Руси организовывались русские братчины, варили общественное пиво, а ещё в этот день выходили всей деревней расставлять вехи вдоль дорог, чтобы путники не заблудились. Гуляние братчины являлось итогом завершения сельскохозяйственного года, итогом крестьянского труда. Пляски, игры, весёлые частушки, старинные песни, гадания, шумные застолья, общее веселье — вот что такое братчина.

Танец «Сударушка»

В этом танце участвовало 4 человека: 2 юношей и 2 девушки, которые становились парами лицом друг к другу: юноша-девушка, девушка-юноша, то есть «наперекрёсток», как говорят старожилы. Они начинали запевать песни, которые приведены ниже. Пропев куплеты, девушки, кружась, менялись местами, что, собственно, делали и юноши. Напоследок нужно было притопнуть ногой.

То же самое проделывалось после каждого напева. Танец начинался с приглашения юношами девушек.

Вот некоторые напевы:

— На «Сударушку» вставайте,
Девушки, не бойтесь.
Мы худого не споем,
А вы не беспокойтесь.

На что девушки отвечали:

— На «Сударушку» встаём,
Мы вас не боимся,
Вы худое споёте —
Мы остановимся!

После этого юноша снова начинал первым запевать:

— Хороша эта девчоночка,
Красива и статна,
Разрешите познакомиться,
Или же занята?

Напеву следовал ответ:

— Не статна,
Да не подтянешься
Резиновым ремнём.
Не красива,
Не понравилась ни вечером,
ни днём!

И так далее...

Игра-гадание «Илея»

Все играющие снимают с себя по одной вещи (например, кольцо, платок, шаль) и кладут в общую ёмкость (бочонок). Прикрывают платком. Затем

желающие выходят и поют куплеты, в которых говорится о том, что должно сбыться. И, спев куплет, наугад вытаскивают вещь. Тому человеку, чья вещь вытащена, песня является пророчеством. Вот один из куплетов.

*Ходит «Илея» по полю,
Ходит, считает
сослончики.
На первой полоске —
100 сослон,
На второй — 1000,
А на третьей —
сметушки нет.
Твори, мать, опару,
Пеки пироги.
К тебе, мати, гости,
Ко мне — женихи.
(А кому же эта шапка...)*

Свадебный обряд

Свадебный обряд очень интересен и торжественен. Длился он не одну неделю, свадьбы свершались зимой, в период между постами (от Святков до Масленицы). Проводились они в определённые дни: по понедельникам, средам, пятницам и воскресеньям. В это время в домах девушек-невест всегда держали наготове всякую снедь, чтобы было чем угостить приехавших внезапно сватов. Сваты приезжали вечером, старались войти в дом тайком, чтобы никто из соседей не видел. Разговор о цели своего прихода заводили не прямо, а с прибаутками, например: «У нас со двора пропала тёлка, не прибилась ли она к вашему дому?»

«Нет, — отвечал хозяин, — не прибавилось, но есть у нас девица-красавица».

«Вот и хорошо, — говорили сватовья, — а у нас есть добрый молодец. Ваша-то девица да понравилась нашему молодцу».

Чтобы дело сладилось благополучно, следуя обычаю, сват касался рукой печи и стола, приговаривая: «У нас купец, у вас товар», или: «У нас женишок, у вас — невеста, нельзя ли свести в одно место?»

Родители девушки накрывали на стол, угощали незваных гостей. При первой встрече не всегда и не везде решался вопрос о свадьбе. В этот вечер устраивались смотрины да угощения. Потом невеста с родителями отправлялись смотреть хозяйство жениха. И только после этого (если обе стороны нравились друг другу) родственники невесты давали согласие на брак и договаривались обо всех свадебных приготовлениях.

Теперь, когда состоялся сговор, девушка становилась «сговорённой», о скорой свадьбе которой

знала вся округа. С этого времени к «сговорёнке» каждый день приходили подруги. Они помогали ей в сборе приданного и подарков, проводили с нею вечера, прощаясь с подругой, которая уже никогда не вернётся в девичий хоровод.

Невеста оплакивала своё горе — расставаясь с родительским домом, с девичьей жизнью. В последний раз молодёжь собиралась в дом невесты на так называемый «девичник», где они пели песни, вспоминали беседы и гулянья.

Накануне свадебного дня намечалось водить невесту в баню. Обрядовая баня — это целый ряд обычаев и магических действий, которые должны были охранять невесту от порчи и сглазу, обеспечить любовь и благополучие.

В день свадьбы руководство действием от сватов переходило к дружке (дружка — неженатый, остроумный, знающий обряд парень). Объехав всех родственников молодых и собрав их к дому жениха, дружка обращался к родителям молодых и присутствующим. По приезду к дому дружка первым входил в избу, просил вывести невесту, чтобы отправиться к венцу. Обряд вывода невесты очень интересен. Это необычайно красивое действие, которое до сих пор вспоминают старожилы. Вынос девичьей красоты всегда сопровождался песнями и наговорами. После выноса девичьей красоты девушки пели величальные песни и припевки, за что они получали дары. Свадебный пир продолжался и после того, как новобрачных уводили в отдельное помещение. А на следующее утро будили и устраивали веселье «умывашки», били горшки, встречали ряженых, продолжали гулянье. Затем гости разъезжались по домам, а молодые отправлялись в гости к родителям невесты. И потом ещё долго ездили в гости к родственникам, бывшим на свадьбе.

Этим свадебные обычаи и обряды не заканчивались. В масленичное гулянье молодым уделялось особое внимание. Они были главными участниками обрядов и магических действий, которые должны были обеспечить благополучие им самим, плодородие земли и хороший будущий урожай для всей крестьянской округи.

Колядки на Рождество Христово

Рождественские колядки — весёлый праздник глубокой старины. И не просто праздник, а праздник с участием фольклорного искусства.

В ночь с 24 на 25 декабря рождественский сочельник, который открывал двухнедельные новогодние праздники — Святки. Наступала пора угощений, веселья и радости. Колядки проходили следующим

образом. Большая крестьянская семья — за праздничным столом. В избе чисто, уютно, накрыт стол, который застелен белой чистой скатертью, посреди стола стоит пузатый самовар, вокруг него — пироги и другие праздничные угощения. И вдруг — шум, гам, в избу с хохотом вбегают ряженые, которые начинают петь песни. Вот одна из них:

*Эй, хозяин и хозяйка!
Двери шире распахните,
Дорогих гостей впустите.
Мы пришли к вам не с помехой,
А с весельем и потехой!*

Колядовщики славли хозяев, желали хорошего урожая, а также здоровья и благополучия. Если же хозяева обидят и «обнесут» угощением, то от них можно было услышать такой страшный стих:

*На Новый год —
Осиновый гроб,
Кол на могилу,
Ободрану кобылу...*

Рождественские веселья показывали то, что духовная жизнь наших предков была богатой, так как было развито фольклорное искусство, искусство народных танцев и т. д. Рождественские колядки — это праздник доброго, народного и справедливого юмора, в котором осуждаются неправильные поступки односельчан.

Крестины

Раньше к крестинам (их стремились проводить как можно раньше) готовили ребёнку крестильную рубашку, которую шила и вышивала (обязательно узором в крест) крёстная мать. А крёстный отец готовил крест (то есть покупал). Крестильную пелёнку шили в виде большой мужской рубахи, отделявая её нарядной тесьмой. Кумовья, одетые в праздничные платья, приходили на крестины и приносили хлеб и несколько аршин холста. Перед крещением младенца клали в передний красный угол на шубу, положив рядом хлеб и соль, и обсыпали дитя зерном.

Обычно ребёнка в течение первых сорока дней не подпоясывали, и лишь после шести недель крёстная приносила ему в подарок поясок, рубашку, крестик. Только с 6–8 лет мальчику одевали штаны, а девочке — юбку, а до этого момента дети носили одни рубашки с поясками. Первые изношенные штаны и юбку сжигали.

До года у детей волосы не стригли. Считалось, что, подстригая волосы, можно «отрезать» язык, то есть ребёнок долго не будет разговаривать.

*Записано А.П. Петровой, Ю.Н. Мальцевой,
В.Н. Рыковой по воспоминаниям старожил
с Ильинское Октябрьского района. 1990-е гг.*

ПРАЗДНИКИ В ЕГОРЬЕ, ЧТО НА ВОЧЕ

Наше село было волостным и называлось вместе с окрестными деревнями Егорьевская волость, Егорьевский починок, Егорье, что на Воче, Митино-Верховье. Упоминания о волости в государственных документах находят ещё в глубокой древности.

На основании этих документов можно определить, что нашему селу более 400 лет. Егорьевская волость входила в состав Судайской осады, и до 1614 г. это была чёрная волость, т. е. не освобождённая (не обелённая) от налогов. Принадлежала эта волость матери царя Михаила Фёдоровича «великой старице» Марфе. Позднее это была вотчина князей Гагариных.

Над нашим селом сказочной птицей парит прекрасное здание Божьего храма, церковь Святого Георгия. Местные жители не могли не любоваться замечательным зрелищем и вблизи, и находясь в некотором отдалении. Храм — наша главная достопримечательность, наше украшение. Построен он более 200 лет назад. Не менее красиво здание соседней Дмитриевской церкви, летней. Она была построена в 1838 г. Как каждая уважающая себя местность, наше село хранит свою легенду.

Легенда гласит, что Егорьевский храм первоначально было решено строить в д. Митино. Но таинственным образом вся положенная за день кладка за ночь оказалась разобранной. Эта история повторялась ночь за ночью, и наши предки решили перенести строительство на новое место в село Георгий. И поскольку местный храм именуется Егорьевским в честь Святого Георгия Победоносца, покровителя животных, среди весенних праздников одним из главных и важных считается Егорьев день 6 мая по новому стилю. К нему был приурочен первый выгон скота в поле. Это большой праздник, его обставляли магическими действиями, обрядами, песнями, приговорами. Наибольшей силой, по мнению местных жителей, обладают обращения именно в этот день к святому с просьбой о защите животных. Окликания, которые записаны со слов местной жительницы Зарубиной Полины Ивановны, схожи с окликаниями и в других костромских деревнях.

*Гаспадин сударь, хозяин
с хозяйшкою!
Встань, проснися!
Для нас потрудися.
Не спали, не дремали,
По утру рано вставали...
... В кичку нарядися,
Пониже окрутися.
Подавай наше яйцо
Через правое плечо.*

*Богу — на свечку
Нам — на посошок,
Великому Егорью —
Три копейки серебром.*

Если хозяева выносили детям за их старание гостинцы, то они пели:

*Благодарим тебя, хозяин
с хозяйшкою,
На добром слове,
на честном подаянье.
Дай тебе Бог побольше
пожить
Да побольше нажить:
100 коров, 90 бычков,
30 бы куриц, 20 петухов.*

Но если хозяева ничего не подавали, дети пели им такую прибаутку:

*Благодарим тебя, хозяин
с хозяйшкою,
На добром слове,
на честном подаянье.
Дай тебе Бог побольше
пожить
Да побольше нажить:
Вшей да мышей,
Тараканов из ушей.*

В Егорьев день в Чухломе обрезали хвосты у животных. И по сей день в народе бытует обычай выгонять свой скот с вербой. Эту вербу освящали в церкви в Вербное воскресенье и хранили у иконы.

Хозяйки провожали свой скот со двора со словами:

*Телоньки, телитесь,
Свинки, пороситесь,
Курочки, неситесь...*

И ударяли вербой каждое животное по спине. Провожали до самого выгона и бросали веточку под ноги своей скотины. Иногда хозяйки бросали прутья на то место, до которого проводили скот, и начинали прыгать через них не менее 3–5 раз и как можно выше, чтобы скотина была весела и здорова.

Существовал определенный обычай и у пастухов. В чухломских деревнях пастухов одаривали яйцами, салом, из которых тут же в поле готовили ритуальную яичницу. Пастухи совершали определённые ритуальные действия: назначали своих подпасков — кому быть зайцем, колодой, замком, хромым, слепым, и обходили с яичницей вокруг стада 3 раза. После все действующие лица садились и съедали яичницу.

Егорьев день был началом полевых работ. И орудия весеннего труда и молодые всходы давали множество примет для народных загадок.

Загуляла корова — всё поле рогами переполола (соха).

Деряга лежит, дерягу за хвост волокут (борона).

Кривоногий растоптал, а зубастый причесал (плуг, борона).

Зелёная грамотка лежит на чёрном бархате (всходы).

Зоркий крестьянский глаз примечал все перемены в природе, благоприятные условия для полевых работ.

И если Егорий с кормом, то Никола осенний с мостом.

До Егорья хватит корма и у дурня.

Егорий — с водой, Никола — с травой.

Сей рассаду до Егорья, будет капуста доvole.

С Егорья открывался сезон хороводов. «С Егорья — хоровод, с Дмитрия — посиделки». Заводились в это время молодёжные игры. Весенних игр в деревне было много. Они разыгрывались в хороводах. Нашим предкам представлялось, что игры помогают природе, в то время как созревают хлеба, злаки, овощи. Таких календарных игр у наших предков было немало. Все они выросли из трудовой практики крестьянина.

А.П. Чистяков. Чухломской район

СТАРЫЕ ПРАЗДНИКИ В КОСТРОМЕ

В большие весенние праздники — на Пасху, Троицу, Иванов день, Семик, в Яриловку — большими компаниями ходили гулять за город, одни — по Кинешемскому тракту за Лазаревское кладбище и военное стрельбище, другие — по Молвитинскому за фабрику Брунова (ныне «Красная Маёвка»).

Такие гуляния, как Яриловка, были традиционными рабочими гуляниями за Волгой, на Запрудне и за речкой Костромой. Туда выезжали торговцы пивом, квасом, водами, всевозможными закусками и сладостями. Не обходилось и без шинкарей, которые «из-под полы» торговали с наценками бутылочками и шкаликами водки.

Один-два раза в лето для рабочей молодёжи устраивались народные гуляния на городском бульваре. На задней аллее проводились аттракционы в виде бега в мешках, бега с завязанными глазами

и сырым яйцом в деревянной ложке, которую надо было держать на вытянутой руке, лазания по гладкому шесту или испытания силы на различных силомерах. В эти дни организовывались тир и торговля мороженым и водами. Чаше гуляния устраивались в саду при Народном доме (клуб «Красный ткач»).

Одним из самых весёлых праздников после Святка была Масленица, её отмечали все: от малых детей до стариков, от богатых до бедных.

Настоящий праздник начинался со среды масленичной недели. К этому дню на плацу, где всегда проводились ярмарки, а также на льняной площадке устраивались увеселительные предприятия: карусели, качели, балаганы, зверинец и популярный театр с Петрушкой. Иногда приезжал и цирк. С четверга все учебные заведения прекращали занятия до «чистого понедельника», и учащиеся гуляли по праздничным улицам города. Извозчики, и в первую очередь слободские татары, готовили двух лучших лошадей, специальную масленичную сбрую, возки, новые розвальни и выезжали на биржу к торговым рядам.

К полудню количество катающихся всё пребывало, и они образовывали сплошной круг, который двигался в одном направлении от Воскресенской площади до Русиной, Смоленской и Павловской улиц, выезжая снова на Воскресенскую площадь.

Масленицу жгли около Городища по ту сторону Волги, за речкой Костромкой или на Запрудне.

А.А. Колгушкин. Воспоминания костромича.

Рукопись. 1960 г.

*Встреча весны в Костромской губернии.
Со старинной гравюры*

МАСЛЕНИЦА

*Масленицы бойкой
 Закипел широкий пир,
 И блинами, и настойкой
 Закутил крещённый мир.*
Кн. Вяземский

В настоящее время Масленица наша уже не такова, как прежде. И немудрено: другие времена — другие нравы. Теперь в Костроме нет так называемых масленичных гор, с которых на нашей памяти каталось лучшее наше общество — и дамы, и мужчины; нет качелей, на которых, бывало, так весело кружился и щёлкал орехи низший класс народа; теперь вышло уже из употребления катанье по волжскому льду — чудное, обольстительное катанье! Но если одного нет, другое вышло из употребления, на третье прошла мода, так что же, спросят, у нас есть и в чём состоит наша Масленица? Отличается ли она чем-нибудь от других недель в году, например, хоть от Святки, и если отличается, то чем именно?

Разумеется, отличается, и отличается резко. Масленичные гулянья у нас начинаются со среды Сырной недели. Среда — торговый день в Костроме, на который и в обыкновенное время съезжаются окрестные деревенские жители для закупки разных потребностей, необходимых в домашнем быту. Масленичная среда — совсем другое дело. На этот раз съезжаются уже не по одной надобности, т. е. не для закупок, а, что называется, погулять; притом съезжаются большею частью люди молодые, оженившиеся в течение минувшего мясоеда. И зато посмотрели бы вы, как пестра эта волнующая толпа народа, между которой столько счастливых пар, нашедших друг в друге своих суженых и своих ряженных! Молодые, съезжающиеся на это время в Кострому погулять, на других посмотреть и себя показать, обыкновенно одеваются в лучшие наряды; женщины — в гарнитуровые, алого цвета платки, в суконные поддёвки, в платья из аглицких ситцев, подолы которых у некоторых украшены застейливыми арабесками, называемыми в простонародье «городами», вырезанными из плиса, бархата и т. п.; мужчины — в сапоги со скрипом, в суконные тулупы, иные даже в енотовые шубы средней цены. Приехавши в город, деревенские молодые, особенно «молодицы», толпятся на одном известном месте, щёлкая орехи и разговаривая с соседями — подобными себе молодцами. Сюда же сходятся и все их знакомые; здесь они смотрят, кто в чём наряжен, хороша ли известная молодая, нравятся ли один другому и пр., на что женщины, особенно деревенские женщины, любят обращать своё пытлиное

внимание в делах подобного рода. Насмотревшись на что нужно, напившись в «заведении» чаю, короче сказать, нагулявшись по всем правилам сельской экономии и вкуса и достаточно назябнувшись, молодые к вечеру отправляются восвояси с песнями, смехом и нестерпимым звоном бубенцов, которых над ушами другой лошади привешено около пятка, если ещё не более.

Но жители Костромы в этом гулянье не участвуют; у них есть развлечения другого рода, веселее, разнообразнее. Балы частные и общественные, маскарад, клуб, театр во время Масленицы открыты ежедневно.

Скажут: это удовольствия, доступные не каждому, возможные только при независимом состоянии; как же веселились те, кому состояние не позволяло ездить в маскарад или театр? Кроме обыкновенных семейных вечеров, на которых главную роль, разумеется, играли блины, люди простого звания, наряду с богатыми, наслаждались зрелищем катанья, начинающихся в Костроме с 3 или 4 дня Рождества Христова и кончающихся последним днём Масленицы. В рассматриваемый нами период времени катанья бывают каждый день от трёх до пяти часов пополудни. Большая часть Кинешемской улицы, на которой обыкновенно происходят катанья, запружена бывает разной формы экипажами, начиная с казанских саней и кончая изящными городскими экипажами новейших образцов. Катающиеся образуют длинный круг, по обеим сторонам которого толпится множество простого народа, образующего иногда две сплошные живые стены. Здесь, между этим любопытствующим народом, идут интересные толки и замечания о красоте катающихся красавиц, об изяществе их нарядов, о масти лошадей, о попонах и других ещё более интересных предметах. Но есть и такие, которые, стоя уединённо, только любуются.

Часу в шестом катающиеся разъезжаются по домам, откуда после вечернего чая другие снова едут или в театр, или в клуб, или на семейные вечера. Это повторяется в течение всей Масленицы. Количество экипажей во время масленичных катанья доходит до двухсот с половиною. В Прощёное воскресенье катанье бывает непродолжительным, какой-нибудь час — не более. В 7 часов вечера в волжской стороне появляется несколько больших светлых точек. Это пылающие костры, состоящие

из льняных охлопков, омяля, бересты и толстых прутьев и обыкновенно зажигаемые на полях при окончании Масленицы. Это называется: «Масленицу жечь». Масленица и кончается; после чего народ

расходится по домам, заговляется и тем прекращает масленичные удовольствия.

Костромские губернские ведомости.
1856. № 9.

МАСЛЕНАЯ, ЧЕСТНАЯ, ШИРОКАЯ, ВЕСЁЛАЯ...

Из всех праздников у русского народа почитаема особо Масленица. Особенно широко и разгульно её праздновали в Боровской волости Буйского уезда. Хозяйкам заблаговременно приходилось подумать о многом.

Молодым девицам хлопот тоже хватало. Они шили новые или обновляли старые наряды.

И вот подошло долгожданное первое воскресенье праздника, называлось оно в селе Борок «закатушее» и «заговенье». «Закатушее» потому, что с этого дня начиналось всеобщее катание с гор и по деревне. По всему Буйскому уезду самым распространённым приспособлением для катания был «козёл» или «конёк». Это были нехитро устроенные санки, но очень удобные для катания с гор, в которых девку можно с ветерком прокатить вдоль деревенской улицы. Делались они из широкой доски с приподнятым носом. Посередине доски на двух подпорках устанавливали скамеечку. К «носу» «козла» прикрепляли две длинные жерди, за которые и держался катающийся. Разогнав санки, он становился позади сидящего на скамеечке. Иногда на гору втаскивали большие распряжённые сани и катились на них всей гурьбой.

В каждом селе и деревне был овраг, который на время Масленичной недели превращался в гору всеобщего веселья и шалостей. Всё население от мала до велика с утра в «закатушее» собиралось на этой горе со своими покатулями, ледянками, «козлами». Сюда же спешил и деревенский гармонист, потому что ни одно катание не обходилось без частушек.

Неподалёку от горы расстилали солому большим кругом. На ней заводили игры. Здесь же устанавливали качели. В боровских деревнях строили широкую качель с дом высотой. К лавке привязывали верёвки, за которые раскачивали качель. А в елегинской стороне ставили другие качели, их делали как карусель «чёртово колесо». Пока одна часть молодёжи каталась на качелях, другие играли на соломе.

Здесь же на соломе устраивали пляски. Каждый хотел показать своё мастерство. Мужики распевали всюду разухабистые частушки, а бабы больше любили «парные» песни: «Елецкого», «Рябцовского», «Семёновну». Песни, игры и пляски в «закатушее» не смолкали целый день.

В Масленичную неделю с понедельника по четверг все собирались в избе на «вечерину». На праздничную вечерину девки одевали свои лучшие наряды.

Зачастую они были шиты из домотканой пестряди, но старались всё же сшить себе обнову из покупного ситца, сукна. Украшали свой наряд прошвами и выкладами. Парни тоже любили пощеголять своими нарядами.

Главным элементом вечеринки было гуляние кадрили. По всей Буйской земле гуляли кадрили, только назывались они по-разному: «козуля», «сени», «чижик», «гулящего».

На масленичные вечеринки сходилась не только молодёжь, приходили туда и родители посмотреть дядю сына невесту. Приходили и старики обсудить девок да наряды, посмотреть, посплетничать: кто с кем «простолюбился» вчерась.

Выезд на отдых в деревню. Семья Васильева — старшего писаря управления воинского начальника Буйского уезда. 1910 г.

Домашние вечера в Масленую неделю проходили весело. Если парень с молодой женой проводил вечера в доме родителей, то со всего села заходили на блины соседи, но не столько хотелось отведать блинка, сколько одолевало любопытство — поглядеть на молодуху. А молодёжь забегала в такие дома специально «окликать молодых». Завалившись в дом толпой, они спрашивали: «Любит ли молодой молодую?» Молодые в ответ выходили на середину избы и целовались без передыха дюжину раз. А молодёжь вслух считала поцелуи. Или в дом могли завалиться ряженые. Надевали на себя, что смешнее. Рядились цыганами или просто одевали «шубняк» наизнанку, мазались сажей, брали с собой мешок и просили: то — муж пропился, то — ребёнку на кашку или «цыгане всё скрали». Если кто-то не подавал, то ряженые приходили на вечеринку и начинали хулить нерадивых хозяев.

Последним и кульминационным днём праздника было воскресенье. Оно называлось «заговенье на молоко». В этот день мужики с утра одевали к празднику лошадь. Выездная сбруя была вся украшена начищенными металлическими бляшками. Создавалось впечатление, что сбруя сделана из серебра. На шею одевали «ожерелок», на котором располагались 12 «шершущиков» (бубенчиков). По величине они все были разные. На загровке — самые маленькие, а впереди — самые большие. Седёлка была не такая как рабочая, а гораздо меньше и изящней. Она обшивалась красным бархатом, и на 4-х её углах висели пушистые кисточки. Дуга была ярко расписана, а сверху её крепился большой колоколец.

Со всех окрестных деревень в село ехали с песнями и смехом санные поезда, украшенные лентами

с бантами. Издалека слышался переливчатый звон колокольцов и бубенчиков, который не смолкал в этот день до позднего вечера. Мужики, пожалевшие детвору, выводили лошадь, запряжённую в простые рабочие сани, и уж туда набивалась «шелупень» и сидя, и вповалочку — сколько лошадь могла увезти. Все ехали поглазеть на гулянье.

В центре села все собирались у разостланной соломы и у качелей. Там и разворачивалось основное действие праздника. На соломе мужики начинали мериться силой. Как и в настоящее время, так и в далеком прошлом любили померить силы на перетягивании каната. Парни бегали на длинные дистанции, кто быстрее. Бег устраивали по главной дороге, до определённой вехи, бегали по двое и целой кучей. Были и другие общепринятые масленичные игры.

Тут же на соломе вставали кружком и распевали песни и частушки. В последний день Масленицы все старались выплеснуть из себя всё насмешливое и неприличное, все старались выговориться или, вернее, наговориться на весь пост. Заговлялись не только на пищу, но и на гуляночки.

Так за песнями и за играми незаметно подступал вечер. Как только начинало смеркаться, парни зажигали большую теплинку. Её обычно строили на озере или на реке. И весь народ стекался на зарево занимающегося пламени. Сюда же съезжались праздничные повозки и сбегались ребятишки с ледянками. Возле кострища бабы собирались кружком и начинали петь масленичные песни.

Буйская земля. Серия «Родиноведение». Журнал «Губернский дом». — Кострома, 2003.

ПРАЗДНИЧНАЯ ЭПОПЕЯ В МАКАРЬЕВСКОМ УЕЗДЕ

Первого октября в Валовской волости справляется «годовой» престольный праздник Покров, продолжающийся здесь обыкновенно целую неделю. Ещё задолго до праздника в деревнях начались приготовления к нему. Мужики кололи ягнят, бабы мыли избы, варили студень и брагу, чистили самовары, а девицы заказывали себе у портних городские жакетки, покупали калоши и т. п. Хотя здесь население занимается исключительно хлебопашеством и не соприкасается ни с городом, ни с фабриками, но внешняя городская культура начинает проникать в деревню. Так, напр., крестьянская праздничная и рабочая одежда быстро меняются на городскую; молодые люди более «справных» крестьян по праздникам носят полотняные рубашки и крахмальные сорочки, серые брюки и пиджаки, ходят

в лакированных сапогах и галошах, В праздник родители дают детям «на гулянье» деньги: маленьким детям копеек 5–10, подросткам 15–20 коп., а взрослой молодёжи от 30 коп. до 2 руб. В первый день праздника все от мала до велика устремляются в своё село на базар, специально устраиваемый один раз в год. А потом в продолжение целой недели крестьяне семьями «перегащаются» друг у друга и пьянствуют. Неизбежным финалом пьянства, естественно, являются драки, которые в то же время служат единственным и любимым развлечением как пьяных, так и трезвых. Сильнее всех гуляет и пьянствует молодёжь, которая с гармониками в руках ходит по улицам весь день и всю ночь. Песни, шум, визг! <..>

Костромской листок. 1904. № 147.

СВЯТКИ В КРАСНОСЕЛЬЕ

Зимние Святки были одними из наиболее почитаемых и любимых праздников русского народа. Начинались они с сочельника, кануна Рождества, и длились две недели до Крещения.

В деревне Вымётово люди говели, т. е. был рождественский пост, и в сочельник говели до звезды. На сочельник — ворожились.

Кидали сапог через забор: если перелетит через забор, значит, девушка замуж выйдет. Обнимали огород: если парное количество палок, тычинок — тоже к замужеству. Брали кучку поленьев, вносили в дом, считали: если парное количество поленьев — замуж выйти. Сучили мутовкой снег на перекрёстке дорог: откуда скрип снега — оттуда и сваты. Бежали под окошко и стучали ложкой — кто откликнется. Если стучит девушка, а откликнется мужик — замуж она выйдет, а парень, если откликнется баба, женится. В доме жгли бумагу и смотрели изображение на стене. Вносили в дом курицу, чертили на столе круг, в него сыпали зерно и клали обручальное кольцо. Куда курица выбросит кольцо, в ту сторону замуж девушка выйдет. Под подушку прятали колодец, сделанный из спичек, с приговором: «Суженый, ряженный, приходи коня поить».

После церковной службы ходили колядовать, славить, за это сдабривали и давали гостинцы — кто чего. На собранное устраивали пирушки.

Колядовали-пели так:

*Добрый вечер тебе, любий
господарю. — Радуйся!*

*Припев: Ой, радуйся, земля,
сын Божий родился.*

*Накрывайте столы, той
вей колымами. — Радуйся!*

Припев: Ой, радуйся, земля,

сын Божий родился.

*Да ложите колачи яровой
пшеницы. — Радуйся!*

Припев: тот же.

*А як первый праздник —
святе Рождество. — Радуйся!*

Припев: тот же.

*А як другой праздник —
святого Василия. — Радуйся!*

Припев: тот же.

*А як третий праздник —
святе Водохрище. — Радуйся!*

Припев: тот же.

*А по сей колядце дайте
шеколадце. — Радуйся!*

Припев: тот же.

*Записано у Лезиной Е.Н., 1929 г. р.,
д. Вымётово.*

В деревне Малинки говорили в народе, что «Христов день — Рождество — всем праздникам праздник». Ходили по деревне — колядовали.

Симонова Е.И., 1914 г. р., д. Малинки.

В деревне Чудь, под Сидоровским, на Рождество парни группой ходили по дворам со звездой (звезда светилась — вставляли свечку). Парни были в костюмах при галстуках и обязательно в ботинках с галошами. Рождество очень почитали, ходили в церковь, при входе в церковь галоши снимали. В Рождество ходили по домам попы с иконами. Заходили в каждый дом, надо было целовать крест. Накрывали столы, поп пел молебен.

Чернова С.А., 1910 г. р., д. Чудь.

В деревне Кузнецово на Рождество ходили дети колядоваться с молитвой. В домах, куда заходили дети, их угощали пряниками и конфетами. Взрослые рядились ряжеными, пели и плясали, славил хозяев, получали в дар деньги и продукты.

*Шамина Е.П., 1907 г. р.,
д. Кузнецово.*

В деревне Афанасово клали сковороду и вилку (или ложку) под подушку и приговаривали: «Суженый, ряженный, приходи ко мне ужинать».

*Голубева А.А., 1925 г. р.,
д. Афанасово.*

Г.Е. Богданов с женой. 1915 г.

Г.К. Трескин, владелец ювелирной мастерской. Начало 20 в.

*Мастер-ювелир И.М. Бушуев
с женой. Начало 20 в.*

Сестры Белянины. 1920-е гг.

В селении Светочева Гора на Рождество женщины и девушки шили новые платья.

Грачева К.В., 1908 г. р., с. Светочева Гора.

В селении Здемирово, по рассказам М.А. Гребенниковой, 1920 г. р., и Н.П. Шагановой, 1925 г. р., строго соблюдали пост. Ночью на Рождество шли в церковь. После церкви прямо с утра ходили по домам со славой. Пели молитвы, а хозяева старались отблагодарить деньгами или конфетами.

В Рождество ходили по деревне дурачиться: затаскивали сани на крышу дома; если знали, что какой-то парень дружит с девушкой, то от его дома раскатывали поленницу дров до дома девушки.

Иванов В.И., 1924 г. р., д. Заречье.

В посёлке Красное в Рождество ходили ряжеными.

Кордюкова Е.И., 1908 г. р., п. Красное.

В деревне Волойки (ныне не существует) на Рождество ходили ряжеными, одевались цыганками, по домам ходили — «сбирали Машке на кашку». При входе в дом просили: «Можно ли взойти, прославить Рождество?» Хозяева домов одаривали ряженных гостинцами. После этого пировали.

Обручникова Е.И., 1908 г. р., д. Ивановское.

А в деревне Густомесово девки ходили по домам, где есть парни, и пели: «Дайте Машке на кашку».

Выманивали, кто чего даст, а потом на собранное гуляли.

Охупкина А.Ф., 1914 г. р., с. Густомесово.

В деревне Ченцы на Рождество гадали так: обнимали огород — сколько жердей обнимешь, через столько лет свадьба; охапку дров вносили в дом: сколько поленьев — через столько лет свадьба. Ворожили тем, у кого в доме жених или невеста: выкладывали из поленьев дорогу от дома жениха к дому невесты; затыкали трубу тряпками тому, кто злой; замораживали, т. е. заливали водой, дверь у крыльца; запирали или подпирали дверь, чтоб не выйти — «милый придет и спасёт».

*Петрова Т.М., 1929 г. р.,
д. Ченцы.*

В деревне Соболево девушки шли под окна женихов — пели, кричали, изменив свои голоса и спрятав свои лица. Одеты были по-разному. В дом входили больше вдвоём «под видом, будто плохо печь топится, надо чистить трубу». Инструментом были побрякушки, веник и др. Получив калым, девушки с благодарностью уходят домой.

Когда все песни перепоют, начинают плясать. Гармонист всегда был на почёте. Плясали «Цыганочку», «Барыню», «Русского», «Семёновну», по одной — одна девица сменяла другую. Но плясали и парами, такие танцы как «Краковяк», «Подыспань», «Коробочку»:

*Подыспанчик — веселенький танчик.
Его можно легко танцевать.
Только ножку поднять, поднять,
И опять можно снова начать.*

Устраивали игры, как, например, «фантик». Кладут что-нибудь в шляпу (брошь, кольцо и т. д.), ведущий ходит с шапкой, и каждый что-то кладёт. Выбирают одного отбирать фантики из шапки. Чей фантик вынут — тот должен спеть или сплясать. После вечеринки парни с девками идут на улицу гулять парами. Иногда устраивали катание с горы на санях, чтобы побольше в сани убиралось, кто вниз успел, тому достанется — прижмут так прижмут. Бывало и такое, что на вечеринки придут парни из соседних деревень и что-то нахулиганят — лампу били, драки устраивали. Глядельщики после вечеринки ходят по домам.

*Гребенникова М.А., 1920 г. р.,
уроженка с. Здемирово.*

В п. Красное-на-Волге платили деньги за дом какой-то одинокой старушке и собирались на вечеринки. Девушки одевались нарядно, в платки с ки-

Ювелир С.А. Чувилев.
Начало 20 в.

Семья Ивановых. Конец 19 в.

стями. Парни приходили с гармошкой, угощали девушек конфетами и пряниками. (Кордюкова Е.И., 1908 г. р., п. Красное.) В деревне Кузнецово на Святки собирались в основном холостые со всей округи. Пели песни, играли в «фанты».

Молодёжь собиралась отдельно от взрослых. Снимали отдельный дом, наряжались и «вьюнились», танцевали с поцелуями.

В деревнях Вымётово и Ново-Белый камень в зимнее время ежедневно проходили беседы, за исключением суббот и праздников. Приходили девицы с работой (пайка цепей, вязание, вышивание, прядение шерсти, нитки крутили и т. д.). Даже от взрослых было дано задание — столько-то вершков напрясть. Очень старательно работали за верстаками девицы и, как обычно, без платков, с распущенной косой. Парни и девицы собирались не из одной деревни, а парни приходили из других деревень. Присматривались и выбирали по виду и труду себе невест.

А.В. Соловьёва, Л.В. Кузьмицёва.

Подготовлено по воспоминаниям старожилов
Красносельского района. Запись 1999 г.

ЯСТВА КОСТРОМСКОЙ ДЕРЕВНИ

Богата и своеобразна кухня костромской деревни. Складывалась она веками и удивительно хорошо удовлетворяла потребности сельского жителя, занятого тяжёлым физическим трудом. Деревенская пища вкусна, калорийна, сезонно выражена — содержит в своём репертуаре не только блюда обиходного употребления, но и праздничные, и ритуальные.

На обширной территории Костромской области есть различия в составе и способах приготовления блюд и напитков западных районов, близких к центру, на земле бывшего Владимирско-Суздальского княжества, и восточных, периферийных, находившихся в сфере новгородского влияния. Промежуточное положение занимает кухня знаменитого Чухломско-Солигаличского акающего острова, но, в общем, можно говорить о типичной северо-русской кухонной традиции в пределах современной Костромской области. Также традиционен для России и набор напитков: повседневный квас, праздничное пиво, брага, самогон.

К сожалению, сейчас можно воспроизвести не все рецепты старой деревенской кухни, частью из-за отсутствия нужных приспособлений, исходных продуктов, но главным образом из-за отсутствия рус-

ской печи, главной кормилицы деревенского человека. Однако многие блюда старой кухни ещё в обиходе, другие при желании можно реконструировать и тем самым остроумно разнообразить свой стол. Вот воспоминания об этом старожилов, записанные с сохранением диалектных особенностей речи.

ЧТО ГОТОВИЛИ В ЧУХЛОМСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Из блюд многа гатовили. Летам квас, зимой суп, плошашник, хлеб пекли, галанку (брюкву) парили, луковник с ягодам. Накладут луку, бруснику и в печку. Пираги с лукам, с ягодам, с крупой авсяной. Крупницы, картофницы, галанницы сварим с малаком и яичкам — и на скавараде в печку. Драчону делали, манные киселя.

На свадьбу мяса варили, пряма кускам ставили.

П.Д. Косарева, 1909 г.р., п. Якша.

Яда-та какая была! Хлябать сел — мяса не выташшышь. Раньче адну чашку на стол ставили али чугунок. Никакой жизни в маладыя-та гада не была...

В масленицы качели вешали мужики. Ляпёшки пекли в печке, плитов не была, скавародник был.

За агурцам, за марковью на базар ездили в Чухлому. И чеснок все пакупали. Ничаво не была.

*А.Н. Булатова, 1921 г.р., п. Якиша. Записала
Л.Соколова в 1996 г.*

МЕЖЕВСКАЯ ДЕРЕВНЯ РОБЯТ КОРМИЛА ПОХЛЕБКОЙ

Жили в деревне бедно, хлеба не хватало — голодали.

Во хлеве овечка была с двум ягнёнкам, ещё один поянец был — приходилось из соска кормить. Была и коровёнка, правда, доила всево четыре кринки. Курочки были, а яичками пользовались вприглядку.

Было у нас семь человек детей — мал мала меньше. В избе всё время две зыбки качались.

Робят кормила похлебкой, простоквашей, колбушек на картошках пекла, иногда тоненьких (блинов) сделаю. Досыта-то не давала, всё говорила, штобы брюха берегли, а то спучит, понос проберёт.

Мучки было вумалень, приходилось прибавлять в тесто то дуранды, то мякины, то куколю. Заваруху любили — заварю из овсяной муки, сверху посным маслом помажу, поджарю, и едим, аж за ушами трешшыт.

*М.Ф. Мушинова, 1921 г.р., с. Георгиевское
Межевского района. Записала Ю. Смирнова.*

ЧТО ЕЛИ В БУЙСКОМ РАЙОНЕ

Похлепку (суп), крапивницу (щи), сальник (мелко порезанные с салом кишки), брюховицу (рубец), медовуху, свежие огурцы с мёдом.

Записала Н. Шляхтова в 1996 г., д. Дьяконка.

И ЯГОДЫ БЫЛИ, И ГРИБЫ

Восемисят шастой гот мне. В пастухах был, плотничал. В лясу работали, матушка, все зимы. Ягад была — брусена, клюква. Грибов — волнуха, грусь (груздь), сухарь, баравики, белье. Салили, сушили. Ляса-то вырубают. Па лясу скатина хадить станет — грибов будет.

*А.С. Зайцев, 1911 г. р., д. Мальгино.
Записала О. Шпагина.*

КАК ПИТАЛИСЬ В ГАЛИЧСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Перезимовалу в поле картошку марожену, гнилу, промываем в нескольких водах, працеживаем через решето аставшийся крахмал. Палаляем в калакальце (ата льна калофки растолчём) или в муке лучче, если ешь, и печём на горячих углях в савараде. Подмазывам патсолнечным маслом. Едим с горячим малаком, а нет — дак с вадой.

*К.Г. Вальцева, 1921 г. р., д. Починок-Черкесский
Галичского района. Записала Л. Докучаева.*

КУЛЕШ. Заварю из муки аржаную калабушку. Зашпариваецца калабушка кипятком. На горячей ваде замешиваешь из аржаной муки теребень (ко-

лобок), заливаешь ево квасом. На ночь ставят на тёплое место, на печку, а утром в печь в горшке ставят. Он скипит, взбалтываем. И выходит тесто сладко-кисло. И выходит как каша. Едим.

КАРТОФЕЛЬНИК. Картошку из печки варёную в мундире сразу горячей чистят. Горячей талкут са сметаной. Потом ложат на сковороду, заливают яйцом и ставят вновь в печь.

*А.М. Докучаева, 1911 г. р., д. Недерево
Галичского района. Записала Л. Докучаева.*

ВОХОМСКАЯ КУХНЯ

ЗАСПА ОВСЯНАЯ. Овёс запаривают и сушат, мелют в толокно. А затем толокно запаривают и едят с ягодами и молоком.

ДЕЖЕНЬ. В толокно выливают воду, замешивают до густоты, наливают простокваши и едят.

ХОЛОДЕЦ С КВАСОМ. Мясной холодец заливают квасом, настоянным на хлебе. И так едят.

СУХАРНЫЙ СУП. Сухари толкут и заваривают до густоты, добавляют масло сливочное или подсолнечное. И так едят.

*А.И. Травина, 1920 г. р., д. Марково
Вохомского района.*

МАКАРЬЕВСКИЕ БЛЮДА

ТРАВНИКИ. Обрежешь картошку. Всю изотрёшь, потом в мешок кладёшь. На мешок камень. На другой день ету картошку достанешь, разложишь, мучки добавишь и в печь ставишь. И ели за милую душу.

МОРКОВНИК. Дак отварю морковь али сырую натрёшь. Положь в сковородку. Молока ленёшь, яичко толкнёшь. Ну, посоли и ставь в печку. Увидишь, как уделаецца, так и ешь.

*А.Ф. Цыпленкова, 1914 г. р., д. Шемятино
Макарьевского района. Записала Л. Никанорова
в 1996 г.*

КРУПНИК. Пшено сварят в воде, на сковородку яичко толкнут. И вываливают, делаецца ломотками. Получаецца крупник.

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ. Возьмёшь хлопьев, хлопья замесишь, зальёшь водой. И оно сутки киснет. Воду процедишь. Выжимки скотине подашь, а из этова варишь кисель с мукой.

*Г.В. Водрягина, 1926 г. р., д. Никулино
Макарьевского р-на. Записала О. Толмачёва.*

Народная кухня

ИЗ СЛОВАРЯ ГОВОРОВ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Еда, пища (общее название). Брашно (Костр.); едево (Нерехт.); ежа (Нерехт., Вохом.); ества (Остр.); жора, жорево (гр.) (Нерехт.); харч, харчи (Кологрив.);

Ества у нас только на праздники мясная бывает (Остр.).

Общее название еды с дополнительными от-тенками. Вологда — особенно сытная и вкусная еда (Макар.); перехватка — еда, взятая с собой в дорогу на работу (Солиг., Буйск.); поедуха — еда как процесс употребления продуктов, предназначенных на съедение сразу (не впрок): *Земляники-то мало набрали, только на поедуху*; перемена — блюдо, сменившее на столе другое блюдо: *Три перемены всево было-то: щи, лапша да опекуши* (Нерехт.).

Готовить пищу (общее название). Обрядить (Павин.); обряжать (Вохом., Павин.); пекчи (повсеместно), стряпать (повсеместно).

Есть, принимать пищу. Ести (Шарьинск.); хлебать (повсеместно) — есть жидкую пищу; зобать — жадно есть (Галич.); пошамать — немного поесть, перекусить (Костр.). *Похлебай щей, да и ладно* (Костр.). *Што зобаешь, ровно век еды не видал* (Галич.). *Пошамать бы чево* (Костр.). Снедать — есть (Костр.), вечерять — ужинать (Костр.).

Время еды, приёма пищи (общее название). Выть (повсем.): *Не лезь, подожди до выти* (Межевск.).

Первые блюда (общее название). Варевое — любое горячее первое блюдо (Костр., Нерехт., Буйск., Пышуг. и др.). *Варева-то поешь, надолго сыт будешь* (Буйск.). Хлебовое — любое первое блюдо, которое можно есть (хлебать) (Чухл., Галич., Сусан., Вохом. и др.).

Холодные первые блюда. Крошенина, крошево — молоко с накрошенным в него хлебом (Нейск., Вохом., Чухл., Галич. и др.); «московские рыжики», тюрка (Буйск., Нерехт.): в кипячёную холодную воду крошат хлеб, лук, сдабривают подсолнечным маслом, солят. Иногда для вкуса прибавляют ложку уксуса (Нерехт.); окрошка (Нерехт.); квас: 1) окрош-

ка (Кологр.), 2) студень, залитый квасом (Нейск.); микешка (микишка) — толокно, разведённое холодным молоком. Едят ложками (Нейск.); сладкая похлёбка — суп из фруктов (компот) с добавлением крахмала (Нерехт., Сусан.); сухомес — толокно или овсяная мука, разведённая в молоке. Ели ложками, как холодное блюдо (Нейск.); холодное: 1) тюрка с квасом, студнем, луком, горчицей, хлебом (Чухл.), 2) окрошка, овощи, разбавленные водой или квасом (Нерехт., Сусан.); холодовка — окрошка (Межевск.).

Горячие первые блюда. Баланда — суп без мяса, постный суп: *У меня седни не суп, а баланда. Не могла мясо отчипать из холодильника. Ирка ведь такой суп не будет есь* (Солиг.). Вареница — суп из брюквы, рассученный мутовкой (Кадыиск.); Вершалка или нужда — пустой суп из воды и картошки, ничем не заправленный (еда голодных лет) (Нейск., Окт.); гороховица — суп из гороха (Пышуг.); грибовница — грибной суп на молоке (Окт., Макар.); губница или губник — суп с грибами (сушёными или свежими: губы — грибы) (Вохом., Павин., Мантур. и др.); задумиха — пустой картофельный суп без заправки (еда голодных лет) (Мантур.); кашица — густой суп из толчёной картошки с крупой (Шарьин.); клоковник — овощной суп с добавлением клюквы (Чухл.); мутник — суп из крапивы, заправленный варёным яйцом и забеленный молоком или сметаной (Галич.); соленина — суп с солёными грибами (груздями, сыроежками) (Кологр.); суп таратуй — пустой суп из воды и картошки (еда голодных лет) (Нерехт.); ушанка, ушник, ушное — суп, в который вместо мяса кладут субпродукты (ливер, коровий желудок, кишки). Чаще его готовили во время полевых работ на костре (Костр.).

Н.С. Ганицовская

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗАСТОЛЬЕ

В середине 20 века в семьях Вохомского и Боговаровского районов было принято устраивать застолье с приглашением большого количества гостей на христианские праздники своего прихода, свадьбы, проводы в армию и по другим причинам.

Могли и просто так сварить пиво и пригласить родственников и соседей. Считали, что если сходили в гости, значит, задолжали, «запили, надо отплатить». До закрытия церквей гостей собирали на такие праздники, как николюцина, масленица, дожинки, потрепушки.

В мясоед готовили разные каши.

СОЛОМАТ, ИЛИ КАША-ПОВАЛИХА. «Защпаривали ясную (ячневую) муку, выкладывали на смазанную маслом сковороду. Ухлопают, масло наверх нальют, ставят в печь».

КРАСНАЯ КАША. Овсяную крупу замешивали на сметане, поверх наливали побольше масла и ставили в тихую печь. Готовится каша, пока не покраснеет.

ДЕЖЕНЬ. Это толокно с комочками, густозамешенное на воде, залитое сверху простоквашей со сметаной. «Дежень обязательно был на дожинках и так его ели».

СОЧНИ. Безопарное тесто раскатывали скалкой и заворачивали картофельную начинку — картофельное пюре с молоком и яйцами.

БЕЗУШНЫЕ ПИРОГИ. Они готовились на сочных из ржаного теста с начинкой — это обычно жареная с солью и сахаром капуста.

КРУГЛЫШКИ. Их стряпали из овсяной муки, замоченной на ночь в сметане.

К праздникам хозяева, ждущие гостей, варили пиво примерно из трёх пудов ржи и в печи готовили закуску.

«У порога гостям подавали чарушу с пивом. Они должны были отпить чисто символически, кто — глоточек, два, кто до пятка. При этом хозяйка приговаривает: «Выпей, выпей, проходи, давай, раздевайся и за стол садись!».

«Подавчий» мог встать на колени и просить убедительно выпить, при этом лбом стукался об пол. Был такой расчёт — человеку становится неудобно, и он обязательно выпьет. Припевали и припевки, если человек не хочет пить.

*Пей-ко, попей-ко,
на дне-то копейка,
Ещё попьёшь,
пятак найдёшь.*

*Чарочка моя серебряная,
Кому чару пить,
Кому выпивать?
Ошио пить-то пора, да пора,
Выпивать-то пора
На здоровье, на здоровье,
На здоровьицо!
На здоровьицо Вам,
Дорогим гостям!
Не сойти бы со двора:
Где пир пировать,
Тут и ночь ночевать,
На печи дверей искать.*

*Испей, моё умноё,
Покушай, разумноё.
У нас чары золотые,
Пивовары молодые.
Пиво с мёдом варёно
Да со патокою,
С винной ягодою».*

«Как напьются, начинают петь и плясать. Начинали с песни «Пей-ко, мой милый, не напейся». «Какая жизнь, дак такие и песни, современные. В войну — дак о войне, а старые бабы только старинные песни пели». «Старушки выпьют 1–2 стаканчика пива и сидят, поют весь вечер». «Песни складные были, одна за одну цеплялись. Песни знали все». Если не было гармони, пели круговые песни: «По лугу-лужочку», «Озеро-озерко», «Я вечер мо-

лода», «Сашенька-Машенька» — эти все одинаково пляшут».

Хороводы плясали и мужчины, и женщины. Передвигались по кругу и притопывали в такт. «Не все гармонисты умели играть хороводные песни. Там, где хороший гармонист был, например, Кубасов Пётр Иванович в Покрове, пели и плясали и под гармонь. На каждом празднике пели частушки и плясали под «русского».

Под гармонь плясали «Барыню», «Цыганочку», «Семёновну». Пели частушки на тему цыган, если играли «Цыганочку». Под игру «Семёновны» пели частушки и баллады. В районе было несколько вариантов «Семёновны». «Барыня играетя, а поют частушки всякие, кто какие».

«Хозяин с хозяйкой подают во время пляски: «Давайте, заработали, давайте, пейте». «А кто за столом сидит, дак следишь за ними, всем подливаешь, угощаешь». «Мужики у нас (в Забегаеве) весёлые были, они песни поют, играют и пляшут, а в Вохме только вино пьют, ни песен, ни басен».

Во время пира, особенно на второй день, играют разные игры. Пиво подавали стаканами и чарушами, на лопате и на лапте. И в двойных ковшах, с дырочкой и без дырочки. Подавали и одной посудинкой на всех — ендовой.

«На лопате подавали так: «Несут тебе на лопате стакан пива. Пока пьёшь, подавчий бежит к шестку, лопатой щёлкнет по шестку, потом бежит к тебе, по лбу тебе щёлкнет и опять бежит к шестку. Когда подаёт, то говорит: «Пей скорее, пироги в печи сгорели». Если сидишь рядом с печью, тогда много раз тебе достанется лопатой по голове, а если далеко, то, может, и не успеет».

«В лапте несут тебе стакан пива, если быстро не возьмёшь, могут опрокинуть на тебя. А пока пьёшь, лапоть, который хозяйка держит на поясе за опоры, поднимается и опускается. Будешь хохотать, пить не сможешь».

«Пиво подавали раньше в медной посуде. Потом появились чаруши. В чарушах подавали пиво. Оно гуще в деревянной посудине». «Придут на другой день опохмеляться, сначала чарушей подавали».

Подавали с тарелки. «2 стакана ставили на тарелку, закрывали платком носовым. Один простой, другой с пивом. Как возьмёшь простой, 2 стакана будешь пить». «Ещё так пили: на пол ставят скамейку, 1 человек садится на пол, ноги на скамейку, руки держит за спиной. стакан с пивом ставят на скамейку. Нужно выпить его без рук и поставить на место. Пили и лёжа вверх ногами».

«Шутку шутили — парикмахерскую делали. Балабаевские едут к нам, наломают сосны, наведут таз мыла и хотят брить. Ловят людей или которые шутку понимают, сами ложатся — «Брейте меня». Положат на лавку осередь пола, положат лёжмя и начинают брить. Намажут сосной, бреют косой. Никого не порежут».

В парикмахера Семен снарядится. Штаны за-
гнёт, туфли на высоких каблуках оденет, халат белый
на ём и шапочка белая. С помощником.

Наряженные в старуху, старика и цыганку, бы-
вало, парили гостей берёзовым веником, положили
на лавку посреди избы. При этом приговаривали:

Мати, парь, мати, парь!

Мати, веника не жаль.

Не ходи, мати, по раменью,

Да не ищи, мати, баранины,

Не ищи бычьего, ищи человеческого.

Как варили пиво

К масленице все, кто будет гулять на братщи-
не, складывались солодом. «Делают так. Рожь за-
мачивают на двое суток. На примостке настилают
соломы, постилаки, на них кладут намокшую рожь,
слив воду через решето. Раскладывают толщиной
до 10 см, сверху укрывали, чтобы она была тё-
плая. Рожь прорастала примерно через двое суток.
Потом её сгребают в кучу, укрывают примерно
на полсутки. Она ещё посолодит. Потом её развоз-
ят по печам, сушат, время от времени перемешивая.
Мелют на мельнице как крупу, получается солод.
Его перевешивают. Обычно на человека выходило
по 2–3 фунта.

Солод раньше был у каждого. Если у кого-то
не было, можно было занять у соседа, а потом столь-

ко же вернуть. Сухой солод мог храниться годами.
Молотый меньше. Примерно через год в нём по-
являются червячки.

Пиво варили в поварне, в сарае или на улице.
Собирали чаны деревянные, как кадки, на 12 пу-
дов солода, медные котлы, вёдер по 40. В кот-
лах кипятят воду. Чаны пропаривают с вересом.
В середине у чана дыра, её затыкают штырём.
На штырь одевают метлу из ёлки, потом валят
солод, заливают кипятком почти полный чан. На-
каливают докрасна чистые камни, привезённые
с реки, называются пожог. Камни (пожог) опу-
скают в чан, сначала на метлу, потом специаль-
ными вилами распределяют на кругу. Укрывают
одеялами, тулупами, солод упревает, постепенно
остывая до тёплого. Солод становится плотной
массой. Штырь потихоньку открывают и сусло
сливают в корыто-лоханку. Лоханки деревянные,
долблёные, большие.

Деревянным ковшом с ручкой, чтобы мож-
но было повесить на край лоханки, вычерпывают
пиво из лоханки и заливают в освободившиеся
котлы. Туда добавляют хмель. Поддерживают
огонь под котлами, чтобы еле кипело, и парят всю
ночь. Остудят. Вычерпывают. Оставшиеся в чане
дробины раздают по всем сыпям. Из них будут
делать квас.

В освободившийся чан заливают из котлов,
там охлаждают до тёплого состояния. Температу-
ру определяют, достав из чана хмель и поднеся его
к губам. Если губы не жжёт, тогда в чан заливают
мастер.

Мастер делают из мёда. Мёд был у каждого.
Для изготовления мастера сусло из чана наливают
в посудину, ведра на 3, туда добавляют мёда, может,
бидончик, сахара, чтобы ходило.

Если мёд хороший, мастер пойдёт, может, через
час. Когда он поднимется, его заливают в чан. Стар-
шие заставляют присутствующих при этом детей
петь и плясать, чтобы пиво было весёлое. Говорили:
«Как ребята пляшут, так и пиво пляши».

В чане пиво ходит сутки или больше, в зави-
симости от температуры в помещении. Когда вы-
ходится, оседет. Его сливают через решето в вёдра,
в лагуны пропаренные. Лагуны затыкают пробкой
и составляют в подполье.

«Гуляли в братщине 3–4 дня. Колхоз давал мяса,
масла, муки. Из всего этого приготавливали закуски
в печи: картошку с мясом, суп мясной. Из колхоз-
ной муки стряпали мякоть пшеничные или пи-
роги простые, сверху помазанные овсяной крупой
на сметане, пироги рыбники. На октябрьские гулять
начинали с 6-го, продолжали 7, 8, 9-го: до обеда схо-
дят на работу и опять продолжают, пока всё пиво
не выпьют. Хранить его нельзя, оно испортится,
жалко. Водки в братщине могло не быть».

«В 1973 году гуляли братщину в д. Рай в доме
Поповой Александры». В больших блюдах, как тазы,

Дегустация вохомского пива. Дни культуры
в Костроме. 2008 г.

на столы расставляли суп из чугунов, холодец, капусту. Хлеба напекут и раскладывали по краям столов». «Столы ставили и буквой «Г», и буквой «П», стола 4. Свои 2 да у соседей 2 возьмут. Для сиденья ставили табуретки, на них плахи и покрывали красивыми половиками. Для наблюдения и направления гуляния колхозниками выбиралась комиссия. Комиссия следила, чтобы подавались закуски, ходили с ведрами в подвал за пивом».

Ряженье

«В 70-е годы в братщинах наряжались в основном в цыганок. Реквизит — длинная юбка, шаль, платок завязывали на живот, как копилку, в карты, трубка, лицо вымажут сажей. Цыганка приставала к гуляющим: «Дай погадаю. Твоё счастье впереди, как наклонишься сзади». Наврут, что тебя ожидает — муж загуляет или любовница есть, денег много получишь. В те годы продавалось много масок — Бабы Яги, старика, старухи. Маски были очень интересные, смешные. Наряжались в маски. Старик горб сделают. Мужчины наряжались женщинами, а женщины — мужчинами. Очень часто наряжались в медработника, так как при контакте с медработниками бывает очень много интересных ситуаций. Наряжались работником паспортного стола с сумкой, галифе, сигаретой в зубах. Требовали паспорта на проверку».

Записано В.В. Чичериной в 2001 г.
у М.Ф. Поповой, 1908 г. рождения, д. Марково,
Л.А. Арбузова, 1933 г. р., д. Масленниково, Г.А. Холмовой, 1930 г. р., д. Стучата,
Н.В. Гуровой, 1951 г. р., д. Иванково,
А.В. Омелёхиной, 1914 г. р., д. Яросята.

«...В пирах приносили корыто снегу, посадят на снег и пей стакан, как выпьешь, можешь вставать. Неприятно. Дурость не очень нравилась, а петь-плясать нравилось». «В первый день дальние тут и останутся ночевать, ближние уйдут домой спать, как насидятся, напьются, часам к 12-ти. Перед домом опять за стол садятся, поедят, попьют да и домой пойдут. Утром скотину управят и опять идут. На второй день долго сидят, весь вечер. На 3-й день своих опохмеляешь, а деревенские не приходят».

Фольклорный детский ансамбль Вохомского района на празднике в Костроме. 2008 г.

Если пиво остается, дак и под вечер поедут домой. С собой им пива, вина бутылочку и пирогов наложат, да и другой еды. Один раз сестре ступень дырявый положили в шутку. Завернули, да и положили на дно сумки. Она дома ступень этот нашла и послала им обратно по почте. (Родственнику) принесли квитанцию, он пошел в Забегаево на почту за 5 км и обратно 5 км прошёл за дырявым ступнем».

Частушки и приговорки «с картинками» появились, по-видимому, после закрытия церкви и свидетельствуют о том, что люди перестали бояться греха. С отменой единоличных хозяйств больше стало пьянства. Если в начале века праздник и веселье часто могли быть без спиртного или только с пивом, то постепенно, в течение нескольких десятилетий, водки в застольях становилось всё больше. Изменились и причины для застолий.

Записано В.В. Чичериной в 2001 г.
у В.И. Огарковой, 1932 г. р., с. Забегаево Октябрьского района; Л.А. Арбузовой, 1933 г. р., д. Масленниково Обуховского сельсовета Вохомского района; Л.И. Фатёвой, 1926 г. р., д. Крутая Луптюжского с/с; К.С. Бурковой, 1925 г. р., д. Дароватка Забегаевского с/с, Октябрьского района; Г.А. Холмовой, 1930 г. р., д. Стучата Лапшинского с/с Вохомского района; А.М. Шадринной, 1926 г. р., д. Поморовка Забегаевского с/с Октябрьского района; Л.М. Чичериной, 1930 г. р., д. Пономарево Октябрьского района; А.В. Омелёхиной, 1914 г. р., д. Яросята Согорского с/с.

СТАРИННЫЙ МАКАРЬЕВСКИЙ РЕЦЕПТ ПИВА

Сначала проращивали рожь. Раскладывали её «на кутнике». Потом её клали в корчаги и ставили в закрытую печь солодить. Потом, достав корчаги, раскладывали её на противни и опять ставили в печь — сушить. Затем сухой солод размалывали на ручных жерновах.

Была у нас кадка трехведраяная, в ней только затваривали самодельную муку. Разбавляли её водой и творили.

Потом приготавливали корчагу для пива. По всей корчаге раскладывали солому. А где «гвоздь» (деревянная затычка), тут делали кренделюшку из соломы — сусло чтобы лучше стекало. Потом солод, который растворился, клали в корчагу и ставили в жару. Закрывать надо корчажку-то плотной покрывашечкой.

Потом утром достают, заливают водой, снова ставят в печь в жару, чтобы прокипело.

На следующее утро хозяйка встаёт до топки печи. Ставит корчагу на жёлоб, открывает «гвоздь», и сусло стекает по деревянному жёлобу в посудину. Доливают эту корчажку, когда сусло сбежит, опять водой. Постоит часа три, и тогда спустят. Вот то уж на пиво делают. Надо кипятить его особо: муки ржаной положить, хмелю и вскипятить. Потом дрожжей положить — на ведро грамм сто, поставить в тёплое место, и пиво выходит. Нужно его процедить и поставить в погреба.

*Е.В. Казарина, 1926 г. р., д. Федоровское
Макарьевского района. Записала О.Н. Толмачева
в 1996 г.*

УГОЩЕНИЯ НА ПЕТРА И ПАВЛА

О гостеприимности кадыйчан ходит в народе много баек и присказок. Без блинов и пирогов немислимо гостевание в кадыйских сёлах не только в старину, но и теперь.

ПИРОГ ПО-КАДЫЙСКИ

Для дрожжевого сдобного теста для таких пирогов нужно: 4 стакана муки, 2 столовых ложки сахара, 8 столовых ложек растительного масла, 4 яйца, 20 гр. дрожжей, 0,5 чайной ложки соли, 1,5 стакана молока (воды).

Более сложный способ приготовления теста — опарный. В воду или молоко, подогретые до 30–35 градусов, нужно положить дрожжи, до этого размешанные с небольшим количеством воды. Затем всыпать часть муки (где-то 1/3 от общего её количества) и размешать до образования однородной массы теста. Опару сверху нужно посыпать мукой и поставить для брожения в тёплом месте.

Продолжительность брожения опары — 2–4 часа. Когда брожение пройдёт, она начнёт опускаться.

В готовую опару надо влить молоко, воду (немного подсолить). Затем добавить сахар, яйца, муку. Месить до тех пор, пока тесто не станет гладким, тягучим и не будет легко отставать от рук и стенок кастрюли. В конце добавляется растительное масло, и снова тесто месится, пока масло не соединится

с тестом. Замес нужно опять на 1–2 часа поставить бродить, потом несколько раз обмять — это ускоряет подход теста. И вот теперь можно начинать стряпать пироги.

КУЛЕБЯКА

Для этого блюда нужно: 400 г муки, 25–30 г дрожжей, 1,5 стакана молока, 100 г сливочного масла, 1–2 яйца, щепоточка соли, сахар по вкусу. Приготовить дрожжевое тесто опарным способом. Пока тесто подходит, сварить рисовую кашу, когда каша сварится, её нужно поставить остыть.

После того, когда каша остынет, выложить её в смазанную маслом сковороду и запечь в печи, пока не подрумянится.

Пока каша варится, приготавливаем фарш из рыбы (щука). Филе щуки дважды пропустим через мясорубку вместе с репчатым луком и добавим нарубленные яйца.

Когда тесто подойдёт, его нужно раскатать в виде овальной лепешки толщиной в палец. Посередине горкой уложить слоями рыбный фарш и рис, потом кусочки рыбного мяса и опять фарш и рис. Края лепешки завернуть и плотно защипать над фаршем. Верхнюю часть теста (крышки) украсить всякими узорами из этого же теста. Потом сделать несколько проколов вилкой для того, чтобы выходил пар во время выпекания. Нужно посмотреть печь, чтобы нагрелась до температуры 200–220 градусов.

После выпечки кулебяки нужно положить на стол и накрыть чистым полотенцем, чтобы корочка не была жёсткой.

ПИВО ПО-КАДЫЙСКИ

Чтобы приготовить пиво, рожь замачивают в мешке в реке. Дома рассыпают для проращивания, кладут под гнёт, сушат. Смальвуют. В корчагу кладут солому, льют солод, ставят в печку тёплую, все парится. Охлаждают. На празднике корчагу ставят на стол, под отверстие кладут доску-лоток, пока

пиво бежит по лотку, гуща остается на доске, а чистое сбегает в посуду.

Для изготовления дрожжей картофель варят, рассучивают, добавляют ржаной муки, опускают шишки хмеля и ставят всё на тёплую печь, пока забродит. Процеживают, запечатывают в бутылки. Гущу сушат и используют в пиво, тесто и т. п.

К.Г. Шаронова

Записано в 1994 г. у А.И. Чевилевой, 1912 г. р., д. Столбцы Кадыйского района.

КРЕСТЬЯНСКАЯ КУХНЯ

С толокном и овсяной крупой

Везут на реку овёс в мешках, мочат два дня. Потом этот овёс засыпают в печь в кучу, закрывают плотно заслонку, чтобы овёс парился, а утром выгребают его и разносят по печам и сушат. Затем этот овёс везут на мельницу. Там обдирают, потом мелют. Первая часть получается крупа, а другая толокно.

Ели толокно с молоком и с простоквашей.

Чтобы приготовить кисель, толокно смешивали с простоквашей, замешивая не очень густо.

Сухомес — круто замешивают толокно с молоком или простоквашей. Потом ели, припивая квасом.

Редька с толокном — редьку резали листами тоненько. Клали в чашку с постным маслом (льняным), добавляли соли, немного приправляли толокном.

Щи постные и непостные. Брали воду, соль, овсяную крупу, если непостные щи — мясо. Всё закладывали в чугунок, варили перед огнём или в тихой печи.

ПОСТНОЕ ЛЬНЯНОЕ МАСЛО

Ели в основном льняное масло. Делали его на специальных заводах. По Леденгской волости в д. Первые Россохи держали завод три брата Поповых. В д. Кленовая Грива, д. Осинники, д. Кленовая — два завода: первый — Семёна Васильевича Мусинова, второй — Петра Гордеевича Мусинова. И ещё был завод в д. Валовая.

Оборудование для завода делали сами заводчики. За сбивку масла работники брали жмыхом, который шёл на корм скоту.

Технология изготовления масла была такая. Сначала семя сушили, потом толкли большими

пестами. Просеивали. Затем ссыпали в большую ёмкость, заливали крутым кипятком. Воды много не лили, надо, чтобы смесь была только смочена водой. Получалась густая масса. Полученную смесь «наталкивали» пестом в колоде на разостланную холстину. Всё это помещали под жом. Жмут смесь до тех пор, пока течёт масло. Из 10 килограмм смеси выходит 3 литра масла.

С маслом ели репу (тёрли её на тёрке). Масло клали в кашу, в постные щи.

Крестьянская утварь. Из фондов Павинского краеведческого музея. 2008 г.

Уголок крестьянской избы в Павинском краеведческом музее. 2008 г.

КВАС СО СТУДНЕМ

Очень много употреблялось в пищу квасу. Пили почти один квас. Молоко не пили, а хлебали ложками, прикусывая хлебом. Чай пили обычно после бани, сахару было мало. На семью покупали сахару 400 г в неделю, большой кусковой сахар. Кололи специальными шипчиками на маленькие кусочки.

Технология изготовления кваса была такая. Ржаной солод заваривали в корчаге кипятком. Предварительно на деревянный гвоздь накручивали пучок соломы. И на края корчаги клали солому. Ставили корчагу в печь. Стоит она ночь. Затем выставляют корчагу из печи, разбавляют смесь горячей водой, добавляют мёд. Киснет ещё одни сутки. После этого квас готов. Квас пили со студнем (холодцом), с редькой.

Окрошку стали делать уже после революции.

ГОРОХ И КАРТОШКА

Гороховица — горох надо залить холодной водой. Долго кипятить на огне, пока не получится однородная жидкая масса. Ели гороховицу с постным маслом.

Из гороховой муки пекли колобы (олады), но редко, только для гостей. Горох сеяли мало, т. к. на него был почти всегда плохой урожай.

Чаще варили картошницу. Очищенную сваренную картошку толкли, разводили горячим молоком, если постные дни — бульоном, в котором варилась

картошка. Добавляли постного масла. Зажиточные семьи жили своим хозяйством с хлебом и молоком. Бедняки ели хлеб с водой (основная пища). С наступлением осени появлялось очень много нищих.

В праздники пекли пироги, в масленицу — блины.

РЖАНОЙ ХЛЕБ — ПОДОВОЙ

Хлеб делали на закваске. Закваска — остаток теста, оставляли её обычно в квашенке до следующей выпечки (2–3 дня она может лежать). Если нет хлебной закваски — берут её после пива.

Порядок действий хозяйки такой. Размешать с водой закваску. Добавить муку до густоты сметаны. Поставить на ночь квашенку в тёплое место. Утром добавить муки (пригущают) и соли. Ещё раз поставить квашенку в тепло, чтобы подошло, поднялось тесто. На столе расстелить скатерть, посыпать её мукой, сформировать деревянной тарелочкой каравай и положить на стол, чтобы тесто подошло. Замести чисто в печи и садить каравай в печь прямо на кирпичи.

Из пшеницы хлеб пекли не часто, так как пшеница родилась плохо, а покупать было дорого.

Задолго до революции на Гриве жил Тишка Елисеев. Он покупал белую муку, пёк хлеб подовой, продавал его в Леденгске.

Пекарни появились после революции. В Леденгске в пекарне пекли калачи. Продавали 0,5 фунта за 4 коп., 1 фунт стоил 7 коп.

КУСОЧЕК САЛА

Сало свиное не ели, его почти не было, так как у поросят в наших местах была мясная порода. Кормили поросят пыжом, отходами из-под вейлки — мякиной, а не хлебом и комбикормом.

Соли всегда не хватало, её приходилось ехать покупать в город или выменивать на что-нибудь.

Колобы и блины подмазывали кусочком сала, завернутым в тряпочку-«подмазок».

Для свадеб покупали специально рис и варили рисовую кашу, крахмальные кисели, готовили мясо, тушили кур, пекли пироги. Было принято, что к свадьбе все родственники пекут пироги и запекают плечо от барана (овец держали много).

Детская пища специально не выделялась. Маленькие дети ели молоко с толокном, овсяную кашу.

Е.П. Семиколенных, Н.А. Баранова. Записано в 1993 г. у Н.Д. Мочалова, 1904 г.р., д. Крутики.

ПОНАЗЫРЕВСКОЕ ЗАСТОЛЬЕ

ХЛЕБ

Ржаной хлеб: 4 сита муки, 2 литра воды, 3 щепотки соли. В квашню сыпали просеянную муку, лили воду, добавляли соль. В тесто клали закваску, замешивали каравашки. После выкисания творяли. Всю квашню оставляли прикрытой полотенцем до утра. Когда тесто подойдёт, его вымешивали. Месили до тех пор, пока не отстанет от рук. А потом катали караваями и клали на капустный лист. Подойдет каравай, его сажали на лопате в русскую печь.

ХОЛОДЕЦ

Палили телячью голову, рубили на куски и ставили сушить в русскую печь. Когда она высушится,

её хранили до лета. Летом варили в плошках куски этого мяса, а потом его разделявали. Когда всё было готово, его мелко резали ножом, складывали в плошки и заливали бульоном. На следующий день холодец был готов.

КВАС

Для кваса нужны квасница, мякина, солод, вода тёплая. В квасницу положить распаренную мякину с солодом и залить теплой водой. Закисать квасу требуется три дня.

Л.А. Мелькова.

Записано в 1991 г. у В.П. Оборотова, 1927 г. р., д. Б. Девушкино, Поназыревский район.

ЧУХЛОМСКАЯ КУХНЯ

ЗОЛОТОЙ КАРАСЬ

Все знают, что местная чухломская кухня всегда славилась большим выбором блюд из рыбы, грибов, ягод и особых напитков. Но главная изюминка — это чухломский карась.

Готовился он так. На одной сковороде слегка подсоленную очищенную рыбу заливали растительным маслом и полужарили-полутушили на медленном огне. На другой сковороде жарился до золотистой корочки лук, нарезанный кольцами, который предварительно нужно слегка обвалять в муке. Затем в полуготовую рыбу вливалось полстакана сметаны (или 3 ст. ложки) и 2 ст. ложки томатного соуса, добавлялся обжаренный лук, и всё тушилось до готовности.

КВАС С ХРЕНОМ

Ржаной или пшеничный хлеб нарезать, подсушить, залить кипятком, настоять. Настой процедить,

добавить тёртый хрен, сахар, дрожжи и оставить для брожения. Через 5–6 часов процедить, добавить мёд, хорошо размешать, разлить и поставить в холодное место на 2–3 дня.

КВАС ИЗ СМОРОДИНЫ

Смородину промыть, выдавить сок, воду вскипятить с сахаром, добавить сок смородины, растёртые с сахаром дрожжи и поставить на 2–3 суток в тёплое место.

КВАС ИЗ МАЛИНЫ

Малину промыть, выдавить сок. Влить сок в кипяток, добавить сахар и охладить. Добавить растёртые с сахаром дрожжи и поставить в тёплое место на 2–3 дня.

НАРОДНЫЕ ГАДАНЬЯ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

Приносят в комнату петуха, перед тем ставят на пол зеркало, воду, хлеб и кольцо. Если петух клюнет кольцо — выйти замуж, если будет пить воду — муж будет пьяница, посмотрит в зеркало — щёголь муж будет, а хлеб клюнет — хозяином будет.

Раскладывают на полу кольцо как знак замужества, хлеб — как знак зажиточности, уголь — как знак бедности и мел — как знак могилы, а в середину пускают с наместа курицу или петуха, и что первое попадётся им под клюв, по тому и судят о своей будущности.

Приносят кур из курятника, насыпавши прежде крупы или зёрен, и ставят воды. Если курица станет прежде клевать крупу, то гадающая жить будет благополучно; а если бросится к воде, то муж её будет жестокий пьяница и буян и жить они будут очень бедно.

Выводят из конюшни лошадей не иначе как через оглоблю или через какую-нибудь жердь. Если лошадь зацепит за оглоблю или жердь ногами, то для девушки муж будет сердитый и жизнь — несчастная. Когда же лошадь удобно перешагнёт, не зацепив жердь или оглоблю, то для девушки предстоит житьё со смирным, ласковым мужем.

Кормят мохом лошадь. Если лошадь станет мох есть, так выйдет та девушка, на которую гадают, замуж. Наоборот, если не будет есть — останется гадающая в том году в девках.

Пока жених сидит за чаем, когда приедет свататься (лошадь женихова в это время ставится обязательно на «повить» — сарай, устроенный сверх стойла скота, куда имеется въезд), в это время любопытные обходят вокруг лошади три раза и кормят лошадь мохом. Если таковая будет мох есть, то сосватается; а если не будет, то не сосватается.

На Новый год и в Сочельник выводят кобылу, обертывают её три раза и садятся на неё верхом

задом наперёд и заворачиваются: «Куды кобыла пойдёт, там и мой суженый живёт». Потом кобылу понукают, и куда пойдёт, там, думают, и суженый.

На Святках на усталую лошадь с завязанными глазами садятся без узды. Куда она пойдёт, туда и выйти замуж или оттуда взять.

Гаданье, известное и в Костромской губернии (в Нерехтском уезде), состоит в том, что гадающий, обыкновенно девушка, выводит в полночь из стойла (или, как здесь говорят, со двора) лошадь без узды за гриву (у крестьян лошади стоят на дворе без узды и недоуздки), садится на неё верхом (по-мужски) и переезжает шагом через оглобли саней или телеги (посреди их длины), опущенные передними концами на землю. Если лошадь перешагнёт через оглобли, не задев их ногой, тогда задуманное сбудется, если же заденет, то нет. В других местах придаётся значение не задеванию, а ноге, которою конь переступит через оглоблю первую. Если ею окажется правая — быть удаче, левая — к неисполнению.

Берутся два стакана; под один кладут косоплётку (т. е. ленту из косы), а под другой — повойник и кольцо. Если кто возьмет косоплётку — дома сидеть, а кто откроет кольцо с повойником — замуж выйдет (или женится). Перед выбором парню или девушке завязывают глаза.

Ставят на стол две крынки. Под одну из них кладут повойник так, чтобы девушка не знала, под которую. Если девушка возьмётся за ту, под которой он лежит, то выйдет замуж.

Корове на рога навязывают шёлковый пояс. Куда корова ляжет головой, в ту сторону девка и замуж выйдет.

К овцам в мшаник ходят, слушают, как дышит которая-нибудь овца: коли тёплым дышит — хорошо замужем будет, коли толкнет али холодным дышит — худо замужем будет.

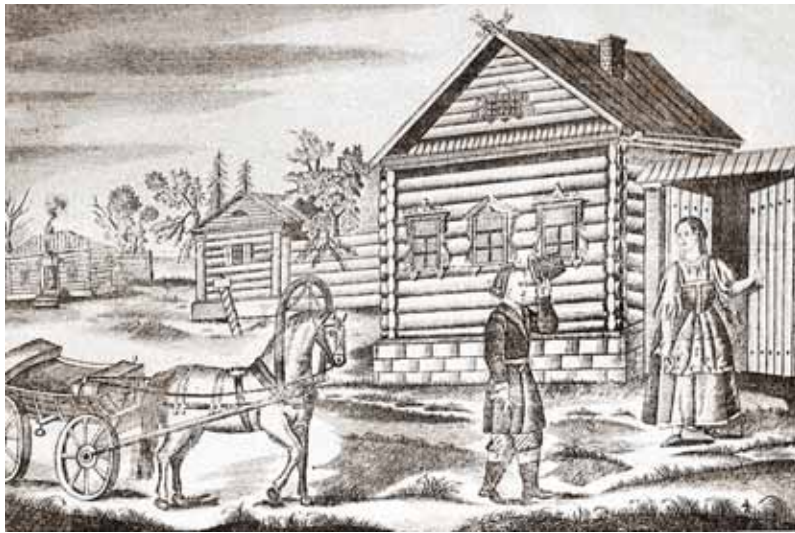
Гадают тараканом: бросят его на пол — если побежит в куть (пространство перед печкой) — к плохому в задуманном деле, если в сутки (красный угол избы, где висят иконы) — к хорошему.

Гадают с мизгирём (с пауком). Садят его в горшок, и если он проживёт восемь дней, то человек, на которого ты гадаешь, жив. Так гадают на солдат, о которых нет долго вестей с фронта.

Девушки поют разные подблюдные песни и при том ставят на стол деревянное блюдо, накрывают его платком, а в блюдо

Лубок «Песня». 1871 г.

*«Ты, Настасья, ты, Настасья, отворяй-ка ворота...»
Лубок из коллекции музея-заповедника «Щельково». 1857 г.*

кладут кусок хлеба и холодный уголь; потом каждая девушка гадает на кольце, на напёрстке, на запонке или на другой какой-нибудь маленькой вещице, которую опускают в блюдо под платок. Затем, перекрестясь, ломают хлеб и уголь на кусочки, то и другое по числу гадальщиц, делят их между собой и, завернувши их в рукав рубашки, ложатся спать, предварительно сказавши про себя: «Кому вынется, тому и сбудется». Поутру по этим предметам загадывают задуманное.

Девичье гаданье. Собираются в одну избу, обыкновенно в «беседочную», и приносят с собой разные кольца и перстни, свои и выпрошенные на этот случай. Берут сито или решето с зерном ржи или вообще с житом и мешают кольца в нём. Потом каждая из девиц берёт горсть жита и, судя по кольцу, заключает о своей судьбине. Так, например, медное кольцо означает, что девица попадёт в бедную судьбу; серебряное — простого крестьянского молодца из хорошей семьи; кольцо с камешком — «барина»; золотое — купца; со святыми словами на обруче — особу духовного звания. Попадёт своё кольцо или вообще то, которое девица хочет, это значит — исполнятся её задуманные желания. Ничего в горсти, кроме жита, не окажется, значит, перемены в девичьей судьбе в этом году не будет.

Если желают девицы знать, что случится в следующем году, то, взявши три вещи — сборник, т. е. головной женский убор, часть хлеба и штучку дерева, закрывают их горшком с разными приговорами. Та девица, которая желает узнать свою участь в настоящем году, за-

крыв себе глаза, подходит к горшку и берёт себе попавшуюся вещь. Сборник значит замужество, часть хлеба — сиденье в девках, а штука дерева — гроб. Так делается у крестьян Костромской губернии.

Перед тем, как идти молодым на подклет (кладовка рядом с сеновалом), в избе ещё дружка завертывает пирог в полотенце — один конец оставляет, другой опускает. Пирог скатится — угадывает, сын или дочка родится. Называют это «скрыватье».

Дружка на подклет приносит пирожок в плате, кладёт невесте на голову, уронит, распутивши плат сразу, и смотрит, как упадёт (пирожок): если вверх лицом, то сначала сына родит, если вверх

низом, то — дочь.

Дружка, когда за красным столом (на второй день свадьбы) хлеб рушит, кидает первый кусок на стол; если кверху горбушкой он ляжет — у молодых первый ребёнок сын будет, если книзу — дочка родится.

Молодые берут калач — один за один конец, другой — за другой, каждый тянет к себе, чья половина окажется больше, того и будет первенство в жизни.

Посредине невестина двора ставится квашня, покрытая скатертью, а на квашне лежит хлеб и стоит склянка. Мать невесты встречает возвращающихся из церкви молодых в вывороченной шубе, сидя на вилах, ухвате или кочерге и держа в руках горшок с водою и овсом; она дарит его зятю, а он из него воду выливает на гриву своей лошади и отдаёт пустой горшок старшему дружке; тот бросает его в сторону, и если горшок разобьётся, то молодая родит сына, а если уцелеет, то дочь.

*«Отгадай, моя родная, отчего я так грустна...»
Лубок из коллекции музея-заповедника «Щельково». 1857 г.*

«Вышла радость на крыльцо в синем сарафане...»
Лубок из коллекции музея-заповедника «Щельково». 1857 г.

На пене первого пива гадают. Дружка загадывает, наливая пиво, сколько молодым пены взойдет: если много, пуховая перина будет, т. е. богато будут жить, если мало — бедно. Гадают и другим гостям.

Девушки ночью на Новый год отправляются к омёту (копна соломы), из которого вытаскивают, не глядя, вставши к омёту спиной, соломинку. Если окажется соломинка с колоском, и особенно если в нём зерно найдётся, — к богатству, без колоска — в бедности жить.

Гадают на Варварин день: срывают ветку малины, сажают её в голбец (пространство между печкой и стеной; в некоторых диалектах — подполье), закрывают тряпочкой и до Нового года на неё не смотрят. В Новый год посмотрят: если ветка ожила, то будет перемена в жизни, если же всё такая — перемены не будет.

Девушки идут ночью к поленнице дров; берут по полену и несут в избу, и если полено окажется гладкое, то и жених будет гладкий, а если суковатое, то и жених будет корявый.

На камнях гадают: набирают камешков, кидают их в воду и по тому, какой стороной кверху лягут (гладкой, горбатой) и в каком порядке, судят, что будет с человеком. Одна ворожея так гадала.

Накануне Рождества на клочках бумаги пишут имена, кладут их к образам (в ящик киота), а затем наутро по вынутому судят об имени суженого(ой).

В новогоднюю ночь пишут на клочках бумаги свои желания. При первом ударе часов зажигают бумажку, и, если она успеет сгореть до последнего удара часов, желание исполнится.

Ложки кладут в большое блюдо с водой. Воду потом разбалтывают кругом. Чья ложка откатится, та замуж выйдет.

В Семик, т. е. в четверг перед Троицыным днём, девицы завивают берёзку, плетут венки, которые надевают на неё, и варят общую кашу, причём после каши кидают через берёзку ложки, и куда та упадёт

черенком, оттуда и суженый. Примета: кто сядет под тень завитой берёзки, тот обязательно выйдет замуж.

Бросают башмаки через ворота, загадавши, в которой стороне быть замужем, и куда носком ляжет башмак, то в той стороне и быть ей замужем.

Выходят на дорогу, бросаются на снег и катятся от дороги к верьям (или воротам двора). Если прикатится к верьям лицом — дома жить; если лицом к дороге (т. е. к верьям затылком) — то замуж выйдет (или женится, если гадают молодец).

В Святки катаются к воротам: если лицом к воротам подкатится, так мирно с мужем жить будет, если спиной — так несовестно жить будут.

Девки берут на дороге снегу, тают, если вытают длинные конские волосы, то лён будет высок, и наоборот.

Втыкают на улице в стену дома гребень, и какой волос упадёт на него, черный или белый, такой и жених будет. Это гадают на Новый год.

Ходят задом до проруби, берут ртом воду из неё и несут домой тоже задом. Если донесёт, не проглотит, то значит — выйдет замуж, а если не донесёт, то не выйдет.

Ходят к реке за водой, достают прямо ртом и несут эту воду, не выпуская изо рта, в избу и обливают печной столб. При этом говорят слова заклинания, кто как сумеет. В деревне, где так проделывается, уже обязательно должны быть сваты. Это называется «заворожить женихов».

Распространено гаданье при помощи топленого воска, который капают в блюдо с водой и гадают, судя по фигурам, получающимся из воска.

Льют олово, свинец или воск в воду, загадывая о суженом или о другом чем-либо. Судьбу свою узнают по тому изображению, какое вылетится: если вылетится гроб, то значит умереть; если венец, то выйти замуж. (Вар.: топят воск и олово и льют в снег, потом смотрят, что выходит).

Ходят на Святках в Новый год на прорубь с завязанными глазами макать лучину в воду. Нужно перешагнуть через прорубь, обмакнуть лучину, принести домой и зажечь её. Если она будет гореть ярко, так за богатым быть, а если тускло — за бедным, или жизнь будет скучная.

В ночь на Новый год бабы выносят в сени куделю, привязанную к пряже, и вот если куделя покроется инеем, то льняное волокно будет белое, а нет, то серое. <...>

В.И. Смирнов. Труды КНО по изучению местного края. Вып. ХLI. — Кострома, 1927.

РЯЖЕНЬЕ НА «СБИТНЯХ»

И здравле существовал обычай собираться на «сбитнях» — своеобразных праздничных или воскресных посиделках. Главное действие в них — ряженье. Чаще всего рядились в «лошадь». Шуму и визгу от лошади было много, но ещё более страшным и странным почему-то считался её поводырь — «конюх». Некоторые смельчаки решались вскочить на лошадиную спину, а прикасаться к «конюху» боялись даже дюжие мужики.

ВЕНЧАНИЕ

Другое ряженье называли «скромным венчанием». Парень из тех, кто побойчее, наряжался попом. Надев «рясу» из простого холста, украсив голову берестяным лукошком, взяв толстенную книгу вместо Библии, он со страшным рёвом врывается в помещение, где проходили «сбитни». Подобное богохульство допускается только в Святки, когда, согласно народным поверьям, нечистой силе не зазорно почудить на белом свете.

Все разбегаются — кто куда сможет, и если «поп» ловит юношу и девушку, он соединяет их руки, надевает им на голову по лукошку («венцу»), водит вокруг табуретки и что-то поёт.

«СМЕРТЬ»

Ряженье «смерть» такое. Парень, одетый в «смерть», влетает в избу во всём белом, на голове его — личина из картона, а в руке — шило. Он бежит по горнице и всех, кого достанет, колет своим шилом — и визжат те, кого «смерть настигает». В крещенскую ночь парня, посмеявшегося взять на себя «смертельную» роль, обязательно опускали в прорубь реки Унжи — грех всё же на себя взял.

ЖГОНЫ

Особое, местное ряженье — «жгоны идут». «Жгоны» — это приبلудные мастера, «катали». Они приходили в деревню катать по заказу валенки и своим страшным видом (неделями не мылись), непонятным языком напоминали пришельцев из потустороннего мира. Парни, переодетые в «жгонов», изготавливали пародию на главный шерстобитный инструмент — «лучок» (палка с натянутой на неё струной). «Катать» собирались не валенки, а... девки. Происходит это довольно грубо. Ту девушку, которой не повезло — её поймали, кладут на «валовище», сверху на неё кидают парня и их закатывают в половик. Перевязывают жгутом и начинают катать по полу, периодически останавливаясь и спрашивая девушку: «Ну как, укаталась?»

Всё это были забавные игры, и по ухтубужской традиции целомудрие входило в обязанность представителей обоих полов. Нарушение правил игры считалось страшным грехом, и тем, кто имел скверную репутацию, доступа на «сбитни» не было. Страх и одновременно радость, которые испытывали «сбитующиеся», помогали отдыхать, отключиться от забот.

ПОЦЕЛУЙНЫЕ ИГРЫ

Самыми любимыми на «сбитнях» во все времена оставались игры с поцелуями. Таких игр очень много. Например, «бараба», в которой «барабиться», то есть целоваться, принято было в углу, за печкой; или «косой» — когда надо было дотянуться друг до друга губами.

Т.И. Калистова, В. Кешокова

Материал подготовлен по воспоминаниям старожиллов, участников театра фольклора «Ухтубужье», Мантуровский район.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ИГРЫ, ЗАБАВЫ, ХОРОВОДЫ

КОСОЙ ЗАЯЦ

Девушки и парни образуют 2 отдельных круга. Девушки — внутренний, парни — внешний, идут в разные стороны. Под гармошку все идут по кругу, у одного из парней в руках платок или кепка.

Как музыка остановится, парень, у которого в руках платок, выводит за собой девушку, останавливаясь напротив. Они встают в круг спиной друг к другу. По сигналу поворачивают головы. Если в одну и ту же сторону оба повернулись, то целуются, если нет, то снова встают в круг, и игра продолжается.

ПЛАТОЧЕК

Девушки образуют круг, в кругу стоит парень. Подружки поют песню и идут по кругу:

*«Ой лапти мои,
Лапоточки мои,
Вы скородили, пахали,
Танцевать сюда попали!»*

Во время песни сзади передают друг другу платочек. Когда песни закончатся, парень должен угадать, у кого платочек. Если угадает, то даёт девушке задание, и она его должна выполнить.

*Записано со слов О.А. Яблоковой, 1913 г. р.,
п. Глебово.*

БУТЫЛОЧКА

Все встают в круг. Посередине водящий раскрывает бутылочку. На кого горлышко покажет, когда остановится, с тем водящий должен целоваться.

*Записано со слов В.П. Соловьёвой, 1927 г. р.,
п. Глебово.*

ХОРОВОД «ЗАИНЬКА»

Все взялись за руки, встали в хоровод. В середине «Заинька», парень. Хоровод кружится то в одну, то в другую сторону: «Заинька по сенечкам гуляй-таки, гуляй, серенький, по новеньким гуляй, гуляй, разгуливай».

Парень ходит по кругу.

«Некуда зайнке выпрыгнуть — таки некуда серому выпрыгнуть».

Парень пытается вырваться из круга, и если это ему удаётся, то потом все девушки его по очереди целуют.

ВОРОБЫШЕК

Участники хоровода поют, обращаясь к парню, стоявшему в кругу:

*«Скажи, скажи, воробышек,
Скажи, скажи, молоденький,*

*Как старые ходят,
Как они гуляют».*

«Воробышек» показывает: «Они эдак и вот эдак и все они эдак».

Затем повторяются первые две строчки куплета и последние две указывают на то, что должен показать «воробышек»: как молодые под венец идут, как гуляют мужики.

*Записано со слов К.В. Тихомировой, 1906 г.р.,
д. Текотово.*

БАРОБОЙ

Этой игрой обычно заканчивались посиделки. Все рассказываются на скамейках. Сидят тихо, не шелохнувшись.

В кругу парень, с завязанными глазами. Его задача выбрать девушку, которую он хочет проводить до дома.

КРАСКИ

В эту игру играли в основном на улице. Один человек водит. Он отходит в сторону. Водящий спрашивает у всех, у кого какая краска (красная, белая и т. д.). Каждый цвет обозначает определённое действие. Красный — целоваться, синий — идти провожать, белый — исполнить желание. Когда приходит водящий, его спрашивают, какую краску он выбирает. Тот, у кого он называет краску, бежит от него, если водящий его поймает, то пойманный исполняет то, что обозначает его краска.

*Записано со слов С.К. Маянцевой, 1936 г. р.,
п. Глебово, Судиславский район.*

КОСТРОМСКОЙ КОСТЮМ

ПРАЗДНИЧНАЯ ОДЕЖДА

Женщины надевали длинные юбки, атласные или шёлковые, юбки с кружевами (галунцы). Праздничные кофты обычно обносились «галунцами» (кружевами) и грибочками. Одевали ещё платок цветастый — под подбородок.

Обувь была — ботинки со шнурками и толстым каблучком.

БУДНИЧНАЯ

Пестряк полотняный для будничной одежды в клетку из льна ткали сами. Костюм состоял из пёстрой кофты-рубашки с широкими длинными рукавами и юбки-передника. Сорочки ночные ткали тоже из льна. Обувью служили лапти, к ним — бедные онучи-портянки. Ещё носили на голове косынки с оборочками.

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Шаровары — одежда для мужчин, и рабочая, и праздничная. В будни обычно носили штаны из тонкого льна на пуговицах, а в праздничные дни надевали суконные брюки с поясами. Пояс, или гайтан, ткался из шёлковых цветных ниток, по концам его были кисточки. Ширина — 5 см, длина — 1,5 метра.

РУБАХИ

В рубахи-косоворотки атласные обряжались в праздники, а в будничные дни носили льняные рубашки, вышитые вокруг ворота и на рукавах крестом, что служило оберегом от злых сил.

ГОЛОВНОЙ УБОР

Летом носили кепки и фуражки, зимой — суконные шапки. Из верхней зимней одежды стара-

лись справиться себе кошулю, зипун, пониток, суконную куртку, кафтан, тулуп.

*Записано Е. Петряшовой у А.Е. Смирновой,
1920 г. р., д. Шубино.*

Платье в базарный день

«Пожилые купцы в то время ещё придерживались привычек, обычаев и одежды чуть ли не времён замоскворецких купцов прошлого века, описанных А.Н. Островским. Они любили носить холёные, расчёсанные бороды, одеваться в поддёвки, русские сапоги бутылками, в жилеты, на которых блестяли тяжёлые золотые цепочки с такими же часами. Молодые же купцы придерживались европейских костюмов, носили только усы, а привычки, обычаи и весь жизненный уклад сохраняли почти прежний — отцовский.

В базарные дни везде в городе можно было встретить бородатых, длинноволосых крестьян в их привычной одежде. Если это зима, то в полушубке, в заячьей или волчьей шапке-ушанке и в лаптях, редко в валеных сапогах. Женщины были одеты так же, как и мужчины, — в полушубки, и отличались от мужчин безбородым лицом и грубым полушалком на голове».

*Л.А. Колзушкин. Воспоминания костромича.
Рукопись.*

Сундук с приданым

Женская одежда Костромской области подразделялась на нижнюю и верхнюю, что объяснялось прохладным климатом и требованиями гигиены. Поэтому нательная рубашка имела в гардеробе даже самых бедных крестьянок. Шилась она прямой и свободной из выбеленного льняного полотна, однако точный покрой её неизвестен. Такая рубашка обязательно подпоясывалась. С 16 в. пояс на рубашке стал символом целомудрия, благочестия и являлся «оберегом». Бытовали также особые покосные, потливые рубахи, которые крестьянки надевали во время сенокоса, жатвы. Праздничные рубахи, изготовленные из более тяжёлых тканей (сукно, шерсть), часто были самостоятельным элементом женской одежды.

Для одежды крестьянок была характерна конструкция рубахи, состоящая из двух полотнищ холста, покрывающих спину и грудь и соединённых на плечах поликами. Рубашка была длинная, с длинными рукавами, цвета бело-

го или красного; красные рубахи, как и у мужчин, считались нарядным бельём.

Любимым праздничным цветом у русских был красный — в значении «красивый», «нарядный». Для получения красного цвета использовали в качестве красителя корни морены, кору берёзы и настой жжёного кирпича. Для украшения частей сорочки, видимых из-под верхнего платья, крестьянки использовали бусинки и льняной плетёный ажур. По поверью, «нечистая сила» не могла ни войти, ни выйти через отверстие, защищённое рукотворным декором — вышивкой или плетением. Поэтому в женской одежде тщательно украшали ворот и подол.

ПОНЁВА

Поверх нательной рубахи надевалось какое-либо нательное платье. В деревне поверх рубахи носили запашную юбку — понёву (от древнерусского «понять», «обнять»). Понёва представляла собой шерстяную юбку длиной до щиколоток. Понёва была клетчатая и часто тёмная. Клетка — это квадрат, знак поля. Этот знак — пожелание плодородия, плодovitости женщине. Клетчатая юбка, понёва, была принадлежностью только замужней женщины.

Праздничная понёва была ярче, богаче. Кроме того, здесь играл большую роль фартук. В разных регионах он назывался по-разному. На нём было рассказано очень многое из жизни женщины вышивкой и геометрическим орнаментом. Люди умели читать геометрические орнаменты, и поэтому они знали, что в одном случае это молодуха, у которой ещё нет детей, поэтому так много ромбочно-точечных изображений; если изображены птицы — речь идёт о девочках у этой женщины, кони — у неё мальчики. Позже, когда пришёл растительный орнамент, эта изумительная геометрия забылась. В городах понёву

*Купчиха из Галича.
С гравюры 1871 г.*

Женский костюм. Начало 20 в.

Мещанка в старинном костюме. Начало 20 в.

Крестьянин-старобрядец. Начало 20 в.

перестали носить уже в 19 в., но в одежде крестьянок она сохранилась надолго.

САРАФАН

Вторым основным элементом женского костюма Костромской области являлись сарафаны. Поначалу это была одежда мужская, и лишь с 16 в. их стали носить женщины. Сарафаны были нескольких видов. Это связано с историческим временем и особенностями места: сарафан без среднего шва — туникообразный; косоклинный сарафан; прямой сарафан; сарафан с лифом; сарафан с лифом на кокетке, часто называемый полуплатьем.

На севере древней Руси встречались все разновидности русских сарафанов. Одной из особенностей русских сарафанов было то, что они не подпоясывались. Сарафаны украшались декором (пёстрые ленты, золотая бахрома). Часто декорировали сарафан по низу несколькими рядами цветных полос.

Женские дорогие одежды почти всегда лежали в сундуках под кусками кожи водяной мыши, которую считали средством от моли и затхлости. Только в большие праздники, как, например, свадьбы, их доставали и надевали.

ОТ КАФТАНА ДО БУРНУСА

Разнообразие и богатство мехов, носившихся на Руси, потрясало иностранных путешественников. Верхняя крестьянская одежда в Костромской губернии 19 в. насчитывала около 30 различных видов: кафтан, полукафтан, зипун, армяк, пониток, чепан, сибирка, кунтыш, чуйка, суконник, бекеша, тулуп, шуба, полущубок, бурнус и другие одежды, распространившиеся в конце века в крестьянской среде под влиянием городской моды. В бедных крестьянских семьях большого разнообразия в одежде не наблюдалось, их гардероб состоял из 2–3 видов одежды: кафтана, понитка, полущубка из шерстяных овчин. Нам показалось очень своеобразным то, что все виды шуб надевали тогда мехом внутрь. Женские

шубы отличались от мужских тем, что шуба у женщин означала не всегда одно только меховое платье, потому что встречается название «холодная шуба». Меховые женские шубы делались на соболе, куницах, лисицах, горностаях, белках, зайцах. А у молодых женщин, девушек были в моде шубы на лисьем меху, крытые бархатом. Сверху донизу впереди был разрез, он застёгивался пуговицами. По шее пристёгивалось к шубе ожерелье из дорогого меха, например, шуба беличья или лисья, а ожерелье к ней бобровое.

Русские постоянно испытывали потребность и тёплой одежде, поэтому мех в качестве материала для одежды пользовался у них особой любовью. Очень часто, особенно в холодное время года или на праздник, крестьянка одновременно могла надеть на себя несколько верхних одежд. Вот как описывает «катания», проводимые ежегодно в Крещение в селе Коверино, местный кустарный староста М.М. Зимин: «С утра съезжаются со всей округи. Так много съезжаются, что кататься можно только шагом, друг за другом. На катания особенно одеваются девицы в самые лучшие наряды, которые, может быть, весь год лежат на дне сундука. Кроме того, девицы привозят с собой несколько платьев и одежды, иногда «займают» у других и переодеваются в течение дня несколько раз».

Невозможно представить русский народный костюм без оригинального овчинного полушубка. Овчина была самым доступным и распространённым материалом для меховой одежды простых людей. Верх полушубка плотно облегал спину и грудь, защищая от холода и ветра, а широкая, клинчатая или со сборами, обрезающая по талии юбка обеспечивала свободу движений. Небольшой воротник-стойка и длинные рукава завершали общий вид полушубка. Вышивка на полушубке, шубе пускалась неширокой полосой по вороту, низу рукавов, подолу. Таким образом, узор обходил по кругу почти весь полушубок, как бы оберегая будущего хозяина от сглаза и порчи. Вышивка выполнялась белыми или жёлтыми нитками и чётко просматривалась на тёмном фоне. Орнамент вышивки создавался из прямых, пунктирных, зигзагообразных и волнистых линий, чёрточек.

Прямой распашной одеждой из овчины являлся тулуп. Его изготавливали из различных шкур, часто из овчины белого, жёлтого или чёрного цветов. Овчинный тулуп в основном надевали, отправляясь в дальнюю зимнюю дорогу.

Среди рабочей верхней одежды наиболее распространённым в губернии был пониток — рабочий кафтан из пониточной ткани. Это была повседневная рабочая одежда, короткая, плотно облегающая верхнюю часть тела, застёгиваемая обычно на крючки. Среди крестьян губернии была распространена безрукавная одежда, надеваемая для тепла на рубаху, сарафан.

Особую известность получил полушубок, называемый дублёнкой. Дублёнка — шуба из дублёных овчин мехом внутрь, кожей наружу. Особый характер дублёнке придавала длина. Наиболее длинными, до пят, шили тулупы-армяки. Для верхней крестьянской одежды Костромской губернии начала 20 в. характерна интересная особенность. Все женские одежды имели глубокий запах на левую сторону. Эта особенность в покрое верхних одежд была свойственна только русской одежде. Пошивом одежды из меха занимались мужчины, так как грубая овчина могла подчиниться только сильным рукам пахаря, кузнеца. На один полушубок или шубу уходило несколько шкур. Их можно было купить на костромских базарах.

Менялись времена и моды, но хранителем народного идеала и костюма оставалось всё же русское крестьянство. Во 2-й половине 19 в. крестьянская одежда начинает испытывать влияние общей моды, выразившейся в использовании фабричных тканей, отделки, головных уборов, обуви, а также в изменении самих форм одежды.

Большое распространение в крестьянской одежде конца 19 в. получает вышивка по печатным рисункам, специально изготавливаемым для деревни: пышные букеты садовых цветов, венки и гирлянды из крупных роз. Весь русский женский костюм обладал общими чертами — лаконичным, лёгким, плавным контуром. Даже когда женщина работала, костюм её сохранял свою особенность — плавную текучесть линий, так привлекающую людей в движениях лебедя или гордой павы. Самой декоративной и богато украшенной частью костромского женского костюма стал передник, или занавеска, закрывающий женскую фигуру спереди.

Из ювелирных украшений применяли жемчужные, бисерные, янтарные, коралловые ожерелья.

Позднее характер костюма Костромской области вновь меняется, т. к. изменился привычный ритм жизни. Возникает потребность в более удобном костюме. Широко входят в обиход юбки с блузками, костюмы, состоящие из юбки и жакета, пальто.

С.И. Григорьева

НАРОДНЫЙ ВОХОМСКОЙ КОСТЮМ

В середине второй половины 19 в. черты русской традиционной одежды более всего сохранял крестьянский костюм. Одежда других слоёв общества имела к этому времени существенные различия вследствие того, что уже к 17 в. господствующие классы перешли к ношению одежды западноевропейского образца.

Вохомские крестьяне шили свою одежду из льняного холста и пестряди, нитки для которой окрашивали натуральными красителями сами ткачихи. Производство домашней ткани и предшествующая ей обработка льна занимали довольно длительный период времени — с осени до весны. Каждая крестьянка прядла и ткала на всю свою семью.

Известный этнограф Г.Н. Потанин указывает на тот факт, что женщина, не имевшая дочерей, должна была обеспечить себя холстами и пестрядью до конца своей жизни, т. к. снохи свекровь не одедали.

Крестьянская одежда была тесно связана со всем многовековым укладом и обычаями русской деревни. Неписаными законами было установлено, какую одежду носить в будни, какую в праздники, по воскресеньям, на свадьбу, по случаю похорон и т. д.

Рубахи из пестряди без каких-либо украшений считались повседневными, хотя более новая (менее изношенная) и украшенная скромной вышивкой по краю рукавов рубаха могла быть и праздничной.

Крестьяне, материальное состояние которых было стабильным, стремились на праздничную рубаху приобретать покупную хлопчатобумажную ткань: сатин голубого, розового, белого цветов, ситец, а иногда и шёлк. Однако ткань эту использовали только для верхней части, а нижнюю традиционно шили из холста.

Основным украшением праздничных рубах была вышивка цветными нитками по краю (запястью) рукавов, представлявшая собою растительный или геометрический узор шириною 3–5 см.

Праздничные шёлковые рубахи также имели холщёвую «подставу», сборки у ворота, но крой рукавов у них немного отличался от выше описанных рубах: рукава были более короткими (ниже локтя, но выше запястья), широкими и собирались чуть выше края на резинку, край рукава украшался узкой полоской кружева.

Все вышеописанные рубахи в народном костюме комбинировались с сарафанами и никогда не надевались с юбками.

Сарафан. Эта традиционная крестьянская одежда стала своеобразным символом русского народного костюма. Происхождение этого названия имеет свою историю: в переводе с персидского «сарафан» означает «парадная, длинная с ног до головы одежда».

Пестрядинный сарафан

В 14 в. сарафан в России — народная мужская одежда воевод, великих князей, а в 17 в. — царей. Записи в кроильных книгах Алексея Михайловича за 1637 г. дают представление об особенностях кроя и декора царских сарафанов. Размеры сарафана Алексея Михайловича определяются пропорциями человека — количество ткани измеряют аршином (около 78 см — длина руки) и вершком (около 4,5–4,6 см — десятая часть локтя), переднее полотнище длиннее заднего, а рукава почти до полу. В средневековой одежде, в том числе и русской светской, рукава могли быть съёмной деталью — тогда они временно привязывались, пристегивались или пришивались к плечевой части, при этом пройма под рукой оставалась несшитой. Туда и продевались руки, а сами рукава, будучи не только очень длинными, но и предельно узкими, оказывались чисто декоративным элементом и обычно завязывались сзади. Видимо, первые русские сарафаны были как с рукавами, так и без них.

В Вохомском крае к концу 19 в. был известен лишь один тип сарафана — так называемый «московский»: круглые, сшитые из 4–6 полос равной по длине ткани, собранные в мелкую складку на обшивке верхнего края, они напоминают юбку на лямках. Лямки — бретели сарафана — представляют собой прямоугольную полоску ткани, разрезанную вдоль с одного конца. Цельным, не разрезанным концом эта полоска пришивается к середине верхнего края спинки, а разрезанные концы — спереди сарафана на ширину груди. С изнанки бретели подшивались холстом, по краям обшивались полосками хлопчатобумажной ткани чёрного, красного, синего цвета. За-

стёжка сарафана в виде небольшого разреза по шву размещалась слева, рядом с бретелью, где пришивались большой металлический крючок с петлей.

Сарафаны вохомских крестьянок традиционно шились из домотканой льняной ткани — пестряди. Украшались они очень скромно и не всегда — одна или несколько узких полосок ткани на подоле, контрастная полоса обшивки верхнего края и бретелей.

Зажиточные люди праздничные сарафаны шили из дорогих покупных тканей — шёлковых, полушёлковых, шерстяных и т. д. Названий их сейчас уже никто не помнит. Известно лишь, что ткани покупали в лавках у местных купцов. В зависимости от ткани изделия их называли «шелковиками», «гарусниками», «шерстяниками», «штофниками» и т. д.

Шелковики, широко распространённые в Вохомском крае, носили в комплекте с шёлковой или батистовой рубахой, шёлковым широким поясом. Носили их очень бережно, надевали по праздникам, передавали по наследству, но прежде всего комплект с шёлковым сарафаном был свадебным подвенечным нарядом. Есть также сведения о том, что тот же костюм, сохранённый до старости, становился и погребальной одеждой.

Основным обрядовым предметом, входящим в комплекс народного женского праздничного костюма, является женский головной убор.

Обычай закрывать замужней женщине волосы — один из самых древних. Он сохранялся в кре-

Шелковик

стьянской и купеческой России вплоть до начала 20 в. Представление о том, что открытые волосы замужней женщины приносят несчастье — падёж скота или неурожай хлеба — были как у восточно-славянских народов, так и у южных и западных славян. Волосы связывались с магической силой, свойственной растительности, и через неё — с идеей плодородия.

Женские головные уборы старинного образа в Вохомском крае не сохранились даже в воспоминаниях современников. Местные жители знают лишь платок и самштуру (местное произношение «шашмура»). Название «самштура» встречается в документах 17 в.

Самштуры носили только замужние женщины: сразу после венчания крёстная мать невесты или сваха заплетала невесте две косы на кисках, складывая их венчиком надо лбом, и надевала на неё самштуру, в которой «молодая» приезжала из церкви в дом жениха.

Праздничные, или так называемые «золотые», самштуры украшались золотым шитьём по наружной поверхности донца в виде выпуклого стилизованного рисунка, условно названного нами «лягушка».

В конце 19 — начале 20 вв. поверх самштур надевали шёлковый платок или шёлковую шаль, закалывая их под подбородком булавкой. О том, надевали ли самштуру без платка, сейчас уже никто не знает — все информанты упоминают платок (шаль) как обязательную деталь.

Мужской костюм вохомских крестьян, как и в других губерниях России, состоял из рубахи, портов и пояса. Все рубахи — косоворотки, с разрезом ворота, обычно, на левой стороне, хотя встречаются изделия и с разрезом на правой стороне груди. Воротник-стойка и планка разреза, шириной 3–5 см, украшались вышивкой тамбурным швом, болгарским или простым крестом. Длинный, сужающийся к запястью рукав, расширяется к плечу за счёт пришитого спереди клина. Длина небольшая, до середины бедра. С изнанки к верхней части рубахи пришивалась подкладка из домашнего холста —

Фрагмент вышивки на рубахе

Самштура

«подоплечье», также укреплялись и края рукавов у запястья (полосой холста в виде обшлага).

Мужские штаны в Вохомском крае шили из полосатой пестряди синего цвета или холста (портки). Все они однотипны по крою: обе штанины шили всегда из прямых отрезков ткани с косыми клиньями, одинаковыми для каждой штанины.

Холщовые порты носили в летнее время, на сенокос, жатву и т. д., а позднее, в начале 20 в., — как нижнее бельё.

И штаны из пестряди, и холщовые порты делали не широкими и не длинными — немного ниже колена, так как концы штанин обычно закрывались онучами, которыми и обёртывали почти до колена.

Праздничные штаны шились из однотонного попуного или домотканого сукна тем же способом, а позднее, в начале 20 в., многие мужчины, особенно молодёжь, стали носить брюки из фабричного материала.

Многие подлинные образцы крестьянской одежды конца 19 — начала 20 вв. хранятся в собрании Вохомского краеведческого музея — филиала Костромского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Здесь каждый из нас может не только лишним раз увидеть подлинники, рассмотреть детали кроя и способы их декоративно-художественного решения, но и убедиться в непреходящей эстетической ценности народного костюма, в непревзойдённом искусстве народных мастеров, их создавших.

Н.И. Лебедева

1. Крестьянская одежда населения Европейской России. XIX — нач. XX в. — М., 1971.
2. Потанин Г.Н. Никольский уезд и его жители. В кн. Никольская старина. — Вологда. 2000. С. 384.
3. Куфтин Б.А. Материальная культура русской Мещеры. Труды Гос. музея центрально-промышленной обл., вып. 3. — М., 1926. С. 42.
4. Тазихина Л.В. Север Европейской части РСФСР (Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Вятская, Петербургская губернии). В кн. Крестьянская одежда населения европейской России. XIX — нач. XX в. Определитель. — М., 1971.

НАРОДНЫЙ КОСТЮМ ПЫЩУГАНЬЯ

Костюм жителей различных местностей, даже в пределах какой-либо одной губернии, сильно различался, зависел от сложившихся традиций. В русском народном костюме, в частности в крестьянском костюме нашей местности, чётко прослеживается деление на будничный, праздничный, рабочий и обрядовый костюм. Рубахи обыкновенно шились из пестряди, льняного домотканого полотна, холста. Повседневные, для работы рубахи были чаще тёмного, немаркого цвета (переплетение тёмно-красной, чёрной или синей нитей), делались ластовины. Отличалась праздничная рубаха — обычно это была белая косоворотка с красивыми пуговками, с нашитыми кумачовыми полосками или украшенная вышивкой у ворота или по рукавам — обычно крестом, но встречались рубахи, вышитые гладью и тамбурным швом.

МУЖСКОЙ КОСТЮМ

Мужские штаны шились обыкновенно из грубого белого холста, местное название таких штанов — «чижовые» (д. Сергеевица). Мужчины носили также пояса, были они самые разные: вязаные, плетёные, витые. Делали их обычно из шерсти, были и домотканые, с вышивкой. Сохранился пояс фабричной выделки с надписью «Боже, царя храни». Местное название пояса — «гасник».

В холодное время года носили парни и мужики зипуны. Шились они из домотканого полотна чёрного, тёмно-синего или серого цвета, обыкновенно с «борами», а для пожилых делали с подкладом. Шились для мужчин и понитки, обычно из серой домашней ткани, без подклада и кругом «борочки» (мелкая складка). Для работы надевали коротик, по местному названию — «чяжелко», застегивали его на крючки. В зимнее время носили тулупы, шубы из овчины, также и полушубки. Женщины вязали носки из шерсти, были они толстые и высокие, местное название — «прикопотки». Зимой обычно носили валенки. В нашей местности был распространён валяльный промысел, были знаменитые мастера. В другое время года носили лапти, ступни. Молодые, зажиточные крестьяне одевали сапоги из тонкой кожи хорошей выделки, называли их «щегрениевые».

Головной убор мужчин обычно составлял картуз, фуражка с лакированным козырьком, зимой — меховая шапка.

ДЕВИЧИЙ КОСТЮМ

Намного богаче, ярче, разнообразнее был костюм женщины, девушки. Одной из самых главных деталей одежды женщины была рубаха. Основной

тип рубах — с прямыми полами: цельная из четырёх прямых полотнищ, со сборками по горлу и на запястьях рукава, с ластовицами и украшенными полами. Редко встречалась рубаха без поиков — рукава пришивались в таком случае непосредственно прямо к вороту рубахи, собираваясь собственно в ворот. Обычно шили рубахи из отбелённого холста, льняного домотканого полотна. Подол рубахи украшался вышивкой, домашними кружевами или аппликациями, нашивками из кумача.

Заготавливая ткань для рубахи, хозяйка заранее учитывала покрой рубахи, продумывала места для вышивки. Холст начинали ткать обычно девочки с десятилетнего, двенадцатилетнего возраста. Начинали ткать где-то с октября, ноября месяца и ткали всю зиму, до весенних работ. Не было крестьянской семьи, где бы не нашлось умелицы ткать полотно.

Рубахи украшались вышивкой. Яркие, нарядные вышивки в старину играли роль оберега, защищали человека от злых сил, поэтому были чётко определены места их расположения: «ошивки» ворота и запястья, плечо и низ рубахи, поле рукавов. Для вышивки использовали льняные и шерстяные (позднее хлопчатобумажные), очень редко шёлковые нити. В орнаментах отражались явления, тесно связанные с жизнью крестьян: смена времён года, урожай, природа, деревья, цветущие растения, фигуры женщины, коня, птицы, солнышка.

САРАФАН

Рубаха использовалась во всех случаях жизни русской женщины, но в старинном народном костюме крестьянки очень редко носилась отдельно от сарафана. В нашей местности бытовал сарафан — «пестрядинник». Обычно это был круглый сарафан, в виде высокой юбки на лямках, из нескольких полотнищ, соборенных наверху. Украшался такой сарафан и вышивкой по подолу, и кумачовыми полосками, и домашним кружевом, пуговками. Были также сарафаны с «грудкой». Наряду с сарафаном в ходу у женщин была юбка. Повседневные, будничные сарафаны и юбки шились в основном из тёмной пестряди, тёмного холста. В праздничных сарафанах большое внимание уделялось украшениям. Это многоцветная вышивка, позумент, кружево, ленты, стеклярус, очень редко — бисер.

Поверх рубахи и сарафана (юбки) надевали передник — «занавеску», завязывающуюся сзади тесёмками. Необходимой частью костюма был пояс, сделанный из разноцветной шерсти.

Ноги обёртывали онучами из белого сукна или холста и надевали лапти, плетённые из ли-

пового лыка. Надевали ещё кожаные башмаки — «коты», которые для украшения фигурно пробились медной проволокой спереди и сзади. Зимой девушки и женщины носили валенки — «самокатки».

УКРАШЕНИЯ

Не последнее место в народном костюме крестьянки занимали различные украшения. На шею надевали бусы, «ожерелки» из бисера, носили серьги, колечки. Незамужние девушки носили ленты в голове, украшали волосы. Замужние женщины носили платки, косынки треугольные, а также «венчик» — женский головной убор, расшитый золотыми и серебряными нитями. У бедных, незажиточных крестьянок «венчик» вышивался разноцветными нитками. На холодное, зимнее время вязались шерстяные шапки.

ПРИДАНОЕ

Раньше почти и не было девушек, женщин, которые не умели вышивать. С малых лет начинали учиться этому, вышивали рубахи, пояса, сарафаны, юбки, покрывала, накидушки, разные салфетки, полотенца — «утиральники».

В приданое для девушки нужна была и вышитая скатерть-столешница, и простыня с нарядным краем или богатым подзором. Зажиточные девушки готовили «наволоки» — покрывала на кровать. Для вышивания брали льняную домотканую холстину, поверхность которой по счету нитей ткани позволяет повторять даже самые сложные узоры.

СВАДЕБНЫЙ НАРЯД

Особенно красив, наряден был народный свадебный костюм, как женский, так и мужской.

Свадьба издавна была в жизни русского крестьянина самым важным и торжественным событием. В народных свадебных обрядах отражались наиболее яркие проявления народной жизни: любовь к красоте, поэтическое и музыкальное творчество. Недаром же на Руси говорят не «справлять» свадьбу, а «играть» свадьбу. Обрядовые народные песни, танцы и игры составляли стройное действие, где все его участники — жених, невеста, сваты, подружки, дружки — прекрасно знали «что петь, что говорить, кого славить, кого высмеивать».

Свадьба длилась два-три дня, и каждый день невеста появлялась в новом наряде, который своим колоритом передавал эмоциональный настрой каждого из этих торжественных дней в жизни женщины. Свадебные одежды были так нарядны ещё и потому, что показывали, какая невеста рукодельница, какая искусница, ведь свои одежды и одежды жениха невеста должна была шить своими руками и украсить сама. Вероятно, очень многим современным девушкам было бы трудно выйти замуж на таких условиях. Свадебная одежда

не продавалась, продать свадебную одежду значило продать своё счастье, а складывалась в сундуки, передавалась по наследству, и надевали её в особо торжественных случаях. Задолго до свадьбы в кругу своих подружек шила невеста с их помощью и с помощью своих родных себе и своему жениху свадебные одежды. Шитьё приданого — это и отдых, и форма общения, и передача из поколения в поколение вековой мудрости, заложенной в песнях, сказках, это и реализация в узорах представлений о добре и красоте. Используя магию древних знаков и символов, невеста как бы предотвращает зло и привлекает добро. Вообще в свадебных обрядах нашего края большое значение придавалось различным охранительным предметам и знакам.

ОБЕРЕГИ

Вот лишь небольшая часть советов, выслушанных от местных старожилов, что надо сделать для счастливой замужней жизни. В башмак положить серебряные деньги, невесте за пазуху положить кусочек мыльца, а в карман — лук или чеснок. В швы одежды нужно воткнуть булавки крест-накрест. Во время венчания жених и невеста не должны были ни в коем случае касаться друг друга, чтобы не навлечь на себя бедность.

Утром в первый день свадьбы невеста — «красно солнышко» — появлялась в своём лучшем девичьем наряде: сарафане, белоснежной рубахе. Голову охватывала лента или же девичья повязка.

Одевание невесты к венцу было особенно торжественным, но печальным ритуалом, причитаниями невесты и подружек как бы отгонялось всё, что может слазить счастье будущего замужества. Эти действия были важными, даже если невеста выходила за любимого и ей совсем не было грустно. Надевали для венчания белую рубаху и сарафан. После венца молодые возвращались домой, и перед тем, как играть свадьбу, происходил очень важный обряд окручивания невесты, то есть снимался венец, волосы заплетались на две косы и голову убирала платком.

На следующий день новобрачная надевала самый лучший свой наряд, обычно красного цвета. Обязательными деталями в одежде новобрачных были пояса, вышитые нитками, иногда украшенные бисером и кистями. Нарядные, узорные ткани одежд новобрачных и гостей, разноцветье развешенных на стенках и расстеленных в доме тканей создавали яркое праздничное зрелище.

АТЛАСНЫЕ ПАРЫ

Позднее вместо свадебного сарафана и рубахи невесты стали надевать так называемые «атласные пары» и длинный газовый шарф нежного цвета. Атласная пара — это кофточка и юбка (обычно красного цвета). На плечи накидывали шарф или яркий

разноцветный платок, на ногах были ботиночки. Украшали себя бусами, серьгами. В первый день свадьбы плат надевали низко на глаза, во второй день — открывали лоб. Почти у всех женщин были «трехчолношные», чёрные с вышитыми уголками платы.

Причёска замужней женщины отличалась от причёски девушки. Называлась она «рожки» — специально заплетали и укладывали волосы так, что по бокам наверху головы были как бы рожки. Поверх надевали платок. У всех замужних женщин (да

и у незамужних) в ходу были вязаные или сшитые тапочки, их называли «чупаки».

Каждая девушка, каждая женщина, каждый человек, надевая свою праздничную (да и будничную) одежду, переселялись в мир своих чаяний, надежд и сокровенных мечтаний.

М.И. Базарнова

Записано в 1999 г. у старожилов Пыщугского района А.М. Лобовой из д. Гарцы, А.И. Бабарыкиной из д. Ираклиха, А.Ф. Русановой из д. Песчанка, М.Н. Харитоновой из д. Середняя.

КАК ОДЕВАЛИСЬ СУСАНИНЦЫ

Нынешний Сусанинский район занимает южную часть бывшего Буйского уезда, а также Андреевскую волость Костромского и Яхнобольскую Галичского уездов. Во 2-й половине 19 — начале 20 вв. одежда, которую шили жители этих мест, мало отличалась от распространённой в смежных с ними районах. Она была так же удобна, практична и делилась на будничную, праздничную, обрядовую и сезонную.

Женский крестьянский костюм состоял из сарафана с рубахой и обязательного головного убора, мужской — из рубахи, носимой поверх портов. Тот и другой всегда подпоясывались. Шили их как из ткани, изготовленной в домашних условиях, — пестряди, разной выработки льняного холста, сукна, так и из фабричных материалов — сатина, ситца, коленкора, дешёвого шёлка и др. Будничную одежду шили из домотканины, праздничную — из фабричной ткани.

В холодное время года жители деревни носили меховую одежду: шубы, полушубки, тулупы. Изготавливали её чаще всего из овчины, и потому во многих местах губернии был развит скорняжный промысел. В Буйском уезде выделкой овчин занимались жители деревень Бунаево, Козлово, Малинино, Пузеево Ильинской волости на Шаче и деревни Осинка Исуповской волости.

Шкуры, заготовленные впрок, хранились в холодных клетях, чуланах, сенниках. Пошивом одежды из меха занимались портные-мужчины, так как грубая овчина могла подчиниться только сильным рукам пахаря, строителя, кузнеца. На один полушубок или шубу уходило несколько шкур.

Полушубок шили из овчин мехом внутрь. Верх полушубка тканью не покрывали, и потому он назывался нагольным. Окрашивали такой полушубок обычно в чёрный, светло- или тёмно-коричневый цвета. При пошиве его использовали кафтанный

крой, очень удобный для многих верхних крестьянских одежд. Верх полушубка плотно облегал спину и грудь, защищая от холода и ветра, а широкая, клинчатая или со сборами, обрезающая по талии юбка обеспечивала свободу движений. Правая пола глубоко заходила на левую и застегивалась на три крупных крючка. Небольшой воротничок-стойка и длинные рукава завершали общий вид полушубка.

Портной, изготавливая полушубок, одновременно расширял его, нанося на некоторые детали портняжным стежком вышивку. Вышивка на полушубке, шубе пускалась неширокой полосой по вороту, низу рукавов, подолу. Особое внимание уделялось центральной части — правой поле, груди. Таким образом, узор обходил по кругу почти весь полушубок, как бы оберегая будущего хозяина от сглаза и порчи. Вышивка выполнялась белыми или жёлтыми нитками и четко просматривалась на тёмном фоне.

Орнамент вышивки создавался из прямых, пунктирных, зигзагообразных и волнистых линий, чёрточек. В мотив почти каждого украшения входила волнистая линия — одиночная, взаимопересекающаяся, она встречалась в сочетании с прямыми или пунктирными линиями, являясь основой в растительном орнаменте. В то же время её можно увидеть и в более скромной роли: она обрамляла центральный рисунок, создавая целостность всего узора. Это прекрасно читается в орнаментах шуб, выполненных портными Андреевской волости Костромского уезда и Молвитинской волости Буйского уезда.

С.И. Масалева

1. Кустарно-ремесленные промыслы Костромской губернии. Вып. VIII. — Кострома, 1914.
2. Костромские губернские ведомости. № 5. 1841.
3. *Калиткин Н.* Орнамент шитья костромского полушубка. — Кострома, 1926. Труды КНО. Вып. XXXVIII.

КОСТРОМСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Русский народ всегда любил сказки. Чуть ли не в каждой деревне были свои сказители. Без них свадьба — не свадьба и именины, что без блинов, а уж про посиделки и говорить нечего. Сказочников и сказочниц почитали особенно.

Интерес к русской простонародной сказке особенно вырос в русском обществе в 80–90-е гг. 19 в. Именно в это время было записано множество сказок, самых различных по содержанию, членами Костромской учёной архивной комиссии и по их просьбе самыми разными людьми: крестьянами, священниками, учителями. Сказки стали публиковаться и на страницах неофициальной части газеты «Костромские губернские ведомости». Сказки, собранные молодым костромским священником А.С. Андрониковым, позднее, в 1914 г., были изданы в Трудах Костромского научного общества, вышли отдельным оттиском. Эта небольшая по объёму книжечка — единственный пример подобного рода. Много очень добрых, умных и смешных сказок было записано и частично опубликовано в начале 20 в.

Святой Николай и мужик

Жил-был бедный мужик. Работал, на дороге щёбень бил. Что выработает, то и пропьёт: всех сколь есть напоил вином, потому что был доброй души. Одинова идёт он в кабак — стоит старичок у кабака. Он говорит ему: «Пойдём, дедушка, выпьем!» — «Нет, — говорит, — иди, один пей». Ну, однако ж, он не отступился, увёл. И напоил его, угостил. А был то Николай Чудотворец.

Вышли из кабака, а Николай Чудотворец пошёл к Иисусу Христу: «Вот, — говорит, — я видел на дороге старика. Трудится он трудится, а всё, говорит, в кабаке пропивает, а видно, он доброй души-то — всех угощает, никому не жалеет. Нельзя ли ему богатства дать?» — «Я, — говорит Иисус Христос, — не могу этого сделать, поди к самому Господу, да смотри — верно ли надеешься на него, доброй ли он души-то ещё?»

Пришёл Николай Угодник к самому Господу. Рассказал и ему всё, что видел, и просил ему богатства, дескать, простой он души и того стоит. Господь ему сказал: «Богатства больно скоро можно дать, да всё ли будет он доброй

души, надеешься ли на него? Будешь ли отвечать за него?» — «Да, уж буду!» — «Ну, хорошо, только смотри!»

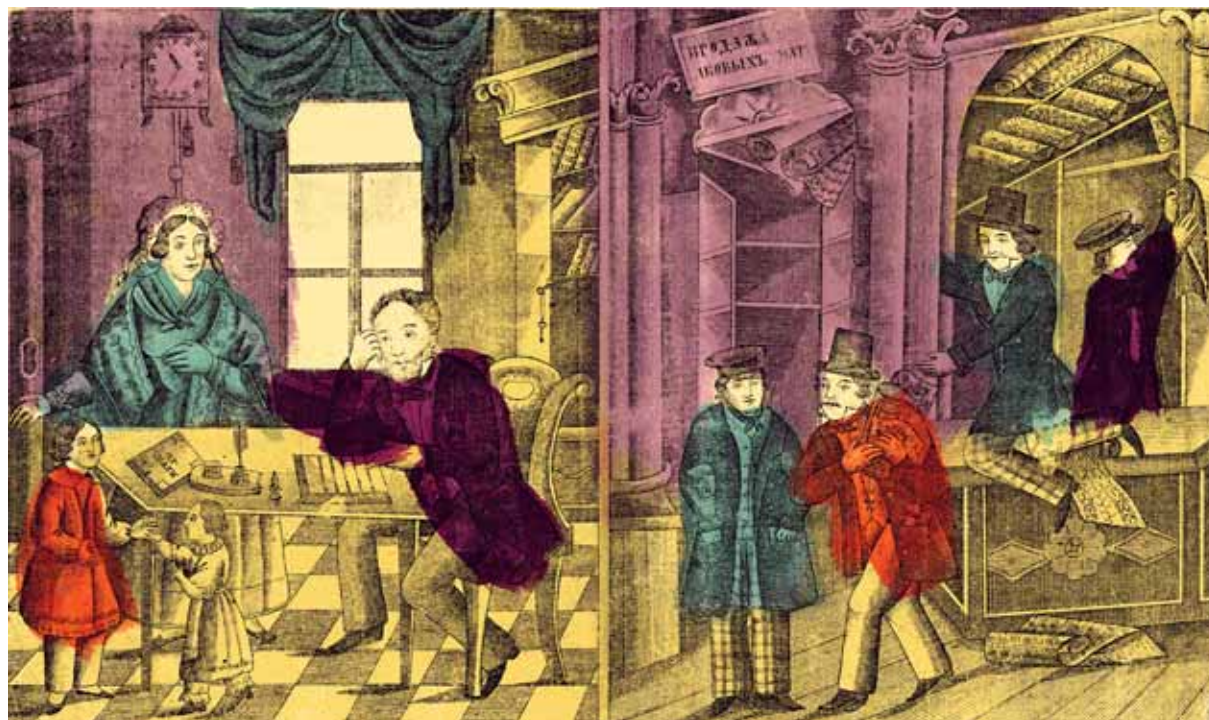
После того пошёл мужик на работу, стал бить щёбень, расколол один камень и видит, что в нём всё золото. Забрал золото домой. С того разбогател, стал торговать. Стали к нему ходить нищие, да уже он зазнался, не стал их наделять. Стали нищие о том молиться Богу: «Господи, гли-ко какой богач, а милостину не подаёт». Донесли их молитвы Богу. Позвал он Николая Чудотворца: «Вот, — говорит, — я слышал, что он нищих не почитает». — «Погоди-ка, я сам, Господи, схожу, может быть, ещё и врут». Сделался нищим и пошёл к мужику. Слуги доложили ему, что пришел нищий. «Есть, — говорит, — ихнего брата, шляются!» Он пришел на другой день — уж сказал слугам: «Мне, — говорит, — нужно его самого повидать». Слуги ему доложили. «Больно нужно, — говорит, — ещё стану к каждому ходить!» Ещё велел идти прогнать. В третий раз пришёл Николай Угодник, ещё стал просить слуг: «Хоть, — говорит, — два слова ему сказать». Тот всё-таки вышел. Стал у него Николай Угодник просить милостыни. Теперь ему уж сам лично сказал: «Убирайся!»

Тут воротился он к Господу: «Прости, — говорит, — Господи, верно, что забыл он тебя, перестал нищих наделять. Нельзя ли богатство-то у него отнять». Просил он, просил Господа, выпросил, обещался ему Господь. «Только, — говорит, — ты молись за его грехи три года, умаливай».

И верно, поплыли как-то корабли богача со всякими товарами, и наступила буря и все корабли разбила, а товары утонули. И обеднял богач, стал снова щёбень бить, да уж золото-то ему больше не попадало.

Русский лубок. Вторая половина 19 в.

Хозяева горюют, а приказчики пируют. Лубок. 1878 г.

Как Матерь Божия серёжечку потеряла

Близ Старова городу (на Унже) есть с. Онофрий, там есть Божия Матерь Владимирская, очень почитаемая — она явилась на болоте, в село её перенесли впоследствии, — про неё рассказывали такой случай. Несли её крестным ходом куда-то на молебствие, пришлось идти в гору — до половины горы дошли и как ни старались дальше, не могли двинуться с места. Тут попы догадались: наверное, Божья Матерь что-нибудь обронила. «Ищите, православные». Стали искать и нашли серёжечку драгоценную — упала на землю. Как её повесили, так и опять пошли.

Сила молитвы

Купец всё останавливался у одного и того же мужика, не боялся класть и считать при нём деньги, и шкатулку с ними без опаски с собой возил. Вот мужик однажды соблазнился и надумал с сыновьями его убить. А купец на то время проснулся и стал их молить, чтобы дали ему время перед Богом в грехах раскаяться. Ну, те дали — он стал на колени перед иконами, начал молиться. Вдруг стук в окно: «Эй, товарищ, собирайся поскорей». Убийцы задрожали — у купца никакого товарища не было. Стали просить купца остаться, дескать, мы это в шутку. Но купец не остался, забрал шкатулку и вышел из дома, глядит — а никого нет. Поблагодарил Бога и убрался подобру-поздорову.

ЛЕГЕНДЫ, НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Потонувшие колокола

До сих пор славный Китеж, невидимый град, красуется под водами Светлого озера, сияют там золотые главы церквей, ликует колокольный звон великолепных служб церковных, дым кадильный и молитва льются к небу. Стекаются сюда толпы верующих помолиться, повидать в Светлояре отражение китежских храмов, услышать колокольный звон.

Эта законченная художественная легенда, удивительное создание народной веры и религиозных исканий, послужила сюжетом для многих художественных произведений.

Рассказы о провалившихся городах широко распространены как в Западной Европе, так и у нас. Некоторые из русских рассказов представляют, по видимому, варианты китежских сказаний, другие имеют свой особый источник происхождения.

К первому роду, например, принадлежит рассказ о провалившейся церкви, как его передают в с. Мундорове Ветлужского уезда. «Близь села была когда-то церковь, которую, по преданию, разграбили татары; священники и богомольцы были убиты, но сами татары провалились вместе с церковью. В ночное время слышат здесь, как петух поёт, и видят: «свечка топится, да старец Богу молится». На этом месте образовался курган, так называемое «Одоевское городище». В Галичском уезде рассказывают о провалившемся ските в Шебелах. Подробности легенды неизвестны. В Ковернинском уезде был когда-то город Шептюг, теперь провалился, а на месте его болото да лес (в Бортновском лесничестве против кварталов 310–316). Рядом одно из болот называется «Князь» или «У князя»: Шептюг проезжал «так вроде как князь напрямиком по болоту, попал в трясину, тут и погиб». (Сообщ. А.М. Белоруков.)

Близко примыкают к китежским легендам, представляя один из составных элементов их, рассказы и предания о потонувших и провалившихся колоколах. Тема о колоколах вообще занимает видное место в народных сказках, легендах, преданиях и суевериях. Рассказывают, например, как колокола звонят сами собой, предвещая тем какое-нибудь бедствие. «Под первый звон носят неугомонных ребят или у кого слух вредится». (Зап. А. Ширским в Ветл. у.) Под звуки колокола гадают о суженом, во время венчания ударяют в колокол, чтобы не «завенчать» какую-нибудь болезнь у молодых (с. Агутино, Солиг. у., с. Козлова Слобода, Буйск. у.) «Если ребёнок долго не говорит, то в этом случае окатывают водой большой колокол и этой водой поят и спрыскивают неговорящего ребёнка. После этого ребёнок не замедлит заговорить». (Сообщ. В.Е. Кудрявцев, д. Варюхино Костомской вол. Галич. у.) Был случай, что к первому удару колокола в Солигаличе носили одного немого, полагая, что колокол исцелит несчастного. (Сообщ. И.В. Шумский.) Пчеловод хранит для удачи своего промысла вместе с росным ладаном, богоявленской, субботней и пасхальной свечами также осколки от краёв церковных колоколов, добываемых в первый пасхальный утренний звон. Колокол часто в народном сознании не просто только предмет церковного благолепия, он нечто одухотворённое, колокол — «святой». Одна старушка молилась раз такими словами: «Матушка, ведение Пресвятой Богородицы, колокол святой» и т. д. Такая вера в одухотворённость колокола создавала подходящие условия для закрепления преданий о звонящих под землёй провалившихся колоколах.

У д. Никольское (Блазновской вол. Нерехт. у.) в речке бакадина (бочаг) есть. Сюда когда-то «паны» медный колокол сбросили. Раньше в Христов святой день гул слышали, а теперь не слышать — песком замело. (Рассказ Н.И. Чистякова, 2 сент. 1920 г.) В версте от с. Пронина, — также передают в Нерехтском уезде, — по речке Пятенке — луг Соколово. Как

приходили паны, разрушили Николаевскую церковь, стоявшую недалеко здесь на поле, и сбросили в речку на этом лугу колокол. Будто и теперь слышат звон. (Рассказ А.Н. Орлова, 8 дек. 1920 г.) У села Сотницы Нерехтского уезда в Андреевском болоте в колодеце был спрятан колокол, когда приходили сюда поляки. Стояло тут в былое время село, которое они сожгли. Пробовали длинной палкой стучать в колодеце, звякает. Крестьяне пытались доставать его, но неумело — колокол уходит глубже. (Рассказ Е.Н. Сахаровой, 25 сент. 1921 г.)

В Костромском уезде также встречаются подобные предания. В селе Борщине передают: на том месте, где было село Артемьево (верст 5–6 от Борщина), есть заброшенный колодец. По преданию, поляки, разграбив Артемьево, сбросили туда колокол. (Запись уч-цы Лундышевой, 1889 г.) В болоте у села Андреевского Костромского уезда в пустоши Трушинской, где когда-то было село Данилково, разорённое панами, заброшен ими церковный колокол.

В Буйском уезде есть предание, что между деревнями Куребриным и Ляньками стояла когда-то в старину церковь, которую разграбили разбойники и колокола которой спустили в пруд. Место это называется Окулино поле. (Зап. В. Старова, 1899 г.)

Отрывочные предания о потонувших колоколах рассказывают и в Солигаличском, и Чухломском уездах. «Рассказывают о колоколе, упавшем в р. Кострому с церкви с. Гнездникова. (Сообщ. И.В. Шумский, 29 июля 1922 г.) У д. Селезнево Вершков. вол. в местности Верхотинка есть бочаг, туда затоплен колокол разорённой на этом месте татарами церкви. В пасхальную ночь, в канун других больших праздников можно слышать звон занесённого песком колокола. (Сообщ. И.В. Шумский со слов Басманова, 29 июля 1922 г.) По местному преданию, в Вохтомской волости поляки и литовцы разрушили церковь,

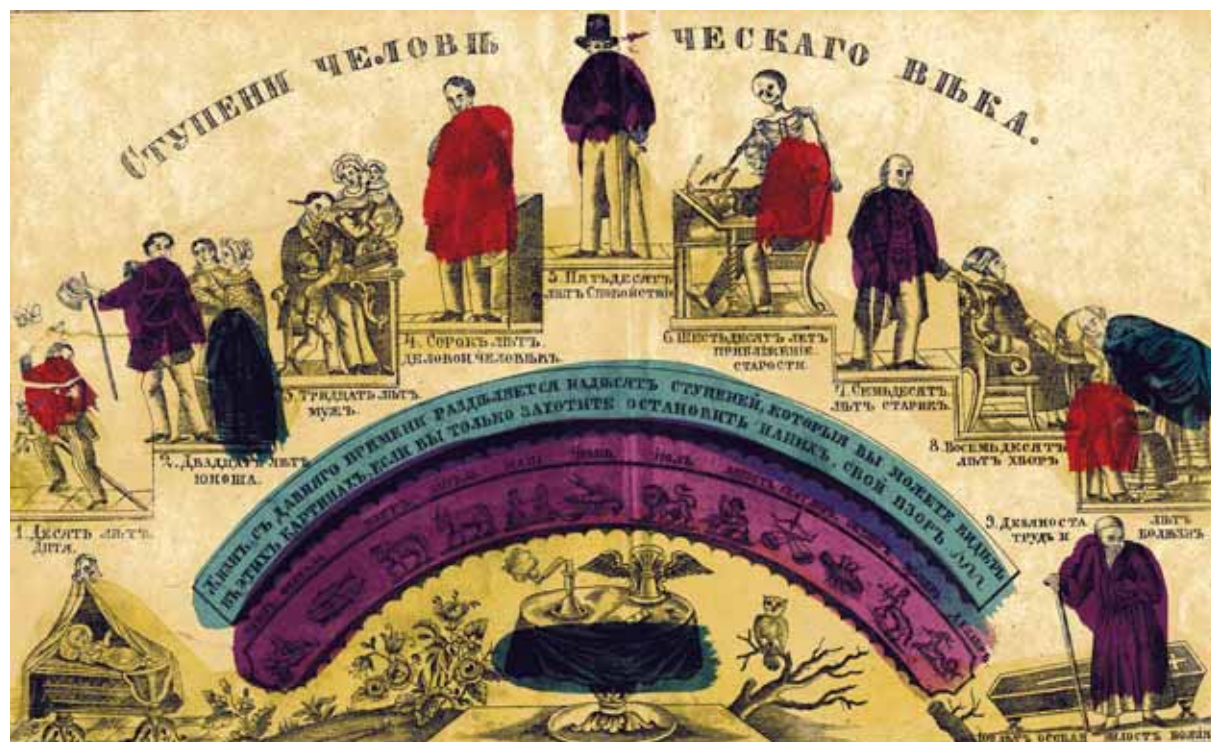
Трудолюбивый медведь. 1877 г.

находившуюся на берегу реки Пенки, в двух верстах от деревни Шостино (Чухлом. у.). Колокола были сброшены с крутого берега реки: есть старики, которые могут указать место, где колокола затонули. (Л.Казаринов — «Архив Судайской осады», рук. архива Костр. Н. Об-ва, 5 стр.) На р. Сундобе близ Идского городища в небольшом озере, по преданию, записанному Л.Н. Казариновым, во время смуты, когда здесь бродили шайки поляков, население само утопило тут церковную утварь и колокола. (Отчет о раскопках Идского городища, 1920 г.)

Особенно часто встречаются подобные предания в Ветлужском уезде, в соседстве от гнезда, так сказать, этих сказаний, — от Керженца. Паны вместе с другими богатствами, рассказывают в д. Майтихе Ветл. у., зарыли звонные колокола верстах в 30 от деревни на берегу речки. «Нашедший должен повесить его на колокольную в селе Николо-Мокрый, но так, чтобы никто не видал и не слышал». (Зап. уч. Троицкий, 1900 г.) В селе Хмелевицах того же уезда «есть предание, что здесь в реке Шаре потонул колокол». При каких обстоятельствах это случилось, неизвестно. «Предание говорит, — читаем в церковно-приходской летописи с. Макарьевского Ветл. у. о бывшей когда-то здесь недалеко Вознесенской пустыни, — что этот монастырь разорён разбойниками; колокол монастырский во время укладки в лодку самими ли разбойниками или скрывавшими от них, утоплен в бочаге реки Какши. Этот бочаг уже заметало землёй, и место его указывают против самой часовни на восток».

В соседних местах легенда о колоколе причудливо переплетается с преданиями о Стеньке Разине. «Есть, — рассказывают, — плант-бумажка, и на этой бумажке всё как есть обозначено, записана воля Стеньки Разина. Приезжал он с Лялиных гор, а на Черемберчихе (Ченебечиха) стояло большое Черемисское село и церква была Успенская. И случилось в те поры Стеньке заболеть, на ногах открылись все раны давнишние. Надо Стеньке напрямик идти на Вятку-Оку, а тут Стенька без ног лежит. Шибко Стенька осерчал на свой недуг и просил попов с тово села Успенского, что на Черемберчихе было, молить Бога о его здравии. Молят попы сутки трои подряд, недуг всё более да более расходится, а Стенька всё пуще да пуще серчает. Пришёл в те поры к Стеньке черемис, а он, вишь, их-то, черемисов, отступниками звал. Держался-то, вишь, он старой ихней веры. Пришёл, значит, к Стеньке и начал баять про всё старое, да и говорит Стеньке: «Што эти бабёнки (христианские попы то есть) вымолят, вот как если Стенька бы Керемете угодил, то Кереметь бы вылечила его, Стеньку». И научил тот проклятуший черемис сжечь, различтожить всё село Успенское и колокол бросить в озеро-то Черемберчихское. Сделал то Стенька Разин, изжёт, злодей, село до щепочки и колокол бросил в то озеро. Полегчали ноги, ровно быть, у атамана, и ушёл он кружить да гулять в Вятскую сторону. Погулял он на Вятке, на Каме, на Волге-реке. Гулял, не задумываясь, а поймали — так задумался. Видно, бает, Бог наказал меня за послушество воли Керемети, за поругание храма села Успенского. И наказал он своему дружке-товарищу и своему сынку любезному:

Ступени человеческого века. Лубок. 1878 г.

«Бросьте, — бают, — вы в то озеро Черемберчихское первым делом три бочки с золотом, вторым делом три бочки с серебром. Не звонит ли с той глубины озера колокол, бросайте, любезные мои, до звона хоть единого: не будет звона — так не будет Стенька прощён, а звон будет — так Стенька будет прощён. А не пропала казна чтобы великая, отдайте плант написать, все как есть приметины». И бросили разбойники казны величество до самого до гула колокольного, а гул тот был в Успенъев день. И поняли разбойнички прощенье Стенькино, а плант положили в сумочку в кожаную, оковали сундучок медью-серебром. А как поселились они при той местности, то и плант идёт из рук в руки, а на планте написано, бают: «На восточной стороне есть камень велик, а на камне зарублен вроде как крест, а от того камня иди к берегу, и у берега будут уступчики, с последнего уступчика того можно достать клад, а последний уступок в воде на сажень. Кто клад достанет, так десятину себе, а девять десятин на дела Божьи, на построение храма Успенского». Хорошо бы всё, да Кереметь сильна; не даёт доставать казну на божьи дела. А колокол, бают, гул издаёт, звенит кажый год в Успенъев день». (Запис. Н.Н. Яснев со слов кр-на Соколова, Глушков. вол., в 1922 г.)

Совершенно очевидно, что рассказы о потонувших колоколах представляют типичный бродячий сюжет, как и рассказы о провалившихся городах. В рассказах об исчезнувших городах, деревнях и сёлах мы имеем и историческую подкладку в виде разрушений их во время различных народных бедствий. Весьма возможно, что потонувшие или зарытые колокола в некоторых случаях действительные исторические факты, так как грабители похищали вместе с другими предметами и колокола, представлявшие по тому времени большую ценность. О провалившихся колоколах при перевозке их по льду через Волгу рассказывают как о действительном происшествии где-то ниже Костромы.

У села Сандогоры, рассказывали в Андреевской волости Костромского уезда, затонул колокол в реке Костроме. Когда водолазы спустились на дно, увидели на колоколе сидящую громадную лягушку, которая не давала подойти к нему. (Рассказ М.И. Комиссаровой, 1921 г., 25 мая)

Несколько особняком от предыдущих преданий стоит рассказ о колоколе и церкви, скрытых в земле недалеко от Лялиной горы Ветлужского у. Есть здесь починок, по имени Поташный, потому что был там, говорят, завод, на котором вырабатывали поташ. Основатель этого починка, какой-то кре-

Небылица в лицах «Как мыши коту хоронили». Лубок. Вторая половина 19 в.

стьянин, освобождая местность от леса, срубая деревья и выкорчёвывая пни, вдруг наткнулся на что-то особенное — пень не пень, камень не камень, блестящее что-то. Обкапывая этот предмет всё глубже и глубже, он увидал уши, а потом и весь колокол. «Как попало сюда колоколо? Какими судьбами? — думает он. — Надо осмотреть; вот я окопаю его, только прежде схожу пообедать, а то натошак-то не сможется». Воткнул он лопату в землю и пошёл. Пообедал он на скорую руку и идёт назад. Смотрит кругом по сторонам, где колокол? Колокола нет, ничего нет кругом подходящего, ни ямки, ни бугорка, как будто во веки не копывано, стоит лопата на ровном месте. С тех пор и пошёл по народу слух, что на Поташном есть невидимая подземная церковь. Как она очутилась под землёй — провалилась ли или там создавалась, — неизвестно, но только слух о существовании невидимой церкви упорно держится в народе. Говорят даже, что некоторые удастаиваются иногда слышать звон этого храма, только неясный, глухой. Рассказывают, что один крестьянин д. Бархатиха, по имени Матвей Постный, предок наш, за своё воздержание допускаем был в эту церковь и пользовался иногда заимообразно церковною казною. Однажды будто бы он не внёс почему-то сполна занятую сумму, намеренно или ненамеренно, несколько грошей, так за это невидимую рукою был ослеплён. (Запис. уч. Ф. Шаров, 1900 г.)

Приведённый рассказ, с одной стороны, примыкает к некоторым из Китежских сказаний, с другой — роднится с циклом преданий о кладах; в последней своей части он представляет версию типичного сказания о возвратном кладе. Совершенно сливаются с кладовыми сказаниями предания, записанные А. Талльгреном о «Заичьих горах» на р. Лычанке Галич. у.: народ рассказывает об этом месте, что здесь под большой сосной был скрыт большой богатый клад, там горел огонь и на самом холме стоял храм, иконостас которого ещё находится в земле.

Другие рассказывали, что там некогда происходила битва и там находили много оружия. И здесь в приурочении к определённому пункту поэтических и символических образов скрывается свой особый смысл, какое-то смутное народное воспоминание или догадка. Это место если и не хранит в недрах своих иконостаса, зато имеет любопытнейшую доисторическую культуру бронзового века, как показали производившиеся здесь раскопки.

В.И. Смирнов. Труды КНО по изучению местного края. Вып. XXIX. — Кострома. 1923.

Сказка о том, чьё мастерство мудрёнее

Спорил раз немец с русским, чьё мастерство мудрёнее. Немец был часовщик, а русский — простой плотник. Заклад положили по сту рублей. И уговорились, что через неделю сойтись вместе и при честной компании показать всякому своё мастерство. И кто из них хитрее по своей части работу представит, тому и заклад отдать.

Вот прошла неделя. Пришел немец, пришел и русский; и народу много собралось, всем любопытно, кто кого перехитрит: немец ли русского, или русский верх возьмёт?

Первый стал показывать немец. Вот он вынул стеклышко и положил на стол, а на это стеклышко из маленькой коробочки выпустил подкованную блоху. Да так-таки на все шесть ног по серебряной подковке и подбил! Та по стеклышку прыгает и ножками — чик, чик, чик!..

Все диву дались. Ну, хитер немец! Куда тут русскому нос совать? Всё же ждут, чем и плотник дивить станет. А у него один топор за поясом.

— Какое, спрашивают, ты изделие своё принёс?

— Никакого, говорит. А только покажу я вам, какую в топоре верность имею.

И велел он принести со двора деревянный чурбан; он идучи его приметил. «Завязывайте, — говорит, — мне глаза, я-де и без них обойдусь».

Завязали ему глаза. А он левую руку на чурбан плашмя положил, а в правую топор взял и что есть силы, промеж пальцами рубить начал.

Тут все не то что диву дались, а и со страху обмерли. Себя-де человек искалечит да и денежки кровные отдаст.

Не тут-то было. Рубил, рубил...

— Будет ли? — говорит. — А то давай-де, немец, и твою блоху, клади на чурбан... Я и её топором найду.

Немец и спорить не стал, заклад русскому выдал.

Наговорённый квасок

В одной семье никак не было ладу. Муж то и дело жену бил: не могла она никогда против него смолчать. Он слово скажет, а жена — три, он три, а та — десять. Не возьмёт муж словами, колотить жену почнёт. Не житьё было у них, а каторга: ничего-то в гладь не скажут, ничего-то по-людски не сделают. С жены синяки так и не сходили. Да навернулся к ним добрый человек — странник прохожий. Мужа не было дома. Баба и почала жаловаться страннику на свою долю горемычную, на мужа-лиходея.

— А ты бы, умница, и смолчала, — присоветовал странник.

— Так и стала молчать против врага, — говорит баба. — Вот приедет он, окаянный, из лесу, зарычит, как зверь: и обедать давай!.. И онучи сухие неси!.. И лошади сена дай!.. Да всё чтобы живо ему. Не разорваться же мне. Ох, уж доля моя такая горемычная. Ты, Божий человек, не знаешь ли вот заговора,

как моего врага усмирить, чтобы не дрался-то он? На квасок не пошпечешь ли? Или на воду?

Странник подумал и говорит:

— Знаю. Пожалуй, пошпечу тебе на квасок... А ты, как приедет муж да начнёт браниться, возьми этого квасу в рот и держи во рту, не глотай, не выплевывай. Коли послушаешь меня — помяни мое слово, — перестанет драться.

Пошпечал странник на квасок и пошёл своей дорогой.

Приехал муж из леса усталый и закричал:

— Обедать! Живо поворачивайся!..

Жену так и подмывает сказать ему: погоди-де, не торо-

Русская крестьянская свадьба. Лубок. 1877 г.

пись, у меня и ши не упрели. Да сказать-то ей ничего нельзя: квас во рту. Муж ест недоваренные ши, а сам бранится:

– Я как собака устал, а она только устряпалась. И что здесь делала, ленища проклятая.

Жена все молчит, боится квас выпустить. Муж перестал ругаться и ни разу жену не ударил, а пообедал и улез на полати.

На другой день та же история. Муж бранится, а жена молчит. Муж с дива пропал, что с женой сделалось? Ну, и его совесть зазрела: что-де я лаюсь? Перестал не то что драться, а и браниться. Зажили они с тех пор в мире и согласии. Помог наговорённый квасок.

Малороссийская пляска. Лубок. 1877 г.

Несолёный кисель

Вышла девка замуж и стала хозяйкой. Нужно чем-нибудь мужа кормить, а стряпать-то не умеет — потому за большухой, за матерью жила. И запросил муж у молодой жены киселя овсяного. Как быть? Солить ли кисель, когда варить будет? А что-то такое слышала: то посолить надо, то солить не надо. Хоть бы у соседки спросить, так стыдно: по всей деревне просмеют. Вот вышла она на улицу, смотрит — шерстобит проходит. Она и давай его бранить ни за что ни про что: «Экой, — говорит, — ты, дядя, несолёный кисель!» А он ей: «Дура баба, да разве кто кисель солит?» А она тому и рада и на «дуру» не осердилась; теперь узнала, как кисель варят. Кисель сварила и мужа накормила.

Звон в Великий пост

У одного помещика собрались гости, кажись, на именины. Был и поп с дьячком. Один барин выпивши-то и говорит:

– Госка, право, этот пост у вас. Зазвонят, всю душу вытянут. Бам!.. Бам!.. Бам!.. — А сам дьячка-то за косицу и дёрнет каждый раз. — Бам!.. — А сам дёрнет.

Дьячок морщится, а терпит. Натешился барин, перестал. А дьячок-то вцепился барину во всю голову и давай наяривать, а сам приговаривает: «Не все, барин, Великий пост, доживем и до Святой Пасхи! А о Пасхе-то мы вот как звоним: Тини, тини, бом, бом, тини, бом, бом...»

Да так назвонил, что искры из глаз...

Записаны священником А.С. Андрониковым в Костромской губернии в 90-х годах 19 в.

ПРЕДАНИЯ И БЫЛИЧКИ

Предания рассказывают о происхождении деревень и сёл, об их названиях, о происхождении местных рек, лесов, о событиях, которые бывали в далёком прошлом. Бывали, да и сейчас есть.

Сказки от Афони

Жил когда-то в деревне Большой Пызмас Афоня, он и рассказывал сказки. Афоня занялся таким ремеслом, так как был «тёмным». Когда он приезжал

в деревню к сестре, дом заполнялся людьми так, что яблоку было негде упасть. Сказку Афоня складывал не один вечер. Образы его сказочных героев благодаря удивительно богатому языку рассказчика были так яркие и зримы, что слушатели забывали о времени, слушая сказочника. Как-то один из слушателей спросил Афонию:

– Скажи, Афанасий, каким чудом ты можешь помнить столь длинные сказки?
– А я ведь их, ребята, и не помню. Если правду вам сказать, я не знаю ни одной сказки. И ту, что сегодня досказывал, мне в точно-

сти не повторить. Вот когда я беру в руки тряпку и начинаю её щипать, мне словно бы открывается дверь в какую-то иную жизнь, и рождается сказка.

Сказки Афони из деревни Большой Пызмас отличались неизбывной фантазией, глубокой образностью, народностью языка и были они поразительно захватывающими. Умер сказочник Афоня, канули в лету с ним и его сказки. Лишились мы своего творческого богатства, но и сегодня продолжают жить среди нас мастера-сказочники.

В настоящее время в деревне Мостовая Леденгского сельского Совета живет хороший рассказчик Мочалов Николай Дмитриевич. Родился он в бывшем Ивановском сельском Совете в деревне Крутики в 1904 г. Очень долгое время работал дорожным мастером, сейчас на пенсии. Обладает феноменальной памятью, прекрасной манерой рассказывания. Николай Дмитриевич очень многое может поведать об истории родного края, о живших и живущих людях. Этот человек знает много пословиц и поговорок, быличек и былей, песен и прибауток. Вот одна быль, услышанная из уст Николая Дмитриевича.

Филина мельница

В деревне Королёво Леденгского сельского Совета жил мужик-средняк по имени Филия.

В один год мужики этой деревни раскорчевали лес и посадили на этом месте горох. Вырос горох небывалый, и решили мужики продать его повыгоднее. Когда установился санный путь, поехали они в Нижний Новгород на ярмарку. К обеду продали весь свой урожай и пошли посмотреть товар в лавках. Пошёл и Филия; была у него дочь на выданье, вот ей он и хотел купить товару — что-нибудь в приданое. В лавках товару много, глаза разбегаются. Тут подходят к нему двое мужиков и интересуются, что ему нужно купить. Открылся им Филия, о дочери рассказал, о покупках, которые мечтает купить ей. Пригласили они его с собой, дескать, в их лавке есть тот товар, какой ему нужен. Пошёл Филия. Подошли они к дому. Зашли во двор, потом в коридор. В коридоре темно, а впереди свет горит и виднеется там разная мануфактура. Вдруг погас свет, закрылась за спиной Филия дверь. Понял Филия, что попал в ловушку. Был он не из робкого десятка. Мужик здоровый, осмотрелся Филия: лавка была богатой, товару много. Открыл ящик у стола,

а там пачки денег. Взял он столько, сколько влезло в карман, даже в валенки напихал, и стал ждать. Знал, что по его душу должны прийти, и скоро слышались голоса. Приготовился Филия, понял, что до конца будет стоять за себя. Когда открылась дверь, он стал махать кулачищами, один отлетел в сторону, следом и другой. Побежал Филия, хотел перемахнуть через забор, но за ногу его схватили, валенок слетел вместе с деньгами. Так в одном валенке и прибежал Филия к своей повозке. Деревенские мужики уж давно ждали его. Заторопил Филия мужиков, отмахнулся от расспросов, никому не сказал про этот случай. Приехал домой, вскоре справил свадьбу дочери. Потом нанял мужиков и выстроил мельницу по реке Пызмас. По деревне ходили разные слухи о его богатстве, а он молчал. Только перед смертью, на исповеди, открыл свою тайну. От мельницы в настоящее время ничего не осталось, но место, где она стояла, до сих пор называют Филиной мельницей.

О деревне Фурово

В деревне Аверино живет Николай Степанович Гробов, бывший фронтовик, учитель, много знает об истории родного края. Вот какую легенду он рассказал о возникновении деревни Фурово.

Из Вятской губернии приехал на хутор мужик Фура. Потом приехал его свояк Иуня. Они стали разрабатывать земли, рубить лес по реке Кузюг. Потом к ним приехал Авдом. Между ними начался делёж владений. Иуня убил Фуру, потом Авдома. Завладев сенокосными угодьями по реке Шайма, Иуня разбогател.

В это время по реке Вохма орудовала банда в 12 человек. Эта банда напала на Иуню и обокрала его. Иуня соединился с хуторянами по реке Вохма и стал преследовать разбойников. Иуня с хуторянами напали на лагерь разбойников. Иуня приткнул деревянными вилами атамана к земле и стал требовать вернуть своё добро. В обмен на жизнь атаман согласился вернуть богатство. Бандиты все вернули Иуне и хуторянам. Разбойники в конце концов были разгромлены.

Другая легенда гласит о том, что атаман вёз сундук с золотом. Когда же его стали крестьяне преследовать, а потом и догонять, он бросил сундук в реку Вохму. Речку потом так и стали звать Вохма — Золотое дно.

Подготовлено А.В. Ивковой

ЗАБЫТЫЕ ПЕСНИ

Песнями сопровождался каждый праздник, без песен не обходились ни гулянье, ни посиделки. Весной девушки начинали водить хороводы на улице, петь весенние песни. Конце весны, начало лета отмечали прекрасные праздники Семик, Троица (зеленые святки), когда в зелени утопали дома и улицы, когда украшали венками и славили берёзку, когда хороводам и песням не было конца. Ещё живы воспоминания о праздновании Ивана Купалы, ещё напоминают о древних игрищах в честь Солнца-Ярилы костромские топонимы: «Ярилина горка», «Ярилки», «Ярилина плешь». Пролетало лето — время хороводов, гаданий о будущем урожае, о судьбе и, конечно, о любви; проходила осень — время жнивных обрядов и песен. Наступали холода, и люди уносили свои песни в дома, чтобы следующей весной опять выпустить их на волю.

*Не летай-ко, сокол, высоко,
Да не маши-ко крылом
во терем,
Не маши-ко крылом
во терем.
Да что во тереме бояре
сидят.
Что большой-от то —
государинушко,
Что большой-от то —
государинушко.
Да он по терему
похаживает,
Да он по терему
похаживает,
Да калёну стрелу
налаживает,
Калёну стрелу налаживает.
Да ты лети, лети,
калёная стрела,
Ты лети, лети,
калёная стрела,
Да ко вдовушке
во широкий двор,
Да ко вдовушке
во широкий двор.
Да у вдовушки была
дочь хороша,
У вдовушки была
дочь хороша, —
Что да Марья-то Ивановна.*

А.В. Подшивалова

Записано в 1982 г. у У.А. Смирновой, 1911 г. р.,
д. Горлово, Поназыревский район.

Святки

Началом нового года считался момент возрождения солнца. Зимний солнцеворот утверждал победу света над мраком. Цикл праздничных обычаев и обрядов, очень разных по времени и происхождению, связан с этим удивительным временем. Зимние святки делились на два периода: так называемые «святые вечера» (25 декабря — 1 января) и «страшные вечера» (1 января — 6 января). Праздник начинался колядованием — обходом домов с пением песен-благопожеланий — колядок.

ПОДБЛЮДНЫЕ ПЕСНИ ДЛЯ ГАДАНИЙ

*Что поньне-то у нас
Да святые вечера.
Что святые вечера
Да Васильевские.
Мы не песни поём —
Да хлебу честь воздаём.*

*Растворили квашенку на дёнушке,
Взошла наша квашенка вполным-
полна.
Кому хорошая достанется,
Тот будет жить сполна.*

*Лежат на гумнёшке три ворошка.
Из первого ворошка пиво курить,
Из второго ворошка хлеб пекти,
Из третьего ворошка вино
приготовлять.*

*Порхалась курочка у царя под окном,
Выпорхала курочка злат перстенёк-
отриставочку.
В первой отристабочке сто рублей,
Во второй — тысяча рублей,
А в третьей и сметы нет.*

*Прикатилась бусерина ко кроваточке,
Здравствуй, жених, да со невестой
лежит.*

*Идет щёголь по улице,
Тар-тара-ры, подколенки голы.*

*Ушла наша коровушка в лес по дрова,
Пришла наша коровушка с приполоком
Да с телёночком.*

*Ещё ходит котик в печурку спать.
Местечко узёхонько — улягутся,
Одеяльшко коротенько — укроется.*

Ходит котик по лавочке,
Водит кусырка за лапочку.

С улицы — сокол, а с другой —
соколица.
Сам таился, да целовался.

Ходит рыжичек по ельничку,
Ищет белую беляночку.

Комар тищит да сто рублей тащит.

Идёт свинья из Питера,
Вся свинья иглами истыкана.

На новый год да сосновый гроб.

На семи лошадях бревно везут.

Пшеничному зернышку погибели нет.

На корыте сидит, да корысти ждёт.

На полке блины да помазаны.

Рюмочка-припевушечка,
Куды приплывет, тут и всех
приживет.

Вью лелю! Завью я зелёный венок,
Заломаю я берёзку, совью я зелёный
венки,

На свою буйную головушку
Опуцу я зелёный венок.

Я по Волге по реченьке,
На родную сторонушку,
Ко родителю, ко матушке,
Взбунтовались ветры, вихори,
Раскачали лёгку лоточку;
Полетела лёгка лоточка
На родимую сторонушку,
Ко родителю, ко матушке,
К её красному окошечку.

Выходила моя матушка
На своё красное крылечушко,
Смотрела на лёгку лоточку.
Лёгка лоточка расколыхалось.
Воспывал тут зеленой венок;
Получила матушка
С быстрой речки зеленой венок,
Получа, она призадумалась,
Призадумавшись, слёзно плакала:
— Не моя воля, а чада милова,
Не её ли зеленой венок
Подплывал к моему окошечку?
Не моё ли чадо милое во тоске
живёт?
Во тоске живёт или во гуляньице,
Со своими милыми
подружками!

Вербное воскресенье

<..> В Вербное воскресенье пекут барашки, когда придут из церкви с вербою, то барашками также кормят скотину, а вербу втыкают у св. икон и берегут круглый год до Егорьева дня. В Егорьев день, хотя бы скотину ещё не согнали, годовую вербою, ходя по двору, хлещут скотину, приговаривая: «Господь благословляет и здоровьем награждает!» В таких селениях скотину в первый раз выгоняют уже просто без вербы. В семик, когда завьют берёзку, став под неё, поют:

Привитые ленты снимают с берёзы в Духов день и бросают в воду с гаданием на отца, мать и на свою будущую участь. Когда венок, брошенный на отца или мать, потонет, то им в тот год замечают умереть, когда поплывёт, то год проживут. Если венок, брошенный девицею на счастье её самой, потонет, то год жить в печали, если поплывёт, то отдадут замуж. <..>

Л.А. Мелькова.

Записано в 1992 г. у А.П. Калининой, 1925 г. р.,
Ф.П. Королёвой, 1927 г. р., д. Гудково,
Поназыревский район.

Обряд вывода невесты

Обряд вывода невесты к дружке или к жениху очень интересен и имеет много вариантов. В Поназыревском районе жених давал подругам выкуп за невесту: только после этого её выводили в горницу.

Ты река ли, речка быстрая,
Да быстрая, да бережистая,
Ты бежишь да не колыхнёшься.

В выставочном центре Поназырева разместились экспонаты краеведческого музея. 2008 г.

Да ты душа ли красна девица,
Ты сидишь да не улыбнёшься,
Да ни к чему да не приступишься.
Да ни к матушке, да ни к батюшке,
Да ни к подружкам своим,
голубушкам.
Тебе не та да пора пришла,
Что сидеть да разговаривать,
А ещё тебе пора пришла —
Ко злату венцу ехати
Со своим-то суженым
Со Иваном свет Васильевичем.

Женихова-то сваха — гордена,
Она пешем молиться не ходит,
Она сивых-то коней не любит,
Ой, все для неё, ой, все для неё —
Пара коней вороные.

Кони-то вороные,
Повознички молодые.

За величание девушки получали дары. Если же подарок не нравился или же был слишком мал, или просто хотелось кого-либо подзадорить, девицы заводили припевки.

Да уж вы сватами хвастали,
Да кулаками об стол хрястали.
Что у вас дары-то на семи
верстах,
Да переводы до Обжорова.
Что и свату-то-хвастуну —
Четыре чирья в бороду,
Пять — в самое горлышко
Заместо красну солнышку.

СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

Отставала лебёдушка
Да от стада лебединого,
Да приставала лебёдушка
Да ко серым гусям.
Да её гуси стали циптать,
Да она стала крикати:
Да не циплите, гуси серые,
Да не сама я к вам пришла,
Да занесло меня непогодю
Да во чужую во деревнюшку,
Да во большую во семьюшку.
Да что и свекор-то-батюшко,
Да как осока резучая,
А свекровушка-матушка,
Да что крапива жгучая,
А золовушка-матушка,
Да что ишипка колючая.

Л.А. Мелькова.

Записано в 1991 г. у Л.Н. Терегъевой, 1912 г. р.,
д. Быстрово, Поназыревский район.

БЕСЕДНЫЕ ПЕСНИ

На праздничные дни в Святки девки пряли в какой-нибудь избе. «С Михайлова дня начинали прясть. В декабре игрищ не было, только беседки были».

Девушки на беседках пели песни, выговорки выговаривали, загадки загадывали...

Парни придут с гармонью. В середки сядут. Ребятам охота поплясать, а отца стеснялись.

Спрашивают: «Настя, можно поплясать?» — «Я не знаю, надо спрашивать отца». — «А где он?» — «Вроде на полатях».

Придут: «Василий Фёдорович, можно поплясать?» — «Пожалуйста». Ребята прыслицы отбирают, уносят. Пляшут.

В Рождественский пост приезжали гости — двоюродные, троюродные сестрёнки. Гостили не-

Хор ветеранов Вохомского района на днях культуры в Костроме. 2008 г.

дели по 2, по 3 с Филиппова говинья до Масленицы.
«Ходили на игрища и на беседки. Пели частушки про гостьбу».

ПЕЛИ В МАСЛЕНИЦУ

*Спородила меня мати,
спородя, невзлюбила.
Отдала меня мати
девяти годов замуж.
Не велела мне мати
девять лет побывати.
Через три стосковалась,
я домой собиралась.
Батько пир-от заводит.
Всю родню созывает,
а меня забывает.*

*Пойду, выйду, младенька,
Я во чистое поле,
во широко раздолье,
 Попрошу я, младенька,
Я у ласточки перья,
у касаточки крылья,
У кокушки-горюшки
я тонка голосочка.
Закукую кукушкой, загорюю
горюшкой:
– Ку-ку, ку-ку.
Полечу я, младенька,
на родную сторонку,
Прилечу я, младенька,
на родную сторонку,
Уж я сяду, младенька,
к воротам на верейку,
Закукую кукушкой, загорюю
горюшкой:
– Ку-ку, ку-ку.*

*Что старшой-от брат ходит,
он ружьё в руках носит.
А второй-от брат ходит,
он ружьё заряжает.
А третий-от брат ходит,
застрелить младу хочет.
А родная-то мати по новым
сеням ходит,
Она голосочком воет:
«Вы не бейте кукушку,
вы не бейте горюшку,
Это вам не кукушка,
это вам не горюшка,
А родная сестрица,
из-за горки девица».*

Записано В.В.Чичериной